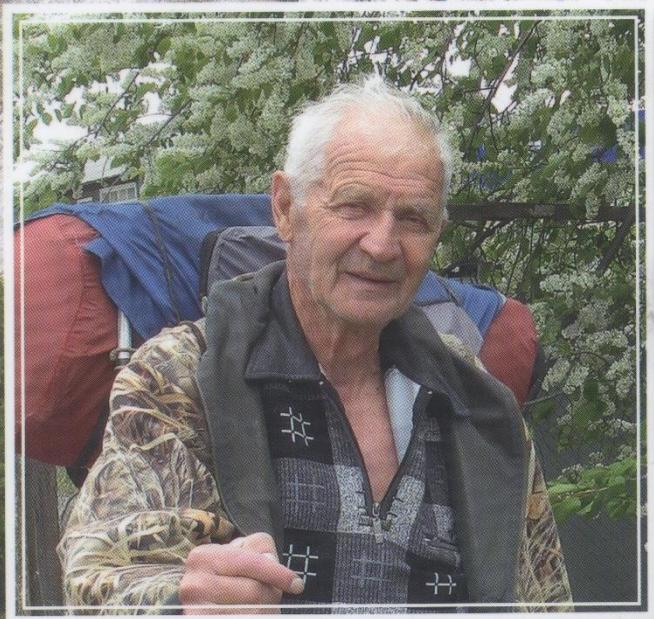

Олег Пеньков

**Не ходи
без тропы**

Олег Пеньков

Не ходи
без тропы

поэтический сборник

УДК 821.161.1
84 (2 Рос=Рус)
П-25

Пеньков Олег Павлович
Не ходи без тропы
Поэтический сборник
Компьютерный набор текста, редакция,
Макет-оригинал автора
2022; 440 стр.

«Я НАПИСАЛ ХОРОШИЕ СТИХИ»

*Я написал хорошие стихи,
Если судить о них не слишком строго,
Конечно, в них есть доля чепухи,
Зато и смысловой нагрузки много.
(Олег Пеньков)*

– Да Вы, батенька, поэт, и поэт настоящий! – воскликнул один классик, прочитав стихи другого классика, тогда ещё начинающего.

И я не смог удержаться от подобного восклицания при личной встрече с Олегом Пеньковым по поводу его первого поэтического сборника: «Да Вы, батенька, настоящий поэт!» И это было более многозначительным, чем общение классиков, ибо мой «батенька» и по возрасту к категории молодых не подходит, и в литературные профессионалы не метит, деля это хобби с другими, может быть, даже отдавая предпочтение более сильному увлечению – общению с природой. Вот и на сей раз, толком не переварив мой комплимент, он уже спешил на таёжное лоно. Душой он давно слился с бескрайними сибирскими просторами, речной стихией, неповторимой красотой Байкала, Саян, да так, что не понятно, где у него настоящий дом: в городе или в тайге.

Уйти от городской суеты не сложно, но от Музы не убежишь, она настигает своего пленника везде, и, когда этот сладостный плен сливается с душевным осязанием природы, тогда непроизвольно рождаются самые чувствительные, самые проникновенные строфы. И неудивительно, что одни из наиболее

удачных творений родились от живого общения с нашей флорой, да и фауной тоже.

*И редкий день без удивленья,
И так чудесен белый свет:
Тут и редчайшие явления,
Что раз бывают в сотни лет,*

*И те, что всюду с рядом с нами,
Без передышек и границ,
От гроз, торнадо и цунами
До брачных танцев райских птиц...*

*Так лёгкого тебе подъёма.
Беги, пока не прозевал,
С дивана, из кафе, из дома –
На реку, в горы, на Байкал!*

«Прощание с Камчаткой», «Мы снова уйдём», «Зимовейка», «Комета», «Корешок», «Комарики», «Соболиные озёра», «Курья», «Водопад «Чарующий», «Китой», «Бурундук», «Дабан-Жолга» – названия сами за себя говорят. Нет, неправда – сами они мало о чём говорят – говорит автор своим неповторимым образным, точным, сочным языком.

Особую душевность придаёт нарисованной поэтом картине его умение уловить мельчайшие детали, близкие глазу и волнующие душу. Обычное таёжное жильё в чутких устах нарекается «зимовейкой», а какие мелочи радуют казалось бы сурового лесного гостя:

*...Тропа нескучна и красива.
Над дальним хребтом облаков паруса
Плывут себе неторопливо.*

*Вот здесь, у ручья, подышим костерком,
Присядем на камешки с краю,
Журчащий хрусталь зачерпнём котелком,
Заварим по кружечке чаю.*

*Дохнёт нежилым заскрипевшая дверь
Чуть выше пупка высотой.
И холод, и дождь нипочём нам теперь
Под крышей, пусть даже худою.*

Оказывается, можно опозитизировать такие, вроде бы прозаические, детали, которые под всевидящим пером становятся зримыми, осязаемыми:

*И дымная печка прогонит в трубу
И сырость, и нашу усталость.
Мы выпьем семь капель за нашу судьбу,
За всё, что нам в долю досталось.*

Редко кому удавалось лицезреть комету. Ещё реже кому удалось описать её явление. А уж так обрисовать её и свои ощущения, думаю, дано только Пенькову.

*Как осыпано звёздами небо!
Месяц рогом сосну забодал...
Как давно я в лесу ночью не был,
А комет никогда не видал!
Есть волшебное что-то в комете:
Будто тихо, сквозь ночи покров,*

*Кто-то тусклым фонариком светит,
Из далёких подкравились миров.*

*Вот и ночь потянулась к рассвету,
В тёмном небе – намёк синевы.
В первый раз я увидел комету!
В первый раз. И в последний, увы!*

Начиная разговор о новом сборнике творений Олега Пенькова, я, признаться, впервые при литературном анализе испытал затруднения с выбором цитат из текста: попробуй найди лучшую из золотых россыпей. Более того, начав чтение, я не в силах остановиться, не пройдя до финальной строчки. Но приходится «подпоясывать своё желание» – ибо нельзя объять необъятное. Пока мы насладились только некоторыми мастерски нарисованными картинами природы, наполненными задушевностью и лиризмом. Это значительно отличает О. Пенькова от большинства собратьев по перу, особенно начинающих, которые стремятся воплотить свои чувства в любовной лирике, как правило, подражательного характера. Нет, конечно же, этой теме он как истинный рыцарь отдает немалую дань. У каждого своя «формула любви», главное, в этой «избитой» струе, заезженной вдоль и поперёк стихотворцами всех мастей тематике, найти свои нюансы, свои слова:

*И что-то глаза говорят,
И в голосе странная дрожь,
Конечно, мороз виноват,
Не очень трескучий, но все ж...*

*Я б иней на прядке волос,
Дохнув, отогреть захотел,*

*Но капли блеснут вроде слёз,
А иней останется цел.*

Отдав должное воспеванию прекрасного образа женщины, поэт не обходит и «изнанку любви»:

*Ты любила, и это прошло.
Ненавидишь – и это пройдёт.*

Или:

*Как в зеркале кривом
Гармония лица.
Волшебно исчезает
И меркнет красота!*

Как страшен женский гнев.

Ну, и наконец, третья ипостась любви, наряду с любовью к природе и к женщине – столь же сильное чувство к большой и малой родине. Патриотизм Пенькова не показной и не звонкий, здесь уместно вспомнить известное выражение «гражданский пафос».

*Когда меня бы ни спросили,
Что свято мне – отвечу я:
Свобода Родины-России,
Её свобода и – моя.*

Пользуясь приёмом прямого обращения к современнику, он становится обличителем гражданской пассивности, аполитичности:

А во дворе расцвёл бандит,

*А во дворце – чиновник,
А я стою в плену обид,
Всех бед своих виновник.*

*Народ и партия опять,
Как шея с чирьем, слиты,
Россией рвутся управлять
Хануги и бандиты.*

*А ты: не жулик, не стяжатель,
Не коррупционер, не вор.
Но всё же, извини, предатель.
А хата с краю – твой укор!*

Автор не сглаживает «острых углов» и в патриотической тематике:

*И долгу вы были верны, и приказу,
И Родине не изменили ни разу,
Ни разу ни в чём, ни в большом и ни в малом,
А «родина» сколько вам раз изменяла!*

Этот горький укор прозвучал в стихотворении «Челябинск – 40». Зловещий заголовок живо напоминает нам о чернобыльской трагедии, но до сих пор мало кто знает, что подобная техногенная беда разразилась в нашей стране в заштатном городе Озёрске на засекреченном заводе «Маяк», и ничего не подозревавшие солдаты-срочники в течение нескольких лет были обречёнными ликвидаторами последствий атомного взрыва и радиационного заражения. Одним из скромных участников этой эпопеи также оказался наш Олег Павлович. Впрочем, скромность та была вынужденной («А чтобы о взрыве нигде не узнали, мы все о молчанье подписку давали»).

А как своеобразно касается он ещё одного негасимого костра в наших душах – темы Великой Отечественной. И здесь без привычной для многих бравады. Суровая правда того времени осязаемо выражена в чувствах его поколения, тех, кого сейчас называют «дети войны», и сфокусирована она поэтом в... хлебной крошке. Ей посвящены даже два стихотворения.

*Мгновения волшебные! –
Съедали ртами жадными
Детишки крошки хлебные,
Что в снег с прилавка падали.
Кто помнит боль военных лет,
Средь самого хорошего,
Конечно, вспомнит этот хлеб.
Те крошки детства прошлого.*

Что характерно, автор никогда не впадает в пессимизм. Оставаться оптимистом в поэзии ему помогает неиссякаемое чувство юмора. Ну, прямо пушкинским образом лирик в нем сочетается с юмористом. Ряд его творений – ярко выраженной сатирической направленности: «О мемуарах», «Мне не дано», «Никотин», «А что есть глупость?», «Постижение истины», «На природу» и т. п. В других – прозрачная насмешка непременно вызовет улыбку: «Ё-моё!», «Веник» и др. Но и в большинстве в общем-то серьёзных творений почти всегда присутствует юмор, лёгкая ирония. Достигается это различными словесными приёмами, о чём необходимо сказать подробнее. Главное в творчестве – художественное мастерство. В определённую проблему может войти и литературная посредственность. Но чтобы создать полноценное художественное произведение, нужен талант. А он – от Бога. Ему нельзя научиться. Художественное чутьё

заложено в человеке природой, и ведёт его по лабиринтам творчества, независимо от профессии или места службы.

– Прошу простить: я не рождён поэтом. В мой герб вошли зубило с молотком, – откровенничает Пеньков и явно скромничает. Таким острословом надо родиться, и зубило с молотком – не помеха творчеству. Что не вышел в литературные профессионалы – может, скромная самооценка и помешала, а может, перст судьбы. Но истинный талант не скроешь. Он всегда рядом: и при работе зубилом с молотком, и когда преподавал в учебном заведении, и когда служил, и когда бродил по горам, лесам. Руки-ноги делали своё дело, а в голове тем временем слагались божественные строки. Листаемый сегодня сборник ярко свидетельствует о высоком художественном мастерстве. Мы уже имели счастье насладиться богатейшим лексическим подбором. Характерной чертой мастера является нескончаемая «игра словами», ловкими оборотами, подчас каламбурными сочетаниями, типа: «от души надушен», «квадрат намалевал один Малевич», «в правительстве осёл осел», «безбожник я, а значит, и бесчёртник», «ум – тугодум, а глупость совершенна», «глуп человек не тот, кто просто глуп, а тот, кто глуп, но этого не знает», «католик убивает протестанта, в душе своей не чувствуя протест», «кто-то ж должен верить, иначе будет некого надуть» или:

*Я в суеверьях модных не виновен,
И знаки зодиа chy не учу:
Не Скорпион, не Дева и не Овен
И Раком стать, конечно, не хочу.
...что Нострадамус – плут и самозванец
И что в Лох-Нессе Несси не живёт,
И никакой космический засланец
Мне никогда не сядет в огород.*

Частенько иронические обороты становятся ходовыми идиомами и рефреном повторяются несколько раз, например:

– *Честней писать без правки, но... воображенье нам дано.*

– *Казалось бы, что проще? Но – воображенье ж нам дано.*

или:

– *Приятна жизнь в отдельные минуты,
когда мы сами этого хотим.*

В сравнительно небольшом стихотворном разделе сборника автор являет самые разнообразные ритмические построения, различные стили – от возвышенного до народно-песенного, а подчёркнуто простые рифмы чередуются со сложными, да не без претензии на оригинальность:

*И были дни, как помню я,
И лица хмуро-муторны.
«Вставай, страна огромная!» –
Хрипели репродукторы.*

*Всего-то не хватало нам:
Шли дни, потери нёсшие.
И сводкам левитановым
Внимали молча взрослые.*

*Но не судьба: не повезло нам
Обзавестись таким законом.
Чтоб к делу перейти от слов,
Нам не хватило двух ослов.*

Ясное дело, не все вошедшие в сборник вирши могут быть удостоены моего хвалебного слова: где-то стихотворец впадает в декларативность, где-то проглядывает авторская небрежность. Здесь можно было бы оговориться чем-то вроде того, что «царскосельских лицеев не кончали» и литературных вузов тоже, да вот только я в этом нахожу важнейший позитив: творчество Олега Пенькова начисто лишено литературных, а точнее псевдопоэтических оборотов, набивших оскомину стихотворных штампов, которыми грешат многие, в том числе и те, кто не в состоянии распознать в его творчестве истинную поэзию. В его стихах, слава Богу, ни звёзды не падают с неба ни в карман, ни на ладонь, душа и сердце не витают в облаках, ангелы не поют, демоны не маячат, свечи не коптят, бесконечные снежинки, дождевики, былинки, травинки, разлучные речные берега и прочая дребедень, кочующая по виршам с фольклорных времён, не находят места. И даже слово-чемпион лирических жанров «любовь», навязшее в зубах рифмоплетов всех времён, начиная с классиков, у нашего товарища присутствует без злоупотребления.

А закончить хочется словами главного героя сией статьи, на глазах преодолевающего ложную скромность, точнее – извечные авторские сомнения:

*...Что ж, пусть лежат подальше от греха?
И я не покажу им в жизнь дорогу?
И всё же в них не только чепуха...
И всё же хороши они, ей-богу.*

Борис Барановский

К Ч И Т А Т Е Л Ю

Ты думаешь, поэзия – в строке?
У многих нас такое заблужденье!
Она везде: вблизи и вдалеке,
В горах, в реке, в кипящем котелке,
В разящем слове, в дружеской руке,
В биенье сердца, в воздуха глотке...
А там, в строке – лишь только отраженье!

ПРИНЕСИ ЛЮБВИ ПРИСЯГУ

Принеси любви присягу;
В предпочтенье всем богам
Сердце, душу, руку, шпагу
Положи к её ногам!

Стань перед её очами
С клятвой, чистой и святой –
И она твоею станет
Путеводною звездой.

И исчезнет серость будней,
И счастливых дней не счесть,
И тебе отныне будет
Мир прекрасней, чем он есть!

Гнев смирится, страх умчится,
Ревность мимо проползёт;
Зависть в сердце не вонзится,
Злоба печень не сожрёт.

Светлой доле путь построен
Будет до последних дней
Если ты любви достоин –
Принеси присягу ей!

ЧТО СВЯТО МНЕ

Когда меня бы ни спросили,
Что свято мне, – отвечу я:
Свобода Родины – России;
Её свобода, и – моя!

Какая ж нам земля досталась
От богатырского плеча!
Её история держалась
На звоне сабли и меча.

Века, эпохи миновали,
Сменялись ханы и цари,
Но крепко землю защищали
Её сыны – богатыри!

И это были миллионы,
Чья доблесть выше всех наград.
Чью славу держит на погонах
Его Величество Солдат!

Мир хрупок. Если он обманет,
И если снова грянет весть:
- Война! Не та, что на экране,
А настоящая, как есть, -

И божеством восстанет Воин,
И нет превыше никого!
Любви и славы он достоин,
И свято мужество его!

МЫ СНОВА УЙДЁМ

Мы с тобой никогда не мелькали промеж
Тех, кто в отпуск стремится попасть за рубеж:
Нам Саяны подарены доброй судьбой,
И за это мы ей благодарны с тобой.

Там, на карты ещё не положенные,
Тропы, хоженные и не хоженные;
И проложены тропы паломниками,
Перевалов и бродов поклонниками.

Там встречаются люди особенные:
Речи искренние, чувства подлинные.
Не за славу, за деньги, за долг или страх
Они бродят и бродят в Саянских горах.

Рюкзаки, по-хозяйски уложенные,
Плечи стёртые, лица восторженные;
И маститые, и начинающие,
Взоры ясные, всё понимающие.

У кострища, где место волнующих встреч,
Странно слышать ручью иностранную речь:
Шведы, немцы, поляки и сибиряки...
А ещё – усольчане, мои земляки.

Они песни поют, адреса раздают,
Нас с тобою на новый маршрут позовут...
Разбивая кроссовки о камешки в прах,
Они бродят и бродят в Саянских горах.

Мы вернёмся, чтобы обо всём рассказать;
Нас послушают, но не сумеют понять –
Не сумеют понять: ну, какая нужда
Из Литвы, из Швейцарии ехать сюда?!!

Есть такая нужда! Они едут сюда,
Где целебна своей чистотою вода,
Где волшебно и свято дыхание гор,
Где рукой достигаем небесный шатёр,

Где названья звучат, словно песни сирен,
Где безропотно духам сдаётесь вы в плен,
Где подарят вам горы свою чистоту
И – мечту. Чтоб сюда возвратиться, мечту.

Пусть сограждане мчат к зарубежным местам.
А мы снова в Саяны уйдём. Наше – там!
Мы с тобой поприветствуем в добрых словах
Тех, кто бродит и бродит в Саянских горах.

Что толкает поэта к бумаге,
К ней, бесстрастной, один на один?
Как он сможет набраться отваги,
Чтоб стерпеть процедуру смотрин?

И какие он встретит сужденья
В храме настезь открытой души:
Одобренье или восхищенье,
Снисхожденья пустые гроши?

Дарованье его – не призванье!
Кто посмеет ему диктовать
Чьи-то осуществлять пожеланья –
Что писать, а о чём промолчать?

Если даже поэт и не пишет,
Всё равно он по сути поэт:
Всё по-своему видит и слышит,
Ко всему он любовью согрет

И судьбе благодарен за это,
Восхищён, удивлён. Обречён!
Ведь он смотрит глазами поэта,
Остальное совсем не при чём.

Все слышали поэта Сергея,
Хоть сказал он в семейном кругу:
– «Хорошо я писать не умею,
А совсем не писать – не могу!»

Словно долг, словно тяжкие гири
Эта страсть обо всём рассказать!
И – блажен, у кого в этом мире
Есть возможность стихов не писать!

Я написал хорошие стихи,
Если судить о них не слишком строго.
Конечно, в них есть доля чепухи,
Зато и смысловой нагрузки много.

Не покажу стихи я никому:
Одобрят ли, – как знать, – или охают...
Кому-то чепуха не по уму,
Кому не в толк нагрузка смысловая.

Что ж, пусть лежат, подальше от греха?
И я не покажу им в жизнь дорогу?
А всё же в них не только чепуха,
И всё же хороши они, ей-богу.

И я друзьям их показать посмел:
Имею право мнение иметь я,
Из прошлого придя тысячелетья,
Где я такого права не имел.

РОДНОЙ ЯЗЫК

Родной язык! Какая радость
Им обладать! Читать, внимать,
Вкушать искусной речи сладость,
И мыслить ею и мечтать!

Какую ценность представляет
Своей красой она сама,
Подарок предков – речь родная,
Продукт культуры и ума!

И не в уме ль изъян у многих,
Кто в чистоте блюсти привык
Одежду, обувь, руки, ноги,
Но, к удивленью, не язык!

Кто что собою представляет,
Определит она сама,
Наследье предков, речь родная,
Культуры мера и ума.

Когда любовь приходит,
Пиши стихи, поэт,
О звёздном хороводе,
Луне на небосводе,
О той, которой, вроде,
Прекрасней в мире нет!

Воздай хвалу подружке,
Да будет стиль высок!
Про глазки, ручки, ушки,
Про прядку на макушке,
Про кудри на подушке,
Про нежный голосок...

Про то, как бурно бродит
Вино твоей души...
А? Что? Она уходит?
Она уже уходит?
Любимая – уходит?!
Ну, что ж... Садись, пиши.

Как страшен женский гнев!
Как вмиг он превращает
В разверзнутую пасть прелестные уста!
Как в зеркале кривом досадно исчезает
Гармония лица, и меркнет красота...

Как оскорбляют слух рычание, стоны, взвизги,
Как жалки черепки от плошек и горшков!
Продукт слюнных желез как щедро сыплет брызги,
И как дрожит буфет от стука каблучков...

Когда же, наконец, наступит миг затишья
И встрепенёшься ты, всё это претерпев,
Чуть пропищит в душе задавленной мышью
То, что была Любовь... Как страшен женский гнев!

Ах, муки творчества! –
 нам слышится вокруг.
Однако же, поверь, мой друг:
Стихи отнюдь не доставляют мук
Ни для души, тем более для рук,
Хоть мне в течение жизни было
Привычнее пера слесарное зубило.
А если бы оно меня бы не кормило,
О чём писал бы я?

СЕ-ЛЯ-ВИ

Из всего, что так было светло,
Не вернуть ни единого дня!
Ты любила, и это прошло:
Ты теперь ненавидишь меня.

Поздно спрашивать, кто виноват,
Ничего не изменит вина.
И в обойме потерь и утрат
Остаётся всего лишь одна.

И не первые мы, се-ля-ви,
И потянутся дни, – много дней, –
Компенсировать годы любви
Будешь ты неприязнью своей.

И добро обойдёт нас, и зло –
Ничего нам судьба не пошлёт...
Ты любила, и это прошло;
Ненавидишь – и это пройдёт.

ВЕНИК

Как рано, этак лет с шести,
Жизнь ставит нас перед вопросом:
Чем лучше – веником мести
Или, к примеру, пылесосом?

Тут также тряпка хороша,
Обмотанная вокруг швабры –
И пыль не забивает жабры,
И воздух годен, чтоб дышать.

Но, чтобы тряпку намочить,
Тут требуется вдохновенье;
К тому же за одно мгновенье
Задачу эту не решить.

Другое дело пылесос.
Включил – и вот он завывает!
Ревёт вразнос, сосёт взасос,
Но... Телевизору мешает.

А там – бразильский сериал.
А тут шнуров и шлангов куча.
Пока всё это размотал,
Приходит мысль, что веник – лучше:

Не нашумит, не напылит
(В особенности, влажный веник).
Всегда готов, в углу стоит.
А сколько экономит денег!

Любовь с хорошей песней схожа –
Тут, несомненно, прав поэт;
Вы убедитесь в этом тоже,
Прожив в любви десяток лет.

Вас свяжут дом, детишки, ложе,
Дела, хозяйство... Се-ля-ви..
Но, говоря о браке, всё же
Не забывайте о любви.

Развод бывает лучше брака,
И это тоже – се-ля-ви;
Пусть не придётся вам, однако,
Справлять поминки по любви.

Создал Бог человека,
Сделал Богу подобным,
Ну, совсем как две капли,
А масштабом – поменьше:
Обезьяноподобен.
Человекообразен.
Но – какая гордыня!
Шибко Богу обидно.

БЫЛ БЫ Я ПОЭТОМ

Говорят поэты,
Ежели не врут,
Что писать сонеты –
Вроде как бы труд.

Был бы я поэтом,
Я бы робу снял,
Стансов и сонетов
Я б настиховал,

Рубаи и саги
Я б насочинил.
Мне б рулон бумаги
Да ведро чернил...

В кожаное кресло,
Сел бы у окна –
Им с такого места
Даль всегда видна!

А ещё поэтам
Облака видны:
В облаках – сюжеты.
Облака – важны,

Бродят мысли где-то
Там, в выси, в тиши...
Если нет сюжетов –
Про себя пиши!

Разве плохо, если
Встану, погляжу:
Как уютно в кресле
Я сижу, пишу,

Как любовник шалый
Обнимаю муз...
Я б вступил, пожалуй,
В ихний писсоюз.

Стал бы тоже членом.
Платят там у них
По хорошим ценам
За написку книг.

Даже богатеют!
И гребут порой...
Нет, не гонорею...
Нет, не геморрой.

Как-то он зовётся...
Этот... Гонорар!
Мне признать придётся,
Что стихи – товар!

Им там не до скуки;
Даже, говорят,
Творческие муки
Терпят все подряд!

Там штаны не даром,
А за деньги трут!
Если с гонораром –
Значит, вроде – труд?

А без денег – хобби,
Гонораров нет...
Я останусь в робе.
Я же не поэт.

ГЛАГОЛ

«Глагол сердца умеет жечь» –
Так наш поэт сумел изречь.
Вот, ежели глагол облечь
В возвышенную рифмой речь –
Он и лекарство, он и меч,
Чем серость с бытия отсечь;

Поэт костями обязан лечь,
Но чтоб такой глагол извлечь,
Чтоб всеу он не смог истечь,
Чтоб до печёнок смог допечь,
А мысль меж строками – сберечь;
Не то игра не стоит свеч.

ПОРТРЕТ

*«Вы нарисуйте мой портрет,
Где я танцую менуэт...»*

Е. Зяблова.

А ты рисуй, рисуй её, художник,
Когда она танцует менуэт!
Поэт её изобразил бы тоже,
Но только в танцах не силён поэт.

Ты тоже пишешь. Но рука рисует;
Тебе и карты в руки, это факт!
Пусть кисть твоя, как и она, танцует
С её прекрасным менуэтом в такт.

Тогда и вдохновение нагрянет!
Ничто тебе не сможет помешать.
Рисуй, рисуй, художник, этот танец;
Увидят все, и станут вопрошать:

– Ты Расскажи, ты Расскажи, художник, –
Быть может, это не большой секрет, –
Кто так легко, кто так красиво, кто же
На полотне танцует менуэт?

А. С. ПУШКИНУ

*«Я памятник воздвиг себе...»
А. С. Пушкин*

Твой предок был Россиею пригрет,
Ты – русским был, и в этом нет секрета.
Хоть чтим тебя мы только как поэта,
Ты человеком был – вот в чём секрет.

Ты – человек, и ты убит за это.
Но памятник воздвиг ты как поэт!
Тропа к нему не зарастает, нет;
Ты гений был, и всем известно это.

Твою эпоху гневно обвиня,
Пушкиноведа тут, пушкиноеды
Кишат у пьедестала, гомоня
Про пушкинские горести и беды.

И – в чём причина? – Знать так бог хотел:
Терпя уколы шпилек, и не мелких,
Царь, тёзка твой, сердился, но терпел,
Сквозь пальцы глядя на твои проделки.

Что ж, был наследник Павла либерал
(Кто этого не знал, пускай узнает),
И он тебя туда не убирал,
Куда теперь за «шпильки» убирают.

Теперь у нас другие времена!
Теперь искусством Партия владеет,
И без неё никто нигде не смеет
Потрогать у Пегаса стремена!

Явись ты вновь, едва ль тебя восславят,
Поскольку вольнодумствовать привык.
Или принудят прикусить язык,
Иль восславлять властителей заставят.

И можно позавидовать тебе:
Перо отдавши разуму и чувству,
Ты воздвигал тот памятник себе
И незакрепощённому искусству.

ПУХ

По городу пронёсся слух:
На тополя ложится пух!
Ну, разве это не забавно:
Ведь, кажется, совсем недавно
Газоны в городе беля,
Пух рассевали тополя,
Но время мчит, пейзаж меняя;
Картина видится иная:
Ложится пух на тополя,
Им ветви голые беля.

К ПОЭТАМ

Поэты! Вполне ли уместно
Моё обращение к вам,
Не зря ли отдам столько места
Горячим с досады словам?

И, в общем, слова-то простые,
А кто не поймёт – пусть простит:
Прекрасное имя России
Лелеять и чтить надлежит.

Как ласково это прозванье
Звучит под любым падежом!
И любят его россияне
И кое-кто за рубежом.

Бывает, когда и ругают,
Да и поделом иногда,
А всё ж берегут, защищают,
И любят. А любят – всегда!

Не хвалятся патриотизмом,
Не рвутся о нём говорить.
Всё просто: мы любим Отчизну,
Нам нечего больше любить.

Быть может, и скажут мне люди:
– Всего, что мы любим, не счесть!
Признайтесь: ведь всё, что мы любим,
Всё это – Россия и есть!

И вовсе нелепо и странно,
Что столько врагов у неё;
На старые, новые раны
Слетается вновь вороньё.

Вот в этом и вы виноваты,
Поэты. На мутной волне,
Нетрудной наживы фанаты,
Что вы отдаёте стране?

Она б вас любила взаимно –
Таланты! Ну, как не ценить...
Но даже приличного Гимна
Вы ей не смогли сочинить!

Вы это сочли за обузу,
И по торжествам там и тут
Скулят по бывшему Союзу
По пять, в стойке «смирно», минут...

Её обозвавши «Расеей»
Не сдуру ль вы ей отвели
«От Волги и до Енисея» –
Такой вот кусочек земли!

Забыли вы или не знали,
Что, жажда нашей земли,
Враги сапоги истоптали,
Покуда до Волги дошли?

Взгляните своим пьяным оком
Хотя бы на карту страны:
Вот он, Енисей-то, под боком!
Курилы вам что ж, не видны?

Певичка, подштопав обличье,
Желая толпу раззудить,
Уродиной Родину кличет...
Да ты на себя погляди!

И что же толпа? – Веселится!
Никто не одёрнет певца!
И это – российские лица?
Иль нет у России лица?

Обидою в сердце задеты,
Вас слушают ваши отцы:
Вы что сочинили, поэты?
На что вы плюёте, певцы?!

Нелёгкая вам укоризна!
Возьмёте ль когда-нибудь в толк:
Ведь вам с малолетства Отчизна
Давала любовь свою – в долг!

ХВАЛА ПОВАРУ

Люди пашут, люди строят,
Плавят сталь и землю роют
И плывут в глуби морской...
Шустрый, словом, род людской!

Люди штанги поднимают,
Пляшут, песни сочиняют
И сражаются с врагом –
Всё в движении кругом!

Только ничего такого
Не было б, когда б не повар –
Вот кто миром движет! Вот
Кто нам резвость придаёт!

На желудок на голодный
Ни на что никто не годный:
Поварёшка и колпак –
Этот символ знает всяк!

Читать стихи – это искусство!
Не каждый сможет в наши дни
Исполнить строки с тем же чувством,
С каким написаны они.

ПИШИ, ПОЭТ

Не зря гудело среди ночи:
Всё замело: дворы, дома...
Где ты, поэт? – Бери листочек,
Пиши заглавие: Зима!

Ну, что же ты поставил точку?
Знак восклицательный: Зима!
И – начинай, за строчкой строчку.
У вас строка идёт сама!

«... Под голубыми... небесами»?
Так не годится! Небеса,
Со всякими там чудесами...
Ты эту чушь уже писал!

Коснись поглубже этой темы,
Не то народ нас не поймёт:
Вот, коммунальные проблемы,
Сосульки, травмы, гололёд.

В своей эпической картине
Упомяни аварий рост:
На нешипованой резине
Проезд теперь не так-то прост!

И опиши, как это странно:
Она приходит к нам сама,
Всегда нежданно-нежданно –
Трах-бах – и вот уже зима!

Опять же, дворника с лопатой
Тепло воспеть ты должен тут.
Ведь мог же ты писать когда-то:
«...Во глубине сибирских руд...»

Вот, как-то так, в таком вот роде;
Ведь вы на выдумку хитры!
И что вам в голову приходят
«великолепные ковры»?

Помните правила, балуясь строчками!
«Ё» – эта буква важнее других:
Передохнёте,
Когда она с точками,
Но передохнете,
Если без них!

ПОМЯНЕМ, ЗИН!

– Ой, Вань, гляди-ка, сколько публики!
Хоронят. что ли, там кого?
А вон, написано на тумбочке:
ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО...

Народу сколь согнали, Вань,
Милиция, куда ни глянь;
Видать, какой-то местный царь...
Аль секретарь?

– Ты, Зин, на мелочи заклинилась!
Никто народ сюда не гнал:
Тут вся Москва сегодня вылилась,
А может даже – вся страна!

Да он – певец, актёр, поэт!
Ты понимаешь? Был – и нет...
Мы с ним вот так вот – тет- на-тет.
Гляди портрет!

– Ой, Вань, глаза какие шалые!
Да очень уж знакомый взгляд...
Кажись, в кино его видала я,
Да вот – четыре дня назад!

А сколько тащат красоты!
Ведь дороги теперь цветы,
Озолотятся бабки, Вань,
Здесь, на Вагань...

– Ты, Зин, молчи, пока не битая!
Про деньги вспомнила – к добру:
Тут вся земля слезой умытая,
Не помяну, – так сам помру,

Так что иди-ка лучше, Зин.
Куда? – Конечно, в магазин!
Бери, что крепче. Мне же, Зин,
Не надо вин.

Если б был я скульптором –
В славе б я сиял:
Предка человеческого
Я бы изваял!
В нём бы наши пращуры
Облик обрели:
Ноги полусогнуты,
Руки – до земли...
Он сквозь бездну вечностей
Укорил бы нас
Взглядом по-отечески
Добродушных глаз:
– Грех, мол, непростительный
Дарвину претить:
Человек воспитанный
Предков должен чтить!

ЕСЕНИНУ

Ты молод был. И ты любил,
И пел. И был любим за это.
Любить и петь – удел поэта.
А как твой голос звонок был!

Ты Русь родную воспевал.
И обнимал до сладкой боли
Берёзку и ржаное поле...
Со славой дружбу затевал.

Ты видел мира чистоту,
Уже подёрнутую ложью,
Но всё ещё святую, божью,
В весеннем розовом цвету.

Но – всё прошло. Как с яблонь дым.
В стране запахло новью, кровью,
И ты, с берёзками, с любовью
Не очень шибко стал любим.

Когда мятущийся народ
Печётся о счастливой доле,
То воспевать ржаное поле
Кому же в голову взбредёт!

Ты не остался в стороне,
А растворился в буче этой,
И – изменил душе поэта,
Берёзке, полю и весне;

Ты стал чужие песни петь
И на совсем другие темы
Чужие сочинять поэмы,
Послушно пёрышком скрипеть!

Но как-то, в зеркало вглядысь,
Себя увидел в чёрном цвете...
Сожгли тебя виденья эти,
И жизнь твоя оборвалась.

И, честью не обременясь,
Сменивши совести понятия,
Твои живучие собратья
В твой памятник кидали грязь.

А чтоб твой голос не звучал,
Когда ты был в могиле зябкой,
Твой рот заткнули красной тряпкой:
– Молчи, поэт! И ты молчал.

Но ты силён, ты победил!
Во всех концах большого света
Мы чтим Есенина – Поэта,
За то, что пел, и что – любил!

ДА БУДЕТ БОГ!

Да, бесспорно, Бог нужен, по сути,
Да не каждый найти его смог.
Если был у меня бы компьютер,
Я Всевышнему создал бы блог.

А Программа... Программа способна
Разродиться Небесным Отцом.
Как бы было молиться удобно
Непосредственно к Богу лицом!

Я пришёл бы к Илье – программисту
И его бы идеей увлёл:
Если всё спрограммировать чисто,
У людей бы единый был Бог.

И для каждого ждущего сердца
Это был бы подарок судьбы:
Стали люди бы единоверцы,
Не дрались и не ссорились бы...

Бог, ей-богу, понравился б людям,
Вот такой, как и в наших мечтах,
Потому что он грамотным будет,
Говорящим на всех языках,

И, конечно, он будет любимым,
То есть, то, что превыше всего,
Добрым, честным и непогрешимым,
Чтоб никто не ругал бы его.

А над фейсом не надо трудиться –
Стать в модель может каждый «стар-пер».
Есть же истинно мудрые лица:
У Зюганова вот, например.

Будет мудрость Его безгранична,
Мысль – прозрачна, как солнечный свет!
Если благ не доставит вам лично,
Даст действительно мудрый совет.

Вот, в совете нужду ощутишь ты,
Иль в прощенье греха, например –
И на вызов компьютерной мышки
Выйдет Бог. В натуральный размер.

Пожурит он, похвалит, накажет
И ответит на каждый вопрос,
И внушеньем дорогу укажет,
И не чужд Ему будет гипноз...

И служить Ему вовсе не надо,
И жрецов у кормушек держать.
Мы с Ильёй не попросим награды –
Лишь от злобы от их убежать!

О МЕМУАРАХ

Есть у мемуаристов навык
По части правок и поправок,
Которых нет в черновике.
После того, как по строке
Блудливо автор пробегает
И всё, что вызывает стыд,
Рукою твёрдой истребит,
И вот едва ль не нимб сияет
Вокруг его седой главы!
Воображаемый, увы.
Честней писать без правки, но
Воображенье ж нам дано!

Так фотоателье иные,
Приманки применив простые,
Чтоб кошелёк облегчить наш,
Рисуют на холсте пейзаж
С экзотикой на ближнем плане:
Лихой пилот в аэроплане
Иль, скажем, всадник на коне,
Или на скальной крутизне
Атлет в наряде альпиниста
Иль принц, разряженный цветисто,
Или другая мишура...
Притом приличная дыра
Вместо лица в холсте зияет.

За плату каждый, кто желает,
Бездумно тычет свой колган
В зияющий в холсте проран...
Чтобы потом, на склоне лет,

В помойку бросить тот «портрет».
Размножив с помощью копирки
Своей персоны идеал,
Мемуарист забудет дырки,
Куда он голову совал!

Направив на себя перо,
Легко ли обнажить нутро?
Ведь, как бы ни был ты хорош,
Чем позже пишешь, больше врешь...
Казалось бы – что проще? Но
Воображенье ж нам дано!

ВЕНЕРИНЫ БАШМАЧКИ

Там, где к речке родничок пробивался,
У Венеры башмачок потерялся.
И теперь, как лето в пору вступает,
Там полянка башмачков расцветает.

Как нежны они, красивы, как дети!
Вот бывает же такое на свете...
Никому и никогда, кроме шуток,
Не найти таких прелестных обуток.

Если обувь так красою богата,
Какова ж тогда она-то, сама-то!

СОЧУВСТВИЕ

Ты когда-то был стар-пер
с куражами
издавался ты супер –
тиражами!
И не знал нужды ни в деньгах,
ни в тряпках,
И стоял ты крепко на
задних лапках!
А теперь твои труды, –
их – громада! –
Переполнили склады,
вот досада...
И возьмут всю эту ли-
тературу
И свезут, конечно, в ма-
кулатуру.
И плоды твоей писа-
тельской тяги
Примут облик туалет-
ной бумаги.
Драматург ты был, фантаст
или лирик,
В туалете ты писатель –
Сортирик!

ЗАПИСКА В ПРЕЗИДИУМ

С поэзией полезли вы,
Поэты, не туда:
У нас своя поэзия –
Поэзия труда.

На ваши все творения
В любые времена
Мы тратим массу времени
На пользу вам и нам.
Но всё, как видно, мало вам,
Ваш неуёмен зуд!
...Приказ: кончайте вкалывать –
Поэтов к нам везут.

Сидим, шумим ладошками,
А времечко течёт...
В душе скребётся кошками
Неконченный отчёт.

Мы все, промежду прочего,
Не против разных встреч,
Но время дня рабочего
Положено беречь!

Но мы – само радушие,
И встрече каждый рад;
И вот, – не зря мы слушали, –
Возьмите результат.

Я НЕ ХОЧУ

Поэт в любой стране –
Не рабского сословья,
Поскольку отдан он
Во власть свободных муз.
Пусть осмеёт меня
Поэтов поголовье:
Я не хочу вступать
В писательский союз.

Как странен и нелеп
Девиз «ни дня без строчки»!
Зачем же перья грызть
И лить в чернила пот?
Отрадней целовать
Нам музу в обе щёчки,
Когда она сама,
Нежданная, придёт.

Как в голову пришло
Назвать стихи работой?
Да разве это труд –
Прийти на музы зов?
Поэт не должен знать
Про «планы» и «отчёты»;
И в словаре его
Нет этих гадких слов!

Пусть нам и не пришлось
Свободою гордиться:
Чиновников толпа
Нам застит белый свет.
Искусствами она
Командовать стремится,
Хоть ей до всяких муз
И дела вовсе нет.

Я не упрусь в тупик
Чиновничьего пуза.
Вовек моя нога
В «союзах» не гостит.
Пером поэта всё ж
Владеет только Муза,
И никому она
Измены не простит!

Нет, не хочу «вступить».
Зачем мне это надо?
Останусь без узды.
И до последних дней
Не бросит мне она
Презрительного взгляда:
Не лгу, не продаюсь.
Я честен перед ней.

ЧИТАЙ!

И не спорьте, и поверьте:
Если не читаешь книг,
От рождения до смерти
Проживёшь один лишь миг.

Ты не станешь, ты не будешь,
Если не читаешь книг,
Властилином сотен судеб,
И не будешь знать о них!

И не сможешь стать героем,
Если не читаешь книг,
Древних лет, сражений, строек
Даже на короткий миг.

Ну, а если в бурном быте
Не до книг тебе порой,
В море бурь, страстей, открытий
Сам ты – автор и герой, –

Вспомни всё, что пережито,
Не пропало из души,
И свободно, и открыто
Сядь и книгу напиши.

А, чтобы она достойней
И мудрей смогла бы стать,
Помни правило простое:
Книги надобно читать!

НЕ ВСЯКОМУ ДАНО

Как всеобуч всем нам дорог!
На сиденьях, на заборах
Мелом, углем, кирпичом,
Крупным почерком, притом,

Где ни глянь, писали слово
Содержания такого,
Что сквозила мысль одна:
Дурню грамота вредна!

Вот теперь – не то, что ране:
Подкультурясь, россияне
Пишут даже в нужнике
На английском языке!

Значит, знаний не снижают,
Лексикон приумножают,
Чтобы матерную речь
Возлелеять и сберечь.

Отчего словарь загажен?
И в кино, и в книжках даже
Каждый наш герой знаком
С негеройским языком.

И цензура не мешает,
Сквернословить разрешает.
Но... макать язык в говно...
То не всякому дано!

«Ё»-МОЁ!

В правительстве осёл осел;
И им возглавленный отдел,
Явив усердие своё,
Убрал из текстов букву «Ё».
Теперь не сразу разберёшь:
Мёл или мел, падеж – падёж,
Повсюду резво проросла
Уже не свёкла, а «свекла»,
Да и слова «заём», «наём»

Мы в звуке «займ» не узнаём...
Сбивают с толку то и дело:
Не сёла есть у нас, а села,
Не ведро вовсе, а ведро!
Вот ведь осёл, а как хитро
Он нам грамматику разладил!
И в документах понагадил:
Взглянули люди в паспорта,
А там фамилия не та!

У Коли Дёмина облом:
На имя Демина диплом.
Поставить точки – два момента,
Но – как? Подделка документа!

Доказывает сын –истец,
Что Тёркин В. – его отец.
Но – не докажет: в сей момент
Он Теркин. Паспорт – документ!

Не Тёркин он, а Теркин. С детства.
И – шиш ему, а не наследство!
И ходят по судам истцы,
Потеют клерки и писцы,
Нотариусы, адвокаты,
От предприятий депутаты...
А вот ответчик той беде
Не фигурирует. Нигде!
И даже в имени осла
Нет буквы «Ё». И все дела.

А шеф ослиного отдела
Минуты не сидит без дела:
Мечтает он закон издать,
Чтоб корни-суффиксы изъять
И правила забыть. Как слышат,
Как говорят – так пусть и пишут!

Да вот пока не повезло нам
Обзавестись таким законом:
Чтоб к делу перейти от слов,
Им не хватает двух ослов.
Неправ же ты, осёл, неправ,
«Ё» из грамматики изгнав.
Мне очень трудно без неё,
Верни её мне! «Ё» – моё!

КРОШКИ

Война нам в детство раннее
Внесла своё значение.
Редки воспоминания,
Да ярки впечатления...

И были дни, как помню я,
И лица хмуро-мурны.
«Вставай, страна огромная!» –
Хрипели репродукторы.

Всего-то не хватало нам,
И долго помнил после я,
Как сводкам левитановым
Внимали молча взрослые,

Как в очередь с талонами
Вставали ранним утром мы.
«Вставай, страна огромная!» –
Взывали репродукторы.

Шуршали булки хлебные,
Под ноги крошки падали;
Под ламп отсветы бледные
Среди тех ног мы лазали.

А небо было тёмное,
И напрягал гляделки я:
Страна была огромная,
А крошки были мелкие.

...Гляжу и вижу утром я,
Как дама пышнотелая
В контейнер, что для мусора,
Бросает булки белые ...

Теперь забыли начисто
И богачи, и бедные,
Что нет на свете лакомства
Вкусней, чем крошка хлебная!

Прикоснёшься, увидишь, услышишь,
Гулким сердцем тропу обстучишь,
Принесёшь под уютную крышу
Ярость рек и таёжную тишь,
Свист ветров, дым костров, краски неба,
Всё, всё, всё, что под курткой сберёг...
И – вину перед теми, кто не был,
Не сумел не посмел и не смог.

СПАСИБО, ДОКТОР!

Ложимся в кресло мы покорно
Среди стерильной чистоты;
Ныряют пальчики проворно
В обезображенные рты.

И озираем мы с опаской
Инструментария запас,
А между колпаком и маской –
Лишь только близость ваших глаз.

И нет под маской выраженья:
Что там, под ней – поди, узнай!
И создаёт воображенье
Какой-то образ Гюльчатай.

Да только наш удел – в молчанье
Полулежать, раскрывши рот:
Немое это созерцанье
Вниманье ваше бережёт.

А вы неделя за неделей
Надежде преданы одной:
Когда ж искусственная челюсть
Украсит этот рот пустой!

Быть может, вам ночами снится
Кошмарный ряд беззубых ртов;
Зато и повод есть гордиться
Обильем благодарных слов!

Пусть лучше вам улыбки снятся
Всех, благодарных, вам людей:
Вы дали им покрасоваться
Сияньем новых челюстей!

А за искусство вам спасибо,
И за него мы воздаём
Вполне естественных улыбок
Весьма внушительный объём!

ПУЗЫРИ

Однажды как-то с жёнами,
Нарядно наряжёнными,
Разлили мы шампанское:
Какой-то праздник был.
Шипел бокал, нашёптывал
Мне мысли несерьёзные,
И, чтоб прервать молчание
Я рот свой и открыл.
И я сказал: – Абсорбция!
И ты кивнул: – Абсорбция...
А он сказал: – Десорбция!
Не знаешь, так не ври.
Тут оживился Вовочка,
Сказал: – Ты слышишь, Людочка?
А мы с тобою думали,
Что просто – пузыри...

БЫЛ БЫ Я ХУДОЖНИКОМ

Был бы я художником –
Бросил бы стихи,
Изучил бы колеры,
Линии, штрихи...

Бросил бы манеру я
Думать над строкой;
Я б писал уверенно,
Твёрдою рукой!

Написал бы горы я
И автопортрет.
И, во-первых, здорово,
И – любой сюжет!

Отдал бы я должное
Всей земной красе!
А ещё – художников,
Чтоб их знали все,

Чтобы стали зримыми
В форточку лица
Души их ранимые,
Чуткие сердца...

Только вот, возможно ли
Обойтись без строк?
Будь я и художником –
Всё равно б не смог!

Таких вас много:
Обычный парень,
И разум богом
Тебе подарен,

Но есть и порча,
Она не внове:
Язык ты портишь,
Ты сквернословишь!

Ты чистишь зубы
И шею моешь,
Ты чист, покуда
Рот не откроешь.

Но если всё же
Уста разверзлись –
Помилуй, боже,
Какая мерзость!

ПОСТИЖЕНИЕ

При жизни городской духовно зрея,
В искусстве ты слегка поднаторел,
И интерес к картинной галерее
Тебе твой телевизор подогрел.

Ты взял свободный день среди недели,
Чтоб поглядеть, хотя бы моды для,
И убедиться, что там, в самом деле,
Насоздавали эти врубеля?

Умыт, побрит и от души надушен,
Начистил туфли – пусть горят огнём!
Вот и костюм – не для того ли нужен,
Чтоб хоть раз в год на люди выйти в нём?

Купил билет, вошёл. Народу мало.
Стоит мужик, нечёсан и небрит,
И, тыкая в мазню на стенке, вяло
Такому же другому говорит:

– Два года я ухлопал в это дело,
И вот теперь лишь ясно осознал,
Что этот ромб мне б надо синим сделать,
А я крапп-лаку столь туда вогнал!

– Ну, и мазня! Не стоит и вниманья! –
В негодованье ты кричишь нутром, –
Коль неуд у тебя по рисованью,
Так шёл бы вон на стройку маляром!

В соседнем зале слышен тихий говор:
Стоят там с гидом шестеро всего.
В лесной пейзаж взирают, с бабой голой.
Ну, лес как лес. А баба – ничего!

Но интерес твой пропадает к деве,
Когда ты слышишь гида, – вот те на! –
Намалевал квадрат один малевич
И миллионы долларов цена!

Ты хочешь крикнуть: – Враки это, басни!
Зачем так врать? Какой вам в этом прок?!
У нас создаст любой четвероклассник
Квадратов – полтетрадки за урок!

Но все молчат! На лицах восхищенье,
Не то, что ты. Вестимо, не знаток...
И ты прервал руки своей движенье,
Как будто просто... достаёшь платок...

Ты догадался, осознал. Отныне
Тебе открыт для избранных секрет:
Искусство в том, чтоб во – время в картине
Увидеть то, чего там вовсе нет!

Такой «прикол» ты знал ещё до школы,
Он для того и есть, чтоб поучать:
Глаза не врут – король, конечно, голый,
Но вот об этом стоит ли кричать?

Пусть видят все, как, важный и надутый,
Ты проникаешь в замысел картин!
...Приятна жизнь в отдельные минуты,
Когда мы сами этого хотим.

Были юные годы
Да под рельсовый стук.
Приближались невзгоды
Многолетних разлук.

Ты меня обнимала:
– Раздевайся, сынок;
Ты голодный, усталый,
Ты озяб и промок!

Ты меня принимала,
Как птенца под крыло...
Сколько лет миновало,
Сколько вёрст пролегло!

Всё казалось, нагряну
Я на отчий порог:
Обними меня, мама,
Я устал от дорог...

Только мне не коснуться
Этих рук никогда –
Не могу дотянуться
Я туда, в никуда...

УТРАТА

А помнишь, бывало,
Как в окнах сияло
Богатство морозных картин?
Там их – вернисажи:
Узоры, пейзажи
И звёздочных лент серпантин...

Художник умелый
И кольца, и стрелы,
Ии рощи творит, и цветы:
Лучами задеты,
Горят самоцветы
Какой, вспомни сам, красоты!

А яркое солнце
Стирало с оконца
Мороза ночные труды...
Ах, как мы жалели,
Что не уцелели
Шедевры из твёрдой воды

А ведь в самом деле
Мы все обеднели,
И жалко нам чуть не до слёз:
На евро-то окнах
Не пишет на стёклах
Волшебные сказки мороз.

Добрый дяденька водитель!
Пишет Вам наш первый класс
Нам сегодня наш учитель
Всё рассказывал про Вас.

Вам бывает трудно очень:
В дождь и в стужу, в грязь и в зной
Вы в дороге дни и ночи
Летом, осенью, зимой...

Сколько вынесли тревоги
Ваши близкие за Вас!
Про российские дороги
Мы слыхали, и не раз.

И все дети это знают:
Вы – в почёте, Вы – в чести;
Даже песни сочиняют
Про водителей в пути!

А когда через дорогу
Перейти придёт момент,
Нам приходит на подмогу
Он, водитель, джентльмен:

Это Вы всегда, водитель,
Тормозите на ходу –
– Тёти, дети, проходите,
Проходите, подожду...

И к баранке сон не клонит,
Голова у Вас трезва,
А в кармане и в Законе
Защищают Вас права.

Вы за многое в ответе,
Перед многими, притом;
Где-то дома ждут вас дети...
Далеко бывает дом!

Мы придём всем классом нашим,
У дороги станем в ряд
И руками Вам помашем:
Вам привет от всех ребят!

Может быть, в секунды эти
Через толстое стекло
Нас согреет, нас осветит
Ваших добрых глаз тепло...

ПРОЩАЙ, КАМЧАТКА!

Минет время – и вспомню я заново
«Петропавловск» – большой теплоход,
Океанский прибой у Жупаново
И ребят, с кем ходил в поход,
И на шлаковом поле палатка,
На ветру замерзающий чай...
Дорогая моя Камчатка,
Край земли и туристский край!

Мне припомнятся снова и снова
Твой Семячик, Узон и Карым,
Торжество водопадного рёва,
Пепел, гейзеры, пар и дым,
В снежном блеске вдали – Зубчатка,
Крики чаек и плеск рыбьих стай...
Дорогая моя Камчатка,
Я к тебе не вернусь. Прощай!

Не вернусь, потому что другие
Тропы трудные вдаль манят нас.
У земли под названьем Россия
Нет конца, а живём лишь раз.

Но скажу только просто и кратко:
- Не забыть мне твоей красоты!
Покорил я тебя, Камчатка,
И меня покорила ты.

«Покорил» – это громко, конечно;
Это термин туристский такой,
Ведь в дождях и туманах крошечных
С честью выдержан бой с тобой,
Ведь порой приходилось несладко,
Ведь с победой закончен маршрут...
О твоих чудесах, Камчатка,
Песен много ещё споют!

Не берусь – не смогу, не посмею
Описать эту бездну красот.
Ты подаришь их тем, кто сумеет,
Кто с открытой душой придёт.
Ты подаришь им всё без остатка,
Ты и ад им откроешь, и рай...
Дорогая моя Камчатка,
Навсегда, навсегда – прощай!

КОМЕТА

Как осыпано звёздами небо!
Месяц рогом сосну забодал...
Как давно я в лесу ночью не был,
А комет никаких не видал.

Может быть, и известно учёным
И про ядра комет, и хвосты,
Только точно: ни разу ещё нам
Не увидеть такой красоты!

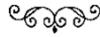
Есть волшебное что-то в комете:
Будто тихо, сквозь ночи покров,
Кто-то тусклым фонариком светит
Из далёких подкравшись миров.

Но беспомощно луч распластался,
Никого не найдя в пустоте...
А фонарик меж звёздами крался,
Непричастный к земной суете.

Ночь и звуки, и свет заглушила,
Город сдался покою и мгле,
Равнодушный к небесным светилам
И к комете средь ни, в том числе.

Вот и ночь потянулась к рассвету,
В тёмном небе – намёк синевы,
В первый раз я увидел комету!
В первый раз. И в последний, увы!

Спишь и ты на уютной постели,
Сон тебя до утра будет греть.
А ведь мы же с тобою хотели
Выйти ночью. Комету смотреть

ЕМУ НЕ НАДО ГОР

– Как хороша Земля – планета,
Особенно в разгаре лета –
Отрада удивлённых глаз!
Смотри! Живёшь в последний раз!
Там, где на Землю, всю в цветенье,
Лишь облака бросают тени,
И мы с тобою свысока
Бросали б тень на облака...
Увы, напрасны уговоры:
Нет, чтоб собраться с нами в горы –
Он, современности герой,
Остался в городе. С женой.
Он просто из другого теста,
Ему лишь на диване место:
Уют, удобства – нынче культ...
Он ляжет, вдавит кнопку в пульт –
А там знакомое, родное:
Реклама средств от геморроя,
И «Смак», и «Модный приговор»...
Ему не надо этих гор.

ТАЙГА

На Снежной, реке у Байкала,
На чистом речном берегу,
Рассказ я от деда слыхала,
А он говорил про тайгу.

Хоть многим тайга незнакома,
А всё же мы знаем, что в ней
И звери, и птицы – как дома!
И нет им приюта милей.

Теперь там хлопочет кедровка,
Сажает орешки под мох.
Никто из зверюшек так ловко
Рассаживать кедры не смог!

Вороны в тайгу не летают –
Там ворон живёт, триста лет!
Медведь там берлогу копает,
А где он копает – секрет.

В берлогу уютную ляжет
И выпится только к весне;
И он никому не расскажет,
О чём он увидел во сне!

Спешит бурундук поскорее
Кладовку едой набивать:
Ему зимовать веселее,
Коль есть что погрызть, пожевать.

Уж скоро укроет, обвеет
Всю землю мороз-чародей...
Накормит тайга и согреет
И птиц, и зверей. И людей!

ВЕСНА В СИБИРИ

Раз, два, три, четыре –
Началась весна в Сибири!
Отовсюду слышно: -ш – ш – ш...
– Это снег сползает с крыш.

Воробьи слетелись в стаи
И шуметь, горланить стали
Знать, весна им принесла
Очень важные дела!

Люди в шубах разомлели,
Руки-ноги отогрели
И под эту благодать
Стали варежки терять.

А поэт прильнул к листочку,
Зачеркнул про зиму строчку.
Голова от рифм тесна –
Пишет заново: Весна!

ПОТЕРЯЛАСЬ ПЕСНЯ

Загораю с тяткой,
В кучку склал одежку.
Выражаясь кратко,
Тяпаю картошку.

Наслаждаюсь утром,
Дело исполняю
И ещё попутно
Песню сочиняю!

Очень важно, чтобы
Не сбиваться с ритма:
В этом смысл особый –
С ритмом дружит рифма.

Дело завершилось –
И пора в дорожку;
Песня сочинилась.
Да не про картошку,

А совсем другому
Песня посвящалась;
И со мной до дому
Вмиг она домчалась...

Тут трамвай пробрякал,
Железякой визгнул...
Залилась собака...
Ожил телевизор...

В общем, не до песен,
Проза жизни, то бишь;
В бытовую плесень
С головой уходишь!

Утром просыпаюсь –
Ах, какая жалость!
И грущу, и маюсь:
Песня потерялась...

А мотив чудесный.
Жаль его до боли.
Видно, мне за песней
Снова ехать в поле.

КОРЕШОК

Когда ты лес обшаришь острым взглядом,
То непременно встретишь, наконец,
Корягу. Удивительное – рядом!
Ну, вот она – творения венец!

Она – шедевр, тут ясно и профану;
О, как душа трепещется твоя!
И взгляд объемлет эту икебану,
Как дорогой подарок бытия.

А напряженье мыслей – без исхода:
Зачем вот тот изогнутый сучок?
О чём сказать хотела мать-природа?
В чём здесь её прозрачайший намёк?

Зачем так дивно ветки изогнуты?
– Загадка... Тайна... Этакий интим!
...Приятна жизнь в отдельные минуты,
Когда мы сами этого хотим.

НА ПРИРОДУ!

Собрались мы в дальний путь
На природу. Отдохнуть!
Вспомнили, что есть местечко,
Где полянка, лес и речка...
А ещё там есть цветы
Несказанной красоты!

Нагрузив припасов гору,
Тётю Зину, дядю Жору,
Лук, картошку, сельдерей,
Двух соседских дочерей,
Самовар, ковры и лавки,
Отъезжаем от заправки.
Приезжаем. Красота – а!
Есть же дивные места!

Лишь мотор мы заглушили,
Громко радио включили.
Даже птичек не слышать.
Начинаем от – ды – хать!

Мама у реки хлопочет:
В чистой речке мама хочет
Отстирать-отмыть ковры
До вечерней до поры.

Ну. а папа вымыть сможет
И машину нашу тоже.
Дело вовсе не хитро:
Речка, тряпка да ведро!
Дядя Жора взял топор

И весь день валил в костёр
Ёлки, сосенки, осины
Под присмотром тёти Зины.
Только дядя просмотрел,
У неё сапог сгорел!

Папа мой – такой затейник! –
– Бросил угли в муравейник,
Да и маме говорит:
– Он теперь совсем сгорит!

А соседские две дочки
Оборвали все цветочки;
Помню, были те цветы
Обалденной красоты!

Всем так весело, потешно!
Отдохнул и я, конечно;
Я активно отдохнул:
До земли берёзки гнул,

А берёзки. что сломались,
Так валяться и остались.
Бил бутылки о пенёк...
Славный выдался денёк!

Отдыхали, веселились,
Огляделись – удивились:
Где же райский уголок?
– Изуродован лесок,

На полянке что творится!
Муравейник там дымитя,
Вместо ёлок – лишь пеньки,
Лужа грязи у реки,

Щепки, тряпки, стёкла, хлам
И объедки тут и там,
Одноразовые чашки,
Туалетные бумажки,

Банок пять из-под сардин
И сапог. Всего один.
Тут все начали вздыхать:
Где ж мы будем отдыхать?

БЕРЁЗА

На взгорке у лесхоза,
На небольшой выси,
Стояла ты, берёза,
Любимица Руси.

Хотела ль, не хотела,
Но всех к тебе влекли
И стан твой снежно-белый
И косы до земли.

Была любима всеми,
И стар любил, и мал.
Тебя, как тот Есенин,
Ну, каждый обнимал.

И, верила ли, нет ли,
Что это от души...
А были твои ветви
На диво хороши.

Природа-мать велела:
Живи, цветы, расти!
А ты вот не сумела...
Прости людей, прости.

Сурова жизни проза,
И твой удел суров.
Берёза ты, берёза –
Полкубометра дров.

МЫ НЕ ЗАБЫЛИ

Уж тридцать шесть годков, как ты в могиле,
Певец ты наш, мятежный наш поэт!
Ты думаешь, что мы тебя забыли?
Что ты, Высоцкий! Нет, конечно, нет.

Твоей кончиной все тут вдохновились
И про тебя всю слагают слог.
Хрипеть все шоумены научились,
Но, правда, спеть, как ты, никто не смог.

Ты сочинял, да не соврал ни разу;
Дано тебе талантом сразу, влёт
Простую мысль в достойную ей фразу
Принарядить, как ёлку в новый год!

Да и других твоих талантов много;
Нам ли, Володя, это забывать?
Но только после смерти, если строго,
От жизни начинаешь отставать.

Докладываю: мы живём в России.
Могло быть хуже. Партий двадцать две.
Правители у нас теперь другие –
Олигархат. И доллар во главе.

Избрали неплохого Президента,
Так хоть ему на нас не наплевать,
Не то бы к настоящему моменту
Успели всю страну разворовать.

Мы плюнули на Зори Коммунизма:
Рассвета нет, как в небо ни гляди.
Сменили Флаг, и Гимн, и Герб Отчизны...
Капитализма зори впереди.

Ну, это – к слову, так, не стоит... Мелочь.
Народ сглотнул обиду. Измельчал!
Здесь для тебя, Володя, столько дела!
Уж ты теперь бы, точно, не молчал.

Не вовремя, не вовремя ты умер:
СВОБОДА СЛОВА! Всё, что хошь, пиши!
Ах, как теперь твой пригодился б юмор –
Он, как известно, лекарь для души...

Хотя бы вон – в телеэкрane – «шоу».
Там численности неуёмный рост
За деньги выйти голыми готовых
Самовлюблённых, самозванных «звёзд».

Вот начал козлоблей ногами дрыгать,
Скакать по сцене... Век бы не смотрел!
Валерий Брумель прыгал, так уж прыгал,
Владимир Трошин... Помнишь, как он пел!

А тут из шкуры лезут ради выгод!
Быть может, согласишься ты со мной:
Уж если взялся петь, так стой, не прыгай,
А если прыгать тянет, так не пой!

Небритые, нахальные, в наколках,
Полураздетые – такая новь!
И страстные, особенного толка,
Борцы за... «однополую любовь».

Поди, встречался с ними, и не раз ты,
Их нынче даже в Думе развели;
Как же их звали... Вспомнил: педерасты.
Их «геями» теперь перерекли.

Теперь всё там, на «шоу»: деньги, слава...
Культура паутиной заросла.
И нет тут вас с Булатом Окуджавой,
И Анны Герман тоже. Умерла.

Священников – едва не каждый пятый,
А культовых сооружений тьма!
Кадилом ли махать или лопатой –
Вопрос не для практичного ума!

А наш народ расстроить – дохлый номер!
Без фармзаводов и без докторов
Мы, в общем, живы, кроме тех, кто помер,
А кто ничем не болен, тот здоров.

Тебе пришлось бы крепко удивиться:
Большой убыток нам несут дела.
Промышленностью правит заграница –
Британия, Израиль, Сейшела...

Чиновники обходят все законы,
И совесть, и свободу продают,
По рангам: губернатор – миллионы,
Министры – миллиарды волокут!

Покамест есть озёра, реки горы,
Но и они готовы к грабежу.
Об этом я, теперь уж видно, скоро,
Приду к тебе и лично доложу.

Нет, нет, друзья тебя не забывают:
Вот собрались поэты, молодёжь...
Поют и песни, и стихи читают,
И значит, с нами ты, и ты живёшь,

Живёшь в стихах и в памяти народа,
Что был с тобой вот так вот, «тет-на-тет».
Свобода слова! Редкая свобода!
... А вот тебя, Володя, с нами нет.

БЫЛ БЫ Я АРТИСТОМ

Технарём быть хорошо,
А артистом – круче.
Я в актёры бы пошёл:
Дел в театре – куча!

Бутафорский лад лихой
Так уж там устроен:
Кто хороший, кто плохой –
Все у них – герои!

Я б, как скажут, грустным был
Или же – весёлым;
В пышных платьях выходил,
Если надо – голым!

Мне все маски в самый раз,
Это мне знакомо:
Я ж носил противогаз
Там, в цехах «Химпрома»

Среднесдельный театрал
До эмоций падок –
Я бы Ленских им стрелял,
Словно куропаток.

Дездемон бы я душил
Под аплодисменты,
Сколько надо, слёзы б лил
В нужные моменты...

Но... Влезать душой, лицом
В маски всякой мрази...
Нет, уж лучше – технарём.
Хоть в противогазе.

КУКУШКА

Восьмидесятая весна
Цветенье завершала.
В лесу дремала тишина:
Кукушка куковала.

Кукуй! К тебе вопросов нет;
И без подсказки знаю,
Что уж совсем немного лет
Под солнцем погуляю.

Неси красу бегущим дням,
Кукуй, пока охота;
А счёт вести людским годам –
То не твоя забота...

И до больших неслись высот,
И в дальних далях гасли
КУ-КУ ... Всего лишь пара нот...
Но как они прекрасны!

ГОША

Не ищите чуда
В пустоте небес;
Спустимся отсюда
В области чудес.

Там – простор, свобода,
Там из века в век
Царствует Природа,
А не человек.

Там меж горных склонов
Баргузин течёт.
Есть там мой знакомый
Жёлтый паучок.

Он зовётся Гошей,
Чудо в том, что он
Весь такой хороший!
Я в него влюблён.

Ни полос, ни пятен –
Их на Гоше нет.
До чего ж приятен
Этот чудный цвет!

–Гоша, где нашёл ты
Если не секрет,
Этот странно-жёлтый,
Цвет, что краше нет?

И как другу Гоша
Мне ответил: – Я ж
На цветок похожий.
Это – камуфляж!

Я совсем не модник,
Хоть и всех желтей.
Я паук – охотник,
Не плету сетей.

Где-то там, под небом,
Если видишь ты,
На высоких стеблях
Жёлтые цветы.

Я к соцветьям жёлтым
Поднимусь к утру,
Среди мух и пчёл там
Спрячусь и замру...

И вот так всё лето
Лазаю к цветам.
А зачем мне это –
Знаешь ты и сам.

А вот как я эти
Стебли нахожу –
Никому на свете
Я не расскажу!

...А со мною рядом
Там художник был.
– Написать бы надо, –
Я его просил, –

На картине Гошу,
Потому что он
Вон какой хороший!
Я в него влюблён.

– Невозможно это, –
Он вздохнул в ответ, –
Ведь такого цвета
Жёлтой краски нет!

РЕЦЕПТ

Чуть прихворав, торопитесь всегда вы
Искать и рвать лекарственные травы;

Но ваши ноги, спины, сердце, почки
Вам защитят особенные точки,
Которые у каждого на коже:
На голове, в ушах, на ступнях тоже...

И, значит, тот, кто быть здоровым хочет,
Пусть делает массаж активных точек!

А ПОМНИШЬ?

В горах Байкала
На тропке длинной
Нас ночь застала
Перед вершиной.

Короткой ночи
В горах хватает:
Лишь смежил очи –
Уже светает!

Тропа манила –
Недолги сборы.
И вот светило
Задело горы!..

Внизу, в кромешной
Во тьме единой
Долины Снежной,
Хара-Мурина,

Темно в Слюдянке
И в Мангутае,
Спят полустанки,
Там тьма не тает.

Ну, всё на свете
Покрыто мглою,
А солнце светит
Лишь нам с тобою

НОЧЁВКА

Поздний вечер. День отмерян.
Мелкий дождик навесу.
Перейду на левый берег,
Разведу костёр в лесу.

Сбором веток увлечённый,
Замечаю в полутьме:
Суеятся две вороны.
Что у них там, на уме?

Им бы спать в гнезде уютном,
Но – кричат. А почему?
Что ж, теперь лишь только утром
Будет видно, что к чему.

Утром тихо, небо хмуро,
И вороны не кричат;
Попритихла вся натура,
Лишь по Снежной воды мчат.

Утлый мой навес из плёнок
Чуть под дождиком шуршит...
Мокрый-мокрым воронёнок
На сучке над ним сидит!

Он всю ночь под храп пришельца
Холодал. Озяб, промок.
На сучке пристроив тельце,
Он в сердитый сжат комок.

Подойти ль к нему, погладить,
Нежным словом ободрить,
Оптимизм в вороньем чаде
В день ненастный оживить?

– Нет, к нему не влезешь в душу,
Не изменишь ничего...
Не посмею, не нарушу
Думу юную его.

Он не слаб. Не видит драмы
В том, что вымочил мундир.
У него есть папа с мамой,
А ещё – огромный мир!

«ИДОЛ»

Сползла с электрички волна рюкзаков,
К тебе она вновь устремится –
Так славен ты, «Идол», создание веков,
Возможностью всем удивиться.

Пусть ты и не самый по меркам колосс,
Но всё ж высоко над Олхою
Вершину свою ты изящно вознёс,
Великий и гордый собою.

Замрут пред тобою, друг друга тесня,
Единым волнением объята,
Простой пустошественник вроде меня,
Художник, студенты, юннаты...

Стоять тебе, «Идол», года и века;
Гранитное прочно строенье.
И всё ж за тебя мы в тревоге, когда
Случаются землетрясения.

Но все катаклизмы и беды терпя,
Ты стойкостью нас поражаешь:
Приходим – и снова мы видим тебя!
И радостно нам, понимаешь...

...Тропа к электричке в цветах рюкзаков –
Пора и домой возвратиться.
Наш «Идол»! Ты нам среди домашних горшков
Красивой мечтой будешь сниться.

Мы снова поедem. Нас тянет туда,
В не так уж далёкие дали.
А есть же бедняги, что, прожив года,
Тебя никогда не видали!

«ЧАРУЮЩИЙ»

На картах он не значится,
Он в горных кручах прячется,
И много сил потратится,
Пока его найдёшь –
Ликующий, бушующий
И чудо нам дарующий,
Он, водопад «чарующий»,
Действительно хорош!

Верно его название:
Несут очарование
Могучее дыхание,
Его особый стиль.
И грому шум подобится,
Поток на скалы злобится,
В броске на капли дробится,
А капли – просто в пыль!

И чудо зарождается:
Семь радуг зажигаются,
И все они качаются
На водяной пыли!

Саяны – горы строгие,
И, в общем-то, немногие
Туристы крепконогие
Дойти сюда смогли.

А мы пока справляемся.
Мы снова отправляемся.
Полдня мы поднимаемся
На тысячу пятьсот.
С гольца пейзажи чудные!
Воды глоточки скудные –
И вниз, на склоны трудные –
Хара-Мурин нас ждёт.

А поутру мы, сытые,
Росою сплошь умытые,
Тропу, в чащобе скрытую,
Отыщем, и – вперёд!
Стремимся спозаранку мы
На встречу с Серебрянкою:
На речку ту приманкою
«Чарующий» влечёт.

А водопад не всякого
Встречает одинаково,
И скалами упряган он
От посторонних глаз.
К нему взойдём на кручу мы –
И радужными тучами,
Стремительно-летучими,
Он снова встретит нас.

ЧУКЧА

Не сочиняет чукча анекдотов.
Он – покоритель льдов, снегов, ветров;
Жизнь для него – охота и работа,
О новом дне спокойная забота.
И встретить он его всегда готов.

В краю, где нос оставит горожанин,
Он не горюет: с духами в ладу
Сколотит семью, лыжи, чум и сани,
И, всё предвидя узкими глазами,
Он мудро встретит всякую беду.

И потому врагов у чукчи нету,
Что мир в душе, и он природе друг.
Нет у него претензий к белу свету,
И он легко приемлет долю эту
Душой своей да парой ловких рук.

Но юмор любит! Он бы посмеялся,
Когда б увидел, что, как сытый кот,
Ты на диване по полдня валялся
И как девица, самолюбовался,
Про чукчу сочиняя анекдот.

КИТОЙ

Мосты, теплоходы и волны внабег –
Так выглядит множество, множество рек.
Обрывы и отмели, заводей сон...
Блажен, кто на речке, у речки рождён.
Я тоже счастливой судьбы человек –
Был на берегах я у множества рек:
Камчатка, Тунгуска, Иртыш, Енисей...
Они стали вехами жизни моей.
Красивы они, есть на что посмотреть;
Воспеты они, да и как не воспеть?
Но только не встретил реки ни одной
Красивей тебя, Китой!

Круты твои тропы и нрав твой крутой,
Не каждому кажется он добротой –
Бывает, что и у бывалых ребят
Под касками волосы дыбом стоят!
Ты с круч низвергаешься, в скалах ревьешь,
А на перекатах так дивно поёшь,
И скал красоту отражает вода,
И горные духи с тобою всегда.
И остановлюсь я опять и опять,
Долину твою чтобы взором объять...
Но не налюбуеться, сколько ни стой,
Красою твоей, Китой!

Вот отмель из гальки. И ты из камней
Искусно мозаику создал на ней.
Куда б ни взглянул, ни ступил ты ногой –
Поймает твой взор самоцвет дорогой,
На модные вкусы любых щеголих!

Да нет подходящей оправы для них,
Чарующих взоры своей красотой,
Шлифованных тонко твоею водой.
И всем ты знаком, у кого ни спроси.
Ей-богу, ты даже на карте красив –
Так много означено синей чертой,
Красавец Саян, Китой!

И если в Саянах бывал человек,
Он шепчет названия пройденных рек,
А палец – по карте, а сердце стучит –
Название каждое песней звучит!
Возникнет сомненье в иных головах:
А не лицемерье ли в этих словах?
Не зря ли Китою такая-то честь –
Любимая речка у каждого есть...
Здесь нет места лести или похвальбе:
Я чистую правду сказал о тебе.
Услышат друзья и кивнут головой –
Я правду сказал, Китой!

ДАБАН-ЖОЛГА

Мы поднялись на этот перевал!
Нам в спины дул июльский тёплый ветер
И предзакатный вечер освещал
Вершины гор. И был он тих и светел.

А дальше, там, в пятнадцати шагах,
Ревёт гроза! И там уже не вечер,
А всё, что там, в косматых облаках,
И мокрый спуск лишь вспышками освечен.

Раскаты, вспышки, тучи – всё внизу,
А тут, над перевалом, небо ясно.
И молча наблюдаем мы грозу,
Теряя время, кажется, напрасно.

Уходит день... Пойдём... Который час?
А вниз спускаться как-то неохота.
Здесь тёплый ветерок ласкает нас,
Штормовки треплет, мокрые от пота.

Лишь третий день у нас с тобой прошёл,
А дальше им неведомая мера!
Внизу нас ждёт сегодня Ботогол,
Мечта и рок француза Алибера.

Потом затопит Урик нас дождём,
И победишь, и проклянешь его ты;
И мы с тобой почти весь путь пройдем
Сквозь все его волшебные красоты.

Переплывём без бродов, переправ,
Без троп вползём по скалам на прижимы,
Чтобы потом, на карту путь собрав,
Припомнить, как и где его прошли мы

Потом у нас расколется топор,
А у тебя сгорят на-уголь стельки,
И подмигнёт последний наш костёр
Обёрткой от последней карамельки.

И нам судьбу геологи решат,
Спасая нас на латаной «резинке»,
А вертолётчик, добрая душа,
Поманит нас рукою из кабинки.

Всё это будет после... А пока
Нам рай и ад показывают зубы.
Ад – там. Здесь ветер греет нам бока.
Минуточку ещё... Ещё одну бы...

Пойдём, однако, чёрт ли нам не сват;
Ну, под рюкзак! Привычное движенье –
И мы молчком шагнули в этот ад,
Набравши воздуху. Для погруженья.

ПРИМЕТЫ

Не знаю, как и жить, теперь я:
Приметы, толки и поверья,
Запретов строгих целый свод...
Вон тот соседский чёрный кот
Как будто тоже что-то знает –
Он каждый раз пересекает
Мой путь, куда бы я ни шёл.

Хоть на соседей я не зол,
Мы не здороваемся с ними:
Заборами, хоть не глухими,
Мы разграничены, друзья.
А ведь известно, что нельзя
Осуществлять, будь вы хоть братья,
Через забор рукопожатья.

А вот ещё всех бед причина:
Мужик с ведром. С пустым, скотина!
И прёт навстречу, идиот...
Ну, кто страшней: он или кот?

Примет не знать – смертельный трюк.
Забыл – совсем тебе каюк.
Разбито зеркало – беда:
В осколок глянешь – и тогда
Кердык тебе, капут и амба!
А если не владеешь самбо,
Трусы изнанкой вверх надень –
И будешь битым целый день!

И каждый день кругом запреты:
Не так ты ешь, не так одетый,
Не так ты льёшь, не так метёшь,
Вот то нельзя! А то не трожь!
Зачем ты лёг не вдоль досок?
И так нельзя – наискосок!

Проснувшись, ты соображаешь:
А тот ли глаз ты открываешь?
Да с той ли ты встаёшь ноги?
Забуть приметы – не моги!

Несоблюдение примет
На вас накличет много бед,
Куда б ни вздумалось пойти,
А, впрочем, надо ли идти...
– С балкона свалится кирпич.
– Собака в вас почует дичь.
– На вас повалится стена,
Вконец озлобится жена...

Не верьте! Всё – галиматья!
Свободу разуму, друзья!
Пора расстаться с наваждением!
Но есть приметы со значеньем...
К примеру, вот такой прогноз,
Когда и кашель, и понос,
Сбывается на сто процентов
Не дай нам бог таких моментов!

ПОЛЯК

(Из детства)

Посёлок Баканас. Он утонул в пыли,
Что принесло дыхание пустыни.
И жмётся он к реке по имени Или,
Спасения ища в своей судьбине.

А ниже, у воды, на травяном лугу,
Оркестр акрид и запах трав цветущих.
Там ждут меня друзья, и я туда бегу.
Нас трое, ребяташек вездесущих.

А на лугу стоит таинственный шалаш,
И около пасутся три овечки.
Поляком-стариком он вписан был в пейзаж;
Старик встречался часто нам у речки.

Печален был старик. Он худ был и высок,
Тяжёлою была его походка.
И длинные усы тревожил ветерок;
Усы свисали ниже подбородка.

Нас он не замечал: Скользил потухший взгляд,
Не задевая стриженных макушек.
Его неспешный быт и жизненный уклад.
Не волновали также наши души.

Как обомлели мы, когда в его руках
Запела скрипка над речной долиной!
Издалека блестит слеза в его глазах...
Мелодия пронизана кручиной!

Ведь как прекрасен тут в цветах и травах луг
И воздух, ароматом напоённый...
Но долго скрипку он не выпускал из рук,
Страдающий, несчастный, отрешённый.

Нам было не понять тогдашних передраг;
Тогда ещё понять нам было рано,
Кем был и почему несчастным стал поляк,
И как попал он в степи Казахстана.

От детских лет теперь мы далеко ушли,
Но образ тот, как прежде, обжигает,
Хоть нет там шалаша на берегу Или,
Никто-никто на скрипке не играет.

КРОШКА ХЛЕБА

(Из детства)

Понукает возница лошадку.
На телеге фанерная будка.
ХЛЕБ – на будке написаны буквы.
Тают, тают на будке снежинки:
В будке – хлеба горячие булки.
Люди, запах вдыхая, вздыхают:
До чего хорошо пахнет хлебом!
Запах хлеба! Он голову кружит.
Хлебный запах! На всех его хватит.
И, вдыхая, вздыхает лошадка.

Подъезжает возница к киоску,
Открывает Даниловна дверцу,
Принимает горячие булки.
Мягко бухает хлеб по прилавку,
На притоптанный снег сорит крошки.
Жадно смотрит на крошки мальчишка,
Да неловко ему: люди видят.

Держат хлебные карточки люди,
А Даниловна ножницы ищет,
Чтобы в карточках вырезать дырки.

Разрезает Даниловна булку
И кладёт на весы половинку,
Да кусок от неё отрезает,
От куска отрезает кусочек,
Чтобы стрелка весов стала ровно.
Люди тихо стоят. Хлебом дышат.

Вдруг большая и вкусная крошка
Подкатилась под ноги лошадке.
И косилась лошадка на крошку,
Шевелила лошадка губами,
А во рту у лошадки – железка.
Потянулся мальчишка за крошкой –
Укусила лошадка мальчишку,
Да за спину, да через пальтишко!
Ах, как больно, как больно мальчишке!

Люди в очереди шевельнулись.
Жалко людям мальчишку, лошадку,
Да и вкусную хлебную крошку.

ЗЕЛЁНЫЙ ЛУЧ

Нескромно хвастать, но я везуч:
Два раза видел Зелёный Луч!
Он – дню начало, от Солнца ключ;
День открывает Зелёный Луч.

Дождись восхода, глаза помучь –
И ты увидишь Зелёный Луч.
В восходе чистом, когда нет туч,
Как выстрел, грянет Зелёный Луч!

Ты удивишься: как ярок, жгуч
И как прекрасен Зелёный Луч!

«ЯПОШКИ»

(Из детства)

Не сбегать ли в избу да ноги согреть?
Но громко скомандовал кто-то:
– Айда, пацанята, япошек смотреть!
– Япошек!.. Пошли!.. На болото!

Пяток набралось любопытных ребят,
У всех нетерпенье до дрожи:
– А правда, япошки лягушек едят?
– Сам видел! Кузнечиков – тоже.

И все разбежались лягушек искать,
У ржавой воды суетились,
Искали, гоняли, поймали штук пять
И саранчуком разживились.

Удачной охотой взбодрён разговор.
Шагаем. Все знают, куда нам:
Там, с краю болота, чуть светит костёр
За зыбким и зябким туманом.

Там люди ль – не люди в молчанье сидят,
В костре шевелят головёшки...
Вон! Вон! – Округлились глаза у ребят, –
Ты видишь? Ты видишь? Япо – о – шки!

Но два конвоира поодаль стоят.
Винтовки... Погоны... Шинели...
И остановила вдруг робость ребят,
К костру подойти мы не смели.

Мы шмыгали носом: был мрачен конвой –
Замёрзли, наверное, шибко.
Не взглянет в глаза, не кивнёт головой,
И губ не коснётся улыбка.

Суровые дяди! И стоит из них
Кому-нибудь пошевелиться
Как все мы уже приготовились вмиг
Сбежать, улизнуть, раствориться!

Но мы не уходим. Глядим и стоим,
И глаз не спускаем с конвоя
Что им наши вздохи, сопенье? Что им
Лягушки у нас за спиною?

И, собственной смелости вдруг удивясь,
Подвинулся кто-то немножко
И бросил лягушку, вперёд наклонясь,
На руки сидящим япошкам!

Мы замерли – что?.. Но спокоен конвой!
Один из сидящих ей брюшко
Ногтями разделал, кишочки – долой,
Поджарили... Съели лягушку!

Молчат конвоиры, а нам благодать:
Чего ж нам стоять, в самом деле –
Мы стали лягушек к костру им кидать –
Они с удовольствием ели!

И правда, япошки лягушек едят...
Причём, не стесняясь в движеньях,
Не сидя и не на коленях стоят –
Сидят на своих же коленях!

Одеты в один неприглядный наряд,
Лицом друг на друга похожи...
И не разобрать их, о чём говорят,
И цвет желтоватый у кожи.

Изжарив на прутике и саранчу,
На дольки её разделили,
И, хоть им досталось совсем по чуть-чуть,
Улыбками нас наградили!

А зубы! Здоровые, как-то не в ряд,
Ну, даже глядеть неприятно.
Опять говорят... И, о чём говорят? –
Смешно и чудно... Непонятно!

Но вот конвоиры, штыками тряхнув,
Отдали команду. Япошки

Построились. Кто-то, водою плеснув,
В костре потушил головёшки...
И наполнились думами детские дни
О нами увиденном чуде:
Какие забавные всё же они...
Ну, как настоящие люди!

РАСКРАСКИ

Они, хотели счастливой доли,
Полили кровью чужое поле.
Они сражались здесь, словно черти,
Желая лютой друг другу смерти.

Односельчане и одногодки,
Они вцепились друг другу в глотки!
Всё дело в том, что их цвет был разный:
Один был белый, другой был красный.

И их чужие нашли крестьяне
И схоронили на той поляне;
И мимоходом какой-то штатский
Велел назвать ту могилу «братской».

Но смерть не сделала их друзьями;
И нет им мира и в этой яме.
И меж собой там грызутся кости:
В них столько лютой, столько злости!

Ну, что ж... Бывают года лихие.
А парни были-то неплохие,
Вот только цвет у парней был разный:
Один был белый, другой был красный...

Уж очень надо кому-то, чтобы
Нашёлся повод для лютой злобы –
И нас с тобою опять разделят:
Тебя покрасят, меня – побелят.

– А надо ли это –
Кончается лето?
– Кончается, правда честна.
Но снег выпадает,
Чтоб снова растаять.
Растает – и снова весна!

– Весна хороводит,
Но быстро уходит
Цветень! Оно – то причём?
– А чтобы всё зрело,
Да к сроку поспело,
Чтоб жизнь продолжалась потом!

– Как осень настанет,
Всё никнет и вянет...
– Зачем это? – спросите вы.
– А лист опадает, трава увядает
Для новой травы и листвы.

– Зачем мы взрослеем,
А детство жалеем,
Когда повзрослеем? Ответь!
– Останься собою,
Не дряхни душою –
И детства не будешь жалеть!

– Зачем, в завершенье
Процесса взросленья
Мы входим в объятия тьмы?
– Чтоб дети мужали,

А мы не мешали
Им быть человечней, чем мы.
– Пусть были мы плохи,
Но были и крохи
Прогресса. Они пропадут?
– Нет! Нет им забвенья:
Они в поколениях
Как доброе семя, взойдут

ДЕЛО ПРИВЫЧНОЕ

Товарищ Михалков,
Проснувшись как-то рано,
О конкурсе на Гимн
Узнал с телеэкрана;
И сочинить ему
Опять велела Муза
Пародию на Гимн
Советского Союза.
Дед был шустёр! Без дум
Обстряпав дело это,
Всё, что пришло на ум,
Развёл на три куплета,
И, первенство забрав
Привычно и настырно,
Страну по пять минут
Мурыжит в стойке «смирно»

МЫ – ДЕТИ ПОБЕДЫ!

*«Кому – война, кому – мать родна»
(поговорка)*

«Мы – несчастные дети войны!
Дайте нам преференции, льготы!
За лишенья, волненья, заботы
Нам большие награды нужны!» –

– Так сейчас на просторах страны
Тыл войны увидавшие люди
Размечтались: «–Пусть так же нам будет
Воздано, как героям войны!»

Ты – дитя? Порожденье войны?!
Это что, издевательский юмор?
Если выжил ты, если не умер,
Так тебе ещё льготы нужны?

У войны не бывает детей:
Лишь скелеты она порождает
И без усталости нагромождает
Слой за слоем из мёртвых костей.

Миллионам другой был удел –
Жизнь они отдавали Отчизне,
Им порой для спасения жизни
Недостало того, что ты съел!

Ну, и радуйся жизни, не ной,
Вытирай бутафорские слёзы,
И не надо страдальческой позы:
Жизнь люби, несгибаемый мой!

Мы ведь живы с тобой почему?
– Нас Победа достала из ада!
Нам вот Сталина нынче не надо,
А уж Гитлер – совсем ни к чему!

Ты, увидев Салюта огни,
Неужели от счастья не плакал?
Мы же – дети Победы, однако,
А не жалкие «дети войны»

Был тайной скрыт ваш подвиг молчаливый,
И потому вины нет вашей в том,
Что в Вечность неизвестными ушли вы,
Прикрыв Отчизну ядерным щитом.

ЧЕЛЯБИНСК-40

Ко мне на досуге внучата пристали,
Внучата пристали, расспрашивать стали:
– Скажи, вы – герои? Ведь вы воевали?
Зачем же вас в мэрию всех вызывали?
Вас там угощали, подарки вручали
И даже в газете про вас написали!

– Нет, мы не герои, – сказал я ребятам,
– Мы просто ловили взбесившийся атом,
Ловили, вязали, в темницу бросали,
Людей от беды и болезни спасали.
Назвать нас героями можно едва ли;
Мы сами не знали, чем мы рисковали.

Нас просто призвали, велели собраться,
И всем нам тогда было по девятнадцать.
Мы – года рождения сорокового
Из Качуга, Тельмы, Зимы, Черемхово,
Ангарска, Усолья, Иркутска, Тайшета...
Был август, пора уходящего лета.

Мы ехали долго, большим эшелоном,
И весело было в теплушках, тепло нам.
На запад везли нас, в далёкие дали.
Куда мы приехали – нам не сказали.
В казармы впустили и там разместили
И кашей солдатской ещё угостили.

А утром проснулись, умылись, оделись
И, выйдя наружу, вокруг огляделись.
Тут озеро рядом, зовётся Булдымом.
Покинутым было оно, нелюдимым.
В нём рыба плескалась и утка купалась,
Но нам подходить к нему не разрешалось!

И, чтобы солдаты к нему не ходили,
Колочеею проволокой оградили.
Пить воду нельзя! И купаться опасно!
А вот почему – непонятно, неясно...
– Узнаешь потом, – так нам все отвечали,
Сержанты на наши вопросы молчали.

Когда мы на курсах бойца отучились,
Хорошие мотострелки получились:
Здоровые, крепкие; каждый подкован
Учёбой. Защитники Родины, словом.
Тогда кое-что всё же нам рассказали:
Здесь в атомный город служить мы попали.

Два года назад здесь отстойник взорвался
И облаком грязным до неба поднялся;
И атомный пепел из облака выпал,
И землю, и сёла он грязью засыпал,
Невидимой грязью, без запаха, цвета...
И наша задача – очистить всё это.

А чтобы о взрыве нигде не узнали,
Мы все о молчанье подписку давали.
Её много лет соблюдали мы строго!
В тюрьму за язык открывалась дорога.

До нас дозиметр полагался солдатам,
Чтоб знали, следили, как действует атом.
Предельные дозы они получали –
И их, облучённых, домой отпускали.
Они уходили, ряды их редели...
И вот уже их контингент на пределе.

Где брать им замену? – Недолго искали,
И все у солдат дозиметры изъяли.
Никто не придумал решенья другого.
Ряды их сомкнулись, наполнились снова.

А мы дозиметров совсем не видали.
Гражданские часто нас предупреждали:
– Рискуете зря, там плохая среда,
Без дозиметриста не суйтесь туда,
Там двести рентген, а быть может, и триста!
Ведь знают, что нет у нас дозиметриста...

И был капитан в медсанчасти, весёлый.
(Он делал через гимнастёрку уколы).
На все опасенья насчёт облученья
Советовал: – Не придавайте значенья,
Тут как уж кому, так сказать, повезёт.
И прав оказался ведь он, идиот.

Мы честно служили и крепко дружили,
И лучшие годы мы в службу вложили.
Вот то были парни! Не парни – мужчины!
Ни пьянок не знали мы, ни «дедовщины».
Уменье, терпенье, смекалка и смелость –
Всё это собою само разумелось.

Моё поколение! В военные годы
Вы в детстве выросли, терпели невзгоды.
И долгу верны были вы, и приказу,
И Родине не изменили ни разу,
Ни разу, ни в чём, ни в большом и ни в малом...
А «Родина» сколько вам раз изменяла...

Но служба кончалась; прошли все три года,
Да вот в сорок третьем – нехватка приплада:
Отцы воевали, детей не рожали...
Нас некем сменить. Мы служить продолжали.
Но как-то сумели, но как-то сменили;
До нового года мы переслужили.

Поездили мы, кое-что повидали,
Всего не расскажешь – подписку давали.
Молчали. И долгие годы промчали.
И вот про чернобыльский взрыв закричали!

Под эту шумиху раскрыли газеты
Все наши секреты, большие секреты:
Про бомбу, которую там создавали,
Про взрыв, о котором нигде не слыхали,
Как скот убивали, сжигали посевы...
Теперь обо всём этом знаете все вы.

А нас, пожилых, что пока ещё живы,
На миг осветило чернобыльским взрывом,
И кто-то из нас, кто до этого дожил,
Посмел и сказал эту фразу: «Мы – тоже!»
Известно теперь всему белому свету:
Завод «Маяком» называется этот.

И долго он будет стоять, год за годом,
А мы, маяковцы, – мы молча уходим,
И с болью мы списки свои проверяем:
В них однополчан постоянно теряем...

Нет, мы не герои, и даже порою
И жертвами нас называют, не скрою.
Не знаю, кто прав. Просто есть мы на свете –
Вот так я внучатам своим и ответил.

НАС БЫЛО МНОГО

Что значит «ликвидатор – маяковец»?
Об этом можно было б настучать
Большую и трагическую повесть!
Но мы подпиской связаны: молчать,

Как мы, юнцы иркутского призыва,
Пугая неизвестностью родных,
Три года в зоне атомного взрыва
Дразнили дозиметры в проходных.

Вот только память... Память не прогонишь,
И в ней нельзя создать запретных зон,
Да некому сказать теперь: – А помнишь?..
А был тогда нас целый эшелон!

Никто о нас не вспомнит – вот что грустно.
Парней, начавших жизнь такой бедой,
По нашим спискам числится негусто,
Почти что ты да я, да мы с тобой.

И в этих списках смерть проводит чистку –
Уж ей на нас и вовсе наплевать.
Молчать давали мы с тобой подписку,
Да не было подписки – забывать!

У МЕМОРИАЛА

Он ступил, да не смог подняться
На ступеньки Мемориала
Подхватили его под руки
Люди, те, что стояли рядом.
Не в его, избавителя, славу
Пламя лёгкое трепетало:
Просто он положил цветочки
На гранит, на сентябрь с листопадом.

Эту дату, день двадцать девятый,
Только он, ликвидатор, помнит,
Этот атомный взрыв, который
Всю судьбу его переиначил.
Этот день был таким кошмарным,
Катастрофа – такой огромной!..
Постоял, и пошёл обратно
Неизвестный, солдат неудачи.

Что ж, военная тайна! Подписку
Все давали; И всё шито-крыто.
И ушедших не помнят тысяч,
И кто жив – никому не дорог...
Вы, пожалуйста, не говорите,
Мол, никто не забыт, не забыто...
Только он, безызвестный, помнит
Этот страшный Челябинск-40!

ХРАНИТЕ ПАМЯТЬ

*«Мы вам покажем кузькину мать!»
(Н.С. Хрущёв)*

Давайте вспомним,
Как в сорок пятом
В ядрёной бомбе
Взбесился атом.

Он, неделимый,
Делиться начал.
Угрозой миру
Всех озадачил!

Как Хиросиму,
Как Нагасаки,
Спалить Россию
Взялись вояки.

Была возможность,
Да опоздали:
Мы щит надёжный
Себе создали.

И щит наш прочен,
Защита наша:
У «кузьки» очень
Строга мамаша!

Уж мы-то знаем
Не понаслышке:
В себе таскаем
«Грибы» и вспышки.

Мы там же были...
Мы не герои;
Но щит России
И нами строен!

Нас не придётся
В граните высечь –
Нас наберётся
Десятки тысяч.

Мы всё терпели,
Мы все молчали,
Пока рентгены
Нас облучали.

В живых, поверьте,
Нас лишь десятки –
С неё, со смерти
И взятки гладки.

Храните память
На письмах, «фотках»
О шедших в пламя
В подводных лодках,

Кто молчаливо
Шагал колонной
По центру взрыва
Землёй прожжённой.

Храните память.
Не зачеркнуть бы
Служивших с вами,
Сломавших судьбы...
Храните Память!

МУЗЕЙ СЛАВЫ

Казалось, нет конца и края,
Казалась вечною война,
Кому – вторая мировая,
Кому – Отечественная.

Хоть, правда, время лечит раны,
Но всё же памятью живой
Владеют старцы – ветераны,
Жизнь опалившие войной.

Они в своих суждениях правы –
Врагов немало у страны,
И потому Музеи Славы
На память крепкую нужны.

На память нам и им на память,
Чтоб не хотелось нипочём
Им на Россию зубы скалить
И снова нам грозить мечом.

Здесь фото, имена и даты...
Гляди: вот здесь, перед тобой
Живут погибшие солдаты,
Герои славы боевой!

Тут собрались они не сами –
Тут были поисков года;
Неравнодушными сердцами
Возвращены они сюда,

Чтоб каждый знал,
Чтоб сердцем слышал;
Понятия святые есть,
Которых чище нет и выше:
Свобода, Родина и Честь.

А ПРИЧИНА – ОДНА

Д.Т.П. теперь везде и повсюду.
Разбирают каждый случай отдельно.
Что ж, аварии и были и будут;
Кто виновен – разбираться бесцельно.

А причина очевидная, вроде:
Вот ты выйди-ка, ты выйди на трассу:
Вон энергия какая выходит,
Если скорость да помножить на массу!

Службы следствия на ложь тороваты:
– Дело в том, – вот так они нам внушают, –
Что водители всегда виноваты –
Часто правила они нарушают!

Не напрасно ли в такой круговерти
Нарушителя искать, бедолагу?
Тут у каждого причина для смерти,
Для увечья, для посадки в тюрьму.

И не надо следствий тут изощрённых,
И не вешайте лапшу нам на уши:
Ведь у физики такие законы,
Что никто их никогда не нарушит!

ТОЛПА

Мы – человеки. Полуфабрикаты:
До совершенства нам – века, века...
Былых эпох расцветы и закаты
Уму не научили нас пока.

Мешают нам препятствия лихие;
Не светлый путь – звериная тропа!
Несчастливым, нам дана, ко всем стихиям,
Ещё одна, и страшная: толпа!

В толпе нет дам, как нет и джентльменов;
Тут каждый сам и умник, и герой.
Засилье наших обезьяньих генов
Отдельно правит каждой головой.

Адреналин расплёскан по сосудам...
Лишь кто-то крикнет: – Вон, чужой! Убей! –
И не дай бог увидеть это чудо,
Как люди превращаются в зверей!

Как мало надо, чтоб оформить стадо;
А стадность – это наше естество...
Раз сказано убить, так, значит, надо,
Лишь только не тебя бы самого.

Убить! Распятъ! – единомушна масса,
Горящие глаза и ртов оскал.
Джордано Бруно жареного мяса
Когда-то с нетерпеньем ты алкал!

Толпа зверей... Прискорбных эпитафий
Полно на нашей совести вокруг.
Бифштекс кровавый – Муамар Каддафи...
Не мучает ли стыд тебя, мой друг?

А сколько сжѐг ты, расстрелял в Одессе?
– Не ты? – Нет, ты! О том и разговор!
Бесчинства наши – в чѐм-то интересе,
Была б толпа – найдѐтся режиссѐр!

Хоть память наша и бывает куцей,
Нам не забыть, как россиянин смог
И кровь, и грязь майданов – революций
Торжественно надрючить на флагшток!

Вот ты в почѐте на работе, дома;
Ведь лишь послушным воздаѐтся честь.
Не зря зовѐшься Сапиенсом Хомо,
Но только помни: зверь ты, зверь и есть.

Смиренный, тихий, скромный и невинный,
В толпу вотрѐшься – только и всего,
А обольют беднягу керосином –
И ты не закричишь: – Н е т р о ж ь е г о !

И я такой же. Удержись от брани.
Одну и ту же мы торим тропу,
Но только мы с тобою на «майдане»
Не встретимся. Я не люблю толпу.

КОГДА-НИБУДЬ

Возможно, век наступит долгожданный, –
Неудержим развития прогресс!, –
Ты сбросишь, Хомо, шкуру обезьяны,
В которую веками раньше влез.

К созданьям высшим сам себя причислив,
Звериных черт так и не одолев,
Ты неизменно злобен и завистлив,
Гнетут тебя обида, чванство, гнев...

Свою жестокость, ну, куда ты денешь?
В твоей натуре этот мерзкий грех:
Чужие шкуры ты дерёшь, а ценишь
Свою, родную, сердцу милый мех.

Так – миллионы лет. И всё бы ладно,
Жил бы и дальше, сам себя любя,
Но – Жадность! Всесжирающая Жадность
Докапывает яму для тебя.

Ты обходиться малым не умеешь,
Как все с тобою рядом на Земле.
Тебе бы больше, толще и длиннее,
Ты, раб желаний, тонешь в барахле...

Да обрети прекрасный образ, Хомо!
А переправы в прошлое – сожги,
Во избежанье лишнего объёма
Освободи от глупости мозга.

Живя умом, ты станешь сильным, смелым,
Без грёз о том, чего в природе нет;
Не делай то, чего не надо делать –
И перестанешь быть причиной бед!

А время есть ещё, и есть надежда,
Что ты и жадность сможешь победить
И полюбить сумеешь Землю, прежде
Чем ты её успеешь погубить.

Наступит Совершенства ликование,
Покажет мощь природы произвол;
Ты сбросишь, Хомо, шкуру обезьяны,
И мир воскликнет: Он п р о и з о ш ё л!

И нипочём тогда потопы, бури;
Одной Любовью будешь жить века!
Вот только б снова к обезьяньей шкуре
Не потянулась бы твоя рука.

НЕ ЖАЛУЙСЯ

Плоха жена? – Пожалуйста,
Ты не срамись, не жалуйся,
И не срами её, мой дорогой:
Хозяин ты своей судьбе;
И кто бы помешал тебе
Жениться на какой-нибудь другой?

Начальник плох? Пожалуйста,
И на него не жалуйся.
Работы не найдётся ли другой?
Вон – шахты, фермы, рудники...
Нужны повсюду мужики!
Займись другой работой, дорогой.

Что? Жизнь плоха? Не жалуйся:
Сходи в хозмаг, пожалуйста,
Купи себе верёвочки кусок.
И стоит он копейки...
Вон, стань на край скамеечки,
Да повяжи её на тот сучок.

Сосед плохой?! Ну, не взыщи,
Попался ты, как кур во щи!
Совета мы не можем дать тебе:
Тут дело бесполезное.
Душевно соболезуем –
Уж так не повезло тебе в судьбе!

ПЛОХОЙ СОВЕТ

Холостяк любовь погубит –
Холостого не люби:
Никогошеньки не любит
И тебе не даст любви.

Не милуйся с разведённым.
Повторится всё точь–в-точь:
Выгнал он жену из дома,
И тебя прогонит прочь.

От вдовца себя помилуй,
Не кажи к сердечку троп:
Он загнал жену в могилу,
И тебя загонит в гроб.

Как ни думай, вывод зреет,
Что женатый лучше всех:
Он жену любовью греет,
И тебя согреть сумеет.
Только люди скажут: – Грех!

МНЕ НЕ ДАНО

*«Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать лишь да стричь.
Наследство ж нам из рода в роды –
Ярмо с гремушками да бич!»*
(А. С. Пушкин)

Мне – шестьдесят; я видел жизнь воочью:
Учился. рос, служил, трудился, зрел...
В тайге, в горах, в пустыне, днём и ночью
Я слушал, нюхал, щупал и глядел.

Непьющий я, и мой рассудок светел,
И мозг ничем таким не поражён;
И вот – ни разу бога не заметил.
Зря говорят, что «вездесущий» он.

Земных красот свидетель восхищённый,
Поклонник я природы волшебства,
Но, уважая разума резоны,
Не превращаю вещи в божества.

Безбожник я, а, значит, и бесчёртник:
Не только «бога» я не смог найти,
Но даже самый-самый вшивый чёртик
Нигде не повстречался мне в пути.

Я в суеверьях модных не виновен
И зодиачьи знаки не учу.
Не скорпион, не дева я, не овен
И раком стать, конечно, не хочу.

И ночи сплю спокойно до рассвета;
Не снятся мне вампиры-упыри,
Вокруг меня не прыгают скелеты
И прочие ужасные хмыри.

Я слушаю с усмешкой «гороскопы»,
Не споря и, конечно, не грубя.
Не для меня старанье Павла Глобы,
А, вообще-то, и не для тебя.

Хотя ещё не очень оскудела
Религиозно мыслящая рать,
Мне с ней не по пути. Я выбор сделал:
Не верю я. Предпочитаю знать.

Невелика в мозгу моём начинка,
Но все ж я знаю: «небо» – это газ,
Земля-планета – жалкая пылинка
Средь бесконечно движущихся масс;

Что Нострадамус – плут и самозванец
И что в Лох-Нессе Несси не живёт,
Что никакой космический засланец
Мне никогда не сядет в огород...

Я объяснить могу секрет чудесный,
Откуда вдруг беременность у дев;
Люблю в грозу послушать гром небесный
И знаю: он не «божий» и не «гнев».

И не сломать меня ни так, ни этак:
Если мозги мои перешерстить,
Так не найдёшь в них даже пары клеток,
Где можно было б веру разместить.

Мне не дано в икону очи вперить
И ощущать мистическую жуть,
Но понимаю: кто-то ж должен верить,
Иначе будет некого надуть.

Поскольку нынче верить модно – верьте.
Мир виртуальный – сладкое вино!
Пусть будут с вами боги, духи, черти,
Коль вам по нраву. Мне же – не дано.

Я в этой чертовщине не замешан,
Мне и в реальном мире много дел.
Безбожен я, а, значит, и безгрешен
Тем, что в дурмане жить не захотел.

Ведь как легко свернуть мозги народу!
Профессора – те тоже хороши:
Тотчас взялись политикам в угоду
Изобретать молекулу «души».

Наплыв миссионеров небывалый!
Они похожи на большой базар,
Где надрывают связки зазывалы,
Расхваливая каждый свой товар.

А штат богов велик, Их чтут и множат,
А люди превращаются в паству...
Спиной к спине твоей другой «раб божий»
Возносит глас к другому божеству!

И каждый просит радости и счастья,
Но, позабыв смиренность и покой,
Весь род людской, разодранный на части,
Радеет так, что льётся кровь рекой!

Ну, если хочешь ты путём молений
Расчистить путь к спасению души,
Так в чём проблема? – в угол, на колени,
Убийствами хотя бы не греши.

Ан нет! Не видно благости примера:
На вас извечный ненависти грех.
А ведь у каждого СВЯТАЯ вера,
Ну, самая святейшая. Из всех.

Стада повсюду распрями объята.
Проклятьями грязня свои уста,
Мормоны, протестанты, униаты
Толпятся у распятия Христа.

И, всю толпу искусно баламутя,
Политики удовлетворены:
У них в руках распяты, как распутье,
Как раз на все четыре стороны.

А сколько их убито, христиан-то,
Хотя на каждом – тот же самый крест.
Католик убивает протестанта,
В душе своей не чувствуя протест...

И, в злобе умирая, он же счастлив,
Что ради веры голову сложил.
Извечный принцип «разделяй и властвуй»
Везде, всегда политикам служил.

Три дня назад, признав в себе злодея,
И к жертвам вдруг почувствовав любовь,
Сам папа римский каялся, жалея
Во имя веры пролитою кровь.

А как уж свят раздор в Афганистане!
Талиб усердно неталиба бьёт,
И уж в Европе чуют христиане,
Что и до них-то очередь дойдёт!

Где нет войны? Дымит земная сфера!
Гляди: еврей – и тот подрагаться рад.
Ему послать не запрещает вера
Арабским детям танковый снаряд...

И вы, быть может, будете убиты,
За что и кем – сам чёрт не разберёт!
Ножи точат сунниты и шииты
И ваххабиты чистят пулемёт.

И остаюсь я тем благоутешен,
Что в лохотрон всемирный не суюсь.
Безбожен я, а, значит, и безгрешен,
И жизнь люблю, и смерти не боюсь.

Причину знаю я, по крайней мере,
Зачем властям в религию играть:
Ведь если вдруг никто не станет верить,
То никому не будет смысла врать.

А без вранья политик безоружен.
Муллы, раввины, ксёндзы и попы...
– Весь этот штат затем ему и нужен,
Чтоб изготовить стадо из толпы.

НИКОТИН – ЗДОРОВЬЮ ВРАГ, А КТО КУРИТ – ...

Хитрый жулик сказал:

– Никотин – это слабый наркотик!

И с деньгами мы в очередь встряли в табачный киоск.

Говорила же мама,

Чтоб бяку не брали мы в ротик,

Но навечно окурок вонючий к губе нам прирос!

Слаб ли этот наркотик?

Ища состоянье нирваны,

Каждый в мире животных легко может сесть на крючок.

Вон с каким удовольствием

Трубку сосут обезьяны

И козёл деревенский ноздрей раздувает «бычок».

В ядовитом дыму

Обитать нам вдруг стало приятно:

То сосём сигарету, то трубку набьём табаком...

А как в зеркало глянем –

И видим кого? – Непонятно:

То ли Сапиенс Хомо, а то ли дурак-дураком!

И плюются, и кашляют

Дети, мужчины и бабы.

Заработав гроши, люди тысячи тратят на дым...

А, попробовав бросить,

Смекаем: – да нет, он не слабый!

И уже без раздумий воняем, воняем, дышим.

Дети борются с нами,
Теряя здоровье и нервы,
Но в неравной борьбе уступают. Всесилен табак!
А для них никотин –
Это слабый наркотик, он – первый,
Дальше – в пропасть ведущий второй, и губительный шаг.

Ведь на их любопытство
Враги наши делают ставку
Те, что тихую сапой работают в нашем тылу;
И бесплатно ребёнку
Предложат попробовать «травку»,
И за деньги большие посадят потом «на иглу».

– Ну, какие враги?! – скажут нам, –
Курят все, во всём мире!, –
Надо ж выманить деньги – на то существует дурак,
А табак, как табак...
Он в условиях даже Сибири
Сам собою растёт, как простой огородный сорняк;

Потому-то нам лёгкую прибыль
Даёт наркобизнес,
Он шикарную жизнь нам и нашим детишкам несёт.
И киоски у нас,
И реклама, и уровень жизни
Оттого, что Россия для нас эту гадость сосёт!

Педагог у детишек
В «бычками» заплёванной школе
Сигаретой дымя, отнимает «чинарик», грозя:

– То-то уши нарву!
Это вредно! Не знаете, что ли,
Что дымить табаком, а тем более в школе, нельзя!

И Минздрав поучает:
– Куренье смертельно опасно!
Но не страшен нам рак или всякий там туберкулёз.
И во ртах у врачей
Сигарета торчит ежечасно,
И главврач в туалете сосёт папиросу взасос.

Наконец, родилось
Подозренье у высших инстанций:
А не вреден ли бизнес такой для страны – вот вопрос!
И возможно ли, бизнес щадя,
Как-то с помощью санкций...
– Думу думает Дума, грызя мундштуки папирос.

Никотин, уж признаемся честно,
Такая отравка!
И ещё раз признаемся – этот наркотик не слаб:
Он сильнее всех нас!
И, конечно, сильнее Минздрава,
Стариков, мужиков и детей, и, естественно, баб.

Значит, будем и дальше
В бычках и харчках по колени
За наркотик платить, да ещё за курение штраф,
И не только у нас –
У сменяющих нас поколений
Кучку наркодельцов побороть не сумеет Минздрав.

РАЗНИЦА ЕСТЬ

Смотрели как-то обезьян
Мы с внучкой в зоопарке.
(Их привезли из дальних стран,
Из тех... Ну, в общем, жарких).

Веселье, смех! И всей толпой
Мы корчили им рожи;
Ну, и они, само собой,
Нам корчили их тоже.

Дитя вопрос мне задаёт,
Тихонько в бок толкая:
– Вот, мол, они, а вот – народ,
А разница какая?

И, призадумавшись слегка,
Нашёлся, что сказать я:
– Тут разница невелика,
Мы все – приматы, братья,

И, хоть различий нет больших,
Но вот одно понятно:
Ведь мы за деньги смотрим их,
А нас они – бесплатно!

ЧИК-ЧИРИК

Голова у воробья небольшая,
В голове-то у него мозгу мало;
Только это воробью не мешает,
Да и раньше никогда не мешало.

Человечьи-то мозги весят много:
У него-то голова чуть не с бочку!
Вон сидит он, человек, у порога
И – задумался. Глядит в одну точку.

Воробью-то недосуг время тратить,
Он – в движенье, он в делах постоянно;
У него на каждый миг дела хватит,
У него мечтаний нет – только планы!

Воробей жену не бьёт – крепко любит;
Для того и каждый год жён меняет.
Человеку быть примером ему бы:
Всех он кормит, и гнездо охраняет.

Человечий ум иной: много дури!
И приглядывать за ним надо строже.
Он ругается с женой, пьёт и курит,
Бросить камень в воробья тоже может!

С человеком без проблем не выходит:
Всё он портит, всем вредит, всем мешает...
Впрочем, что с него возьмёшь – враг природы!
Видно, бог его умом обижает.

Мать-природа в эволюции длинной
Отвалила ему мозгу нескупо!
Если выбрать из него воробьиный,
Остальное будет всё – только глупость.

ЯЩЕРКА

Ах, скворушка, миленький, как хорошо:
Ты ящерку мёрзлую где-то нашёл:
Отдай её мне, да не вздумай клевать:
Весною умеют они оживать!

Я в тёплый кармашек её положу...
Нет, лучше до школы в руке подержу.
Ну вот, шевельнулась! Прошло забытьё...
Весь класс соберётся смотреть на неё!

Спасибо скворцу и спасибо весне;
Она оживает, а радостно мне!

ЛЁГКОГО ПОДЪЁМА!

Не удержать мгновений малых,
Что составляют жизни бег,
Но тот, кто в памяти сдержал их,
Тот и счастливый человек.

Как по тропе впервой идущий
Встречает каждый поворот,
Так с нетерпением день грядущий
Наш разум жаждущий зовёт.

И редкий день без удивленья,
И так чудесен белый свет:
Тут и редчайшие явления,
Что раз бывают в сотни лет,

И те, что всюду рядом с нами,
Без передышек и границ,
От гроз, торнадо и цунами
До брачных танцев райских птиц...

А сколько мы их проглядели,
Прошли, не бросив даже взгляд,
Не поняли, не захотели...
А время не вернёшь назад.

Так лёгкого тебе подъёма!
Беги, пока не прозевал,
С дивана, из кафе, из дома
На реку, в горы, на Байкал!

Дерзай, надейся на везенье,
Но будь готов вступить в борьбу.
И лишь счастливые мгновенья
Счастливой делают судьбу.

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

– Привет, сосед! Давно тебя не видел!
– С прощёным воскресеньем, дорогой!
Так что прости, коль чем тебя обидел...
– Обиды? Что ты! Дружим мы с тобой
Второй десяток лет, да так уж дружим!
Доволен я тобою и судьбой...
Да и прощёный день-то нам не нужен!

– А всё ж я виноват перед тобой...
В тот день в меня не злой вселился дух ли?
Боюсь, мне твоего прощенья нет:
Зачем-то как-то взял я твои туфли
И подложил, покрасив в чёрный цвет!

– Ну, это я тебе, сосед, прощаю.
Так, баловство... Какая тут вина?
Вертел я эти туфли, вспоминаю,
Да так вот и не понял ничего!
А помнишь, во дворе был сильный ветер,
Такой поднялся вой, да шум, да свист!
А ты пошёл, закрылся в туалете,
А я его – толкнул. Да дверкой вниз!

– А я-то думал, ветер злую шутку
Сыграл со мной! Ну, тут ты перегнул!
– Да, это я, я опрокинул будку.
Ещё и в дырку этак заглянул...

– Ну, как не помнить... Экая нелепость!
Хвалить ли мне тебя или винить?
Зато я сделал не нужник, а крепость!
А старый даже и не стал чинить.

И я не строю из себя скромнягу:
И я вам столько нервов потрепал!
Я ж вашу туалетную бумагу
Нет-нет, да красным перцем посыпал.

У вас рулоны розового цвета,
Дороже, чем у нас, почти на треть!
Хотелось просто, – уж прости мне это, –
На вашу на походку посмотреть.

Да – а, это были тяжкие минуты!
Видать, тебя сам дьявол науцал!
Но я – прощу. Мне тоже не одну ты
Шутчонку по сердечности прощал.

Я ж пред тобой и вовсе виноватый;
Ты только не рассказывай сестре:
Обсыпал мимоходом я минватой
Сестры твоей бельишко во дворе.
Пусть уж она простит меня заочно,
А то она способна и на месть!
Заочно будет тоже правомочно,
На то ж у нас и день прощенья есть!

– Да полно, друг, считай себя невинным.
Ответ её, припомни, был таков:
Приправлен был шампунь твой родамином,
Каким к рыбалке красят червяков!

– Как же не помнить! Если б не обычай,
Я это ни за что бы не простил!
Уж это совершенно вне приличий:
У нас как раз начальник наш гостил!

Прилипла краска к ванне, к полу, к телу:
Мне это всё ни в жизнь не оттереть...
К начальнику все ходят не по делу,
А только на него бы посмотреть!

А я в стене твою нащупал фазу...
Поди, твой счётчик здорово гудит?
Боюсь, ты это мне простишь не сразу.
Признайся, ты, наверное, сердит?

– А я тебе замок заклею жвачкой!
– А я тебе – зелёнку в сапоги!
– Давай, оставим пакости. В заначку.
Ведь мы с тобой соседи, не враги!

– Так сколько же нам надобно прощений!
– Да ладно, погоди, не уходи;
У нас с тобой прощёных воскресений
Ещё немало будет впереди!

Я – РЕБЁНОК

Я пока не человек, я – ребёнок.
Мне бы на ноги скорее подняться.
Я слаба, и голосок ещё тонок,
Мне б к кому-нибудь большому прижаться!

Не у всех из нас есть папы и мамы,
Те, что ближе всех, милей и добрее...
Кто ты, добрый человек, самый – самый,
Кто меня и приютит, и согреет?

Нас, несчастненьких, в детдоме так много!
И с одной мечтой мы все, с самой-самой:
Дверь откроется, а мы – у порога.
Каждый думает: а вдруг папа с мамой!

За оградой ходят папы и мамы
И своих за ручки водят детишек;
И к железным прутьям липнем мы лбами:
Да, у них своих детишек излишек!

– Не мани меня такими глазами,
Не тяни мне сквозь ограду ручонки!
– Мне чужая говорит со слезами, –
У меня свои мальчишки – девчонки...

Я бы с рыбкой золотой повстречалась,
С ней бы на волне морской покачалась.
Золотую рыбку я б попросила,
Чтоб детишкам мам и пап приносила.

Чтобы каждому – по папе и маме,
Чтоб не полнилась земля детдомами;
И тогда ребячье горе растает...
Только рыбок золотых не бывает!

Понимаю я, хотя и девчонка,
Может быть, и вы поймёте однажды:
Каждый взрослый может сделать ребёнка,
А счастливого ребёнка – не каждый!

И детьми не каждый может гордиться, –
Понимали бы родители, оба,
Что, когда дитя с любовью родится.
То оно счастливым будет до гроба.

НЕ ИСКРИ!

Обида жжёт, обида ранит,
И портит сон и аппетит!
Она к жестокой мести манит,
Глядишь, в убийцу превратит!

Обидчик твой – такая гнида!
Он сладко ест и крепко спит:
Ведь это – лишь т в о я обида;
Она тебе п р и н а д л е ж и т!

Не нянчись со своей обидой:
Уж если сам ты не поймёшь,
Поверь мне: гнида будет гнидой,
Даже когда её убьёшь!

Остынь! И не искири страстями;
Спрячь пистолет, забрось и нож.
Из искры возгорится пламя!
Из гниды вылупится вошь.

ПОДВИНЬСЯ, БРУНО!

Джордано Бруно, я вполне без трёпа,
И места нет словесной здесь игре:
Я не стоял с тобой у телескопа,
Но я с тобою стану на костре.

Прислушиваемся к людскому гуду:
Там начинают спичками шуршать;
Костры такие были, есть и будут,
Покуда свята жажда убивать.

И тем им будет зрелище приятно,
Что, как лишь только угли прогорят,
Всё в мире вновь покатится обратно,
Всё в их умах воротится назад.

«Небесной тверди» вновь вернётся жёсткость,
А Солнце побежит вокруг Земли;
Земля опять, как прежде, станет плоской,
Как-то библиописцы изрекли.

Вот, началось: Разинутыми ртами
Кричат в толпе, торопят поджигать...
Зря Прометей поспорил с богами –
Не надо было спички нам давать.

Как ты велик пред этим рабским стадом!
Я ж пред тобой – простой еретичок,
Но я затем сгорю с тобою рядом,
Чтоб в этот час ты был не одинок.

Пусть наши муки суд свершат над сбродом.
Подарим им, заблудшим, твёрдый взгляд.
Да здравствуют Наука и Свобода!..
А за убийц не бойся. Их простят.

НУЛЬ
(Сказка)

Не в дому, не на квартире –
В виртуальном шумном мире
Среди женщин и бабуль
Жил да был мужчина Нуль.

Не кривой и не горбатый,
Но совсем пустой, пузатый,
Как уж вышло по судьбе.
Сам он нравился себе,

Только Цифры все молчали,
Будто и не замечали,
Как он вон из кожи лез,
Чтоб добыть значенье, вес.

Как бы был великолепен
Нуль, когда б возвёлся в степень!
...Перебрал тьму степеней –
Ни солидней, ни умней.

Вот однажды он придумал:
К Числам множиться пойду, мол.
К одному, к другому ли...
– Нет, не множатся нули!

На все просьбы и намёки
– Лишь насмешки да упрёки:
– Как нам множиться с тобой?
Толку нет – ведь ты пустой!

Нуль расстроился, смутился
И за голову б схватился,
Только у нулей, увы,
Не бывает головы.

И к кому бы обратиться,
Чтоб бедою поделиться?
Он и очень бы хотел,
Да делиться не умел.

Просит он Знак Радикала:
– Корень зла, во что б ни стало,
Отыщи мне, наконец,
Ты ж в корнях великий спец.

Но и тот ответил в злобе:
– Нет в твоей пустой утробе
Ни квадратов, ни кубов.
Не мешай мне. Будь здоров!

Видит Нуль: Стоит на строчке
Икс, любитель заморочки
В тёмной шляпе и в очках.
Видом он наводит страх,

А раскусишь – славный малый!
Нуль – к нему: Земляк, пожалуй –
Я вот тут в проблему влез:
Где мне взять солидность, вес?

Ты же вот – величина,
Хоть не значишь ничего.
Икс на вещи смотрит шире:
– В нашем виртуальном мире
Вообще нет ничего,
Хоть полным-полно всего!

Нуль – он проще: – Нам уж где там
Обо всём судить об этом.
Если нету, значит, есть;
И не надо в дебри лезть.
Не тяни, скажи, как быть,
Где солидность раздобыть?

– Чтоб твою беду поправить,
Надо что-нибудь прибавить,
Коль мошна твоя пуста:
Там же нету ничего!
– Но... тогда же я исчезну!
В эту... Как её там... В бездну!
– Ну, так к даме подкрадись
Да за юбку ухватись.

Только так ты станешь знатным,
И солидным, и богатым:
Посмотри-ка, все Нули
Вес вот так приобрели!

– Ах! А я-то... Вот болван-то!
Простота – сестра таланта!
... И теперь его партнёрка –
Пышнотелая Восьмёрка:

Ни стара, ни молода,
Тонкой талией горда,
И вертит семейный руль
Ну, а Нуль – солидный нуль!

А ЧТО ЕСТЬ ГЛУПОСТЬ?

С глупцами не хотя себя равнять,
О глупости мы судим прихотливо.
Но что есть глупость? – Надо же узнать,
И какова её альтернатива?

Научный мир набил на этом зуб.
Из самонаблюдений вытекает,
Что глуп не тот глупец, кто просто глуп,
А тот, кто глуп, но этого не знает.

Нет, род людской умом не оскудел,
Но каждый может убедиться лично:
Есть у ума у всякого предел,
Как у всего. Но глупость – безгранична!

Мысль не нова, не мной открыта, нет,
Ей сотни лет, давно она открыта.
Но для того востребован поэт,
Чтоб не совсем была она забыта.

Народ всегда был с мудростью на – ты,
Он тоже кое-что соображает:
– «И мудрецам довольно простоты»
И мудрецы, конечно, это знают.

Ты сам к такому выводу придёшь,
Если тебе по случаю придётся,
И мудреца глупцом ты назовёшь,
Тот лишь кивнёт и грустно улыбнётся.

Не потому ль мы видим столько зла,
Что нас нельзя от глупости избавить?
И ум-то нужен нам, чтобы исправить
Ошибки те, что глупость создала!

Ум – тугодум. А глупость совершенна;
Её сомненья не устерегут.
Проблемы создаёт она мгновенно,
А для ума решать их – долгий труд!

Всё так. Но вот ответа не хватает:
Так что такое глупость-то сама?
Наверно, это всё же кто-то знает...
А может, глупость – это мать ума?

ЖАЛКО КУЗЮ

На небесах ютится
Богов большая рать!
Кому из них молиться,
А кем пренебрегать?

Сомненьям нашим внемля
В реальность высших сил,
Спустился Бог на землю
И паспорт предъявил!

Узнали мы о диве,
Спросили, кто таков.
– Бог Кузя. А по «ксиве» –
Господь, Андрей Попов.

Ну, все, конечно, рады!
Народ к нему потёк:
Тут и попов не надо,
Вот, всем доступный Бог!

Ведь что такое счастье?
– Да в том оно и есть,
Чтоб с Богом пообщаться,
Блаженность приобрести...

А как огромна радость
Услышать Божий глас!
И этакая благодать
Переполняет нас.

Не в небеса пустые,

Священников обман,
А все дары святые
Теперь – ему в карман.

А Кузя – бог хороший,
Не любит суету.
Брал за услуги гроши
И всем дарил мечту.

Кто приходил с грехами,
Отечески ругал,
И нас ни чудесами,
Ни громом не пугал.

И – никаких иллюзий.
Пришёл – увидел: – Вот
Наш Бог, реальный Кузя.
По адресу живёт!

Хорош ли Кузя, плох ли,
А человек таков:
Забраковал он сотни
Прекраснейших богов.

Забыли про смирение,
Греха не береглись,
И на богов гоненья,
Устраивать взялись.

Заметив в Кузе тучность,
Безбожник, гадкий клерк,
Божественную сущность
Сомнению подверг!

И что-то в этом мире
Опять пошло не так:
ОМОН в святой квартире
Наручниками – бряк!

А если божий жребий
У всех будет таков?
– Не станет и на небе
Порядочных богов!

ПОДАРИЛ ТЕ-
БЕ ИМЯ
СОЛЁНЫЙ
РОДНИК

СТОИТ УСОЛЬЕ ВОЗЛЕ РОДНИКА

Тяжёлая солёная водичка, –
(Вода, известно, дырочку найдёт!), –
Наверх, на островок, смогла пробиться,
Минуя ширь и глубь ангарских вод.

Как бы нарочно, прямо в руки людям:
– На вот, возьми меня, я – соль земли! –
И встал посёлок рядом с этим чудом,
Тот самый, что Усольем нарекли.

Меняют нынче городам названья,
Чтоб улаживать правителей кураж;
Но не грозит переименованье
Тебе, Усолье, скромный город наш.

И есть такое племя – усольчане.
От древних лет, от варничных печей
Нам это благозвучное названье
Навечно дал солёный тот ручей.

Довольством усольчанин не изнежен:
И хлеб, и соль добыть – нелёгкий труд!
Упрям в делах, в потребностях воздержан,
На людях прост, с начальством прям и крут.

За то и в кандалах он красовался,
Но в стылых лагерях остался жив.
На нём в боях последний шанс держался,
Их, вот таких, бросали на прорыв.

Он славными наградами не беден,
Да наряжаться в них он не привык.
В Париж он едет на велосипеде,
В кроссовках лезет на Мунку-Сардык...

Ему во грех валяться на диване,
Милей ему костёр да лунный серп.
А как на ринге бьётся усольчанин!
Боксёрскую перчатку нам бы в герб!

Приди к ручью, в годах ты или молод,
К хранилищу истории своей:
Сегодня наш похорошевший город
Очередной справляет юбилей.

Здесь первые забиты были колья,
Здесь дан нам старт на долгие века!
Нет, не родник журчит возле Усолья, —
Стоит Усолье возле родника!

СТАТУЭТКА

Пятьсот веков укрывала глина,
Покуда ты не пришёл к реке,
Ту статуэтку из серпентина,
Что оказалась в твоей руке.

Тебе, тебе, молодой учитель,
Тому, кто первым осмыслить смог,
Послал веков отдалённых житель
Самой Истории тихий вздох!

И ты волнуешься каждой клеткой,
И поражён с головы до ног:
Она расскажет ли, статуэтка,
Чей женский образ ладонь обжёт?

Зачем искусно обточен камень,
Когда их, женщин, живых не счесть?
Кто за пятьюдесятью веками
Ей оказал вот такую честь?

Жилось не праздно на устье Белой,
Но древний мастер, хвала ему,
Не наконечник копейный сделал,
А – женский образ. Но почему?

Всё рассказала она сквозь дали,
Как не расскажут и сотни книг:
Они – любили! Они – мечтали!
Поэты были и среди них.

Крошились копыя – слабы каменя;
Но не душа ль вручена камням,
Коль пробивается вдохновенье
Сквозь бездну времени к нашим дням.

И этот образ хранило время,
И предки чтили и берегли,
Пока жило и боролось племя.
И не исчезло с лица земли.

Городок ты наш, клочок родной земли!
Про твою судьбу мы тут речь вели,
Что тебе трёхсот и не минуло,
Когда нас к тебе судьба кинула.

Нет, не сразу ты нам понравился:
Нелюдимым ты нам представился.
Только крышами видны хаты лишь –
За заборами люди прятались,
За высокими, за неровными,
За заплотами цельнобрёвными!

Нет, тогда ты нам не понравился...
Но прикрасился да приправился;
Распрощался ты с теми, старыми
Деревянными тротуарами,
Где под досками хляби хлюпали,
Гвозди ржавые пятки щупали.

В зелень улицы принаряжены –
Деревца на них нами сажены!
А душа твоя – люди местные,
Неизвестные и известные.
Сколько доброго набуровили,
Понаделали, понастроили
И с умением и навек они,
Где с китайцами, где и с «зеками».
На житьё-бытьё, на простой уют
Землякам дома душу радуют.

Но шипят-шуршат под колодиной,
Не зовут тебя малой родиной
Очернители, злопыхатели,
Сохулители, соплеватели.
Голосят – хрипят в храп и в хрип они:
Мол, занюханый, мол, задрипаный...

Не оглохли ли, не ослепли ли,
Из другого ли теста слеплены?
Что такой-сякой злобой давится –
Ну, ничто ему здесь не нравится.

Ни цветов-кустов, ни пушистых крон –
Красоты твоей не заметит он,
Не заметит, что чисты улицы,
Что не просто так дворник трудится.

Город наш красив да по-своему,
Недоприбранный, недостроенный;
Но не тесно нам, и зимой тепло,
И на улицах по ночам светло.
Фонари кругом повешены...
Так какого же ему лешего!
Всё-то злобится да кривит свой рот,
И на твой асфальт плюнет, сукин кот.

А уехать он не отважится:
На чужбине мёд горьким кажется!
Ждут ли где его, позовут ли? Но
Всё ж растаскано, всё ж раскуплено...
Образумить бы, недовольных, их:
Сколько в мире душ обездоленных!
Сколько по миру их скитается –
Ни пристроиться, ни прикаяться...
То-то горе им – нет родимых мест:
Ни клочка земли, ни родных небес...

Не любить ли нам края своего?
Объезжай весь мир – нет милей его!
Город наш родной, стал ты нам судьбой;
Мы верны тебе, мы навек с тобой.

ДУЭТ

Ирине Т.

Как часто, как легко рождалось наше пенье!
Едва сойдёмся мы, – взлетала песня вдруг...
В ней наших голосов волшебное сплетенье
И аккомпанемент – сердец счастливых стук.
В мелодиях родных сплетались и боролись
И много – много раз и много – много лет
Твой, бархатный, второй,
 мой – первый, тонкий голос...
Был дружбой освящён наш радостный дуэт.
Но почему теперь мне петь не расхотелось,
Когда тоску и боль принёс мне твой уход?
– Не потому, что сердце к горю притерпелась,
А потому, что ты всегда поёшь со мной!

ЖЕНЩИНЕ «ХИМПРОМА»

В эпоху всесоюзного погрома,
Уже совсем не веря в чудеса,
В руинах оскорблённого «Химпрома»
Друзей своих я слышу голоса.

Ни шума здесь, ни грохота, ни гуда –
Лишь человеком созданный хаос,
И – никого. Но происходит чудо:
Здесь – голоса, знакомые до слёз!

Они плывут оттуда, из развалин,
И даже в лицах, долгой чередой.
И каждый узнаваем, уникален,
И почему-то бодрый, молодой.

И тут же неожиданно – знакомо,
Средь них, по-женски звонок и высок,
Звучит твой голос, женщина «Химпрома»,
Твой милый и душевный голосок.

В противогазном жутком наголовье...
Тобой ли эта выбрана стезя –
За «вредный стаж» продать своё здоровье,
Которое купить нигде нельзя?

Ты в робе, с «рогачом» из арматуры,
Крутя-вертя задвижки-вентилей,
Не потеряла женственной природы,
Тяжёлый труд с мужчинами деля,

...Усталый шаг, наряд не для показа –
Идёте вы домой от проходной...
Как все милы вы без противогаза!
А некрасивых – вовсе ни одной

Другое время. Телевизор дома
Показывает ножки и пупки...
Вы были лучше, женщины «Химпрома»,
А вы душою были высоки!

А жаль, что не родился я поэтом –
Технарь... Да и сумеет ли поэт
С таким глубоким справиться сюжетом –
Воспеть её, создать её портрет?

Вот если бы, – предел моих фантазий, –
Сумел художник, проявил бы прыть,
В «суконке», в сапогах, в противогазе
Прекрасный образ публике открыть!

ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ

Я тоже помню чудное мгновенье!
Сидел я в вестибюле учреждения
Один, под взглядом бдительных очей
С портретов двух державных Ильичей.

Здесь, в тишине, без сбоев, без запинки
Чуть слышен был лишь стрёкот пишмашинки.
Когда уж задремать я был готов,
Раздался чёткий цокот каблучков...

И – вот оно, то самое мгновенье!
В ней было всё красотой, без исключения:
Походка, стан, посадка головы...
Слова перед её красотой мертвы!

Прошла ли, проплыла ль она? Казалось,
Её нога и пола не касалась.
Спокойно, чинно, взгляда не клоня
На посторонних, то есть на меня.

И – что ей я, мужчина лет за сорок,
Кому не в новость женских платьев шорох,
Простой поклонник женской красоты,
В особенности, ежели черты
Естественные, без «макакияжа».
Себя не переделаешь; судьба же...

Она прошла... И я услышал смех!
Или я рот разинул, как на грех,
Иль чем ещё привлёк её вниманье...
Она прошла, а я сижу в гаданье.

Конечно же, я был тогда смешон.
Ах, этот смех! Как будто лёгкий звон...
И зал пустой ей отозвался эхом,
Наполнился на миг счастливым смехом,
Каким чарует женщина, когда
Она стройна, красива, молода.

И СТАНОВИЛИСЬ У ДОСКИ...

Для них, как трубы боевые,
Звучали школьные звонки;
Они входили, молодые,
И становились у доски.

И поколенья создавали,
Держа ответ перед страной;
Путёвки людям в жизнь давали
И – покрывались сединой,

И уходили просто, скромно,
Как только преданным дано,
Те, чьё значение огромно,
Да только не оценено.

Они, с кем мы тянули лямку,
Приходят, память вороша.
И в фото траурную рамку
Признать противится душа.

ГИМН ПРОФЕССИИ

Профессий много очень,
Для каждой – свой талант;
А я – простой рабочий,
Я – просто лаборант.

Я в космос не летала,
Не строила плотин,
Ни яхт я не видала,
Ни белых бригантин.

Но только днём и ночью,
Когда Усолье спит,
Мы с армией рабочих
Стране даём карбид.

Карбид – для новостроек,
И для плотин – карбид,
Для тех, кто землю роет
И в космосе летит

Слова мои простые,
Да сказаны не вдруг:
Карбид страна Россия
Берёт и этих рук!

И я горжусь, не скрою:
Карбид – ведь он один
И для великих строек
И – белых бригантин.

УСОЛЬСКОМУ ТРАМВАЮ

Про усольский трамвай скажем доброе слово
В исторический день, к юбилею его;
Ведь для всякого города транспорт – основа
Суебливость обретшего мира сего.

Он, усольский трамвай, не такой, как другие:
Вся судьба его рядышком с нашей судьбой;
И ему нипочём передряги любые.
Он надёжен, как друг, в стужу, в бури и в зной.

А с чего начиналось? – Немногие помнят,
Как сдвигались дворы для трамвайных путей,
Да ещё сохранил где-то снимок альбомный
Хвост за полным трамваем бегущих людей...

Было всё. И горели, не шли против ветра,
Буксовали в снегу и боялись дождей...
Кто-то там говорит: – «Старомоден, мол, ретро..»,
Но усольский трамвай – гордость наших людей!

Пусть для жмотства душа не оставит лазейки;
Тем, кто всё это сделал – наш низкий поклон.
Не дрожи ты, рука, отдавая копейки,
Когда входим в уютный и тёплый вагон!

Как идёт он по улицам! С гордой осанкой,
Не спешит и не медлит, – свой график блюдёт,
С королевой путей, коренной усольчанкой,
Что рулит без руля. Заходи – и вперёд!

ГОД СОБАКИ

А мы-то думали, в Усолье
Уже прошёл собачий год;
Какое было им приволье!
Каким богатым был приплод!

Но год прошёл. И не иначе,
Что человеческий будет год?
– Ан нет. Глядим – опять собачий!
Ну, не везёт – так не везёт.

Намедни в «Городской газете»
Земляк заметку написал,
Мол, от собак страдают дети,
Мол, пёс старушку покусал...

Естественно, старушку жалко...
А может, и наоборот:
А пусть не шляется без палки –
В Усолье всё-таки живёт!

Собака – друг. Оно, конечно,
Не то, чтобы наоборот.
Но друг, однако, не сердечный:
Не икры, так штаны порвёт.

Но это мелочи. Тем паче,
Что рюмки наши не пусты.
И человечьи, и собачьи
Пускай исполнятся мечты!

Так что надейтесь на удачу.
И запасайте впрок штаны...
А год, – овечий ли, свинячий, –
Да лишь бы не было войны!

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Скоро будет Новый год
В нашем детском саде;
Приходите в хоровод,
Тётенки и дяди!

Очень будем мы жалеть,
Если не придёте.
Как без вас мы будем петь,
Дяденьки и тёти?

Коль подарочки сейчас
Вы нам принесёте,
Угощать мы будем вас,
Дяденьки и тёти.

Мы нарядными придём,
Ёлочку нарядим.
С Новым Годом все кругом,
Тётенки и дяди!

ПОЙДЁМ, СНЕГУРОЧКА!

А Новый год уже сегодня,
В умах, открытках и речах,
И в пожеланьях новогодних,
И в блеске праздничном в очах.

А ёлка огоньками дразнит,
Вы и её уже зажгли!
Да вот, боюсь, что зря на праздник
Мы со Снегурочкой пришли.

Я, видно, вам неинтересен
Вот так вот просто, без мешка.
Вы не споёте деду песен?
И не расскажете стишка?

Расстроен мальчик: – Вот так штука –
Пришли вы к нам, а где мешок?
Так значит, нету ноутбука?
Выходит – зря учил стишок?!

И всё-то должен вам достать я
Волшебной силою своей:
Кому-то скейт, кому-то платье,
Кому-то миллион рублей...

Мне грустно в этой свистопляске,
Никто из вас не пожелал
Красивой новогодней сказки,
Где с вами прежде я бывал.

Я вижу, всех вас сбили с толку:
Зачем понадобилось вдруг,
Чтоб пёс сидел под каждой ёлкой,
Где в прошлый год сидел петух?

Зачем зверинец этот дикий,
Кой чёрт на праздник их принёс?
Тут были человечьи лики:
Снегурочка и Дед Мороз!

И в детских головёнках хаос –
На чуждый лад им правят ум:
Не так уж свят ваш Санта Клаус,
Да и по-русски ни бум-бум.

А вместо праздников весёлых
Вокруг за «кастинги» взялись:
Ведут на сцены полуголых
Детей под кличкой «мистер», «мисс»...

И с языком-то просто страсти:
Чтобы поздравить мать свою,
Дитя вместо «желаю счастья»
Гундосит: «хэппи, мэ, ту ю»!

Тут скоро будет «старый новый»,
Потом китайский новый год...
Поесть-попить всегда готовый
Безделье празднует народ.

А я соскучился о лесе,
Скучаешь, видится, и ты
Здесь не услышишь добрых песен,
Тут «синглы», «шлягеры», «хиты»...

Пойдём, Снегурочка, однако,
У нас-то новый год – один
А тут вон следом за собакой
Святой какой-то Валентин...

Вон – два вагона «валентинок»
Уже к разгрузке подадут.
Теперь и тут диктует рынок,
А нам с тобой не место тут!

УСОЛЬЕ – ГОРОД СПОРТА

Весь мир об этом знает,
И город этим горд:
В Усолье процветает
Разносторонний спорт.

Боксёры и самбисты,
Вершители побед,
И велосипедисты,
Которым равных нет.

А если усольчанин
Выходит на лыжню,
Так уж пожми плечами:
Мол, нет, не догоню!

Мы всех их знаем, любим,
И честь их высока.
Они такие люди –
Портрет сибиряка!

Трудяги, юмористы,
Бродяги с юных лет,
Усольские туристы –
И где их только нет!

Хоть на Шумак подайся,
Хоть на Мунку залезь –
Смотри и удивляйся:
А он уже и здесь!

... Знакомые ребятки,
Ещё не взрослый шаг.
Через плечо – перчатки;
Они – не просто так,

Не из простой бравады
Да вовсе не спроста:
У них уже награды
За первые места!

Они не гробят время
Компьютерной игрой.
А как их хвалит тренер,
Когда готовит в бой!

Не порть мальчишку, мама,
Держа его у ног,
Иначе будет драма:
Кем вырастет сынок?

Зачахнет у дисплея,
А жизнь – не по плечу:
...Не знаю... Не умею...
Робею... Не хочу...

Растите, ребяташки,
Держите курс на спорт.
И, что бы там ни вышло,
Не падайте за борт!

И пусть вам будет трудно,
Но уж наверняка
Из вас и выйдут люди –
Портрет сибиряка.

Как дедушки когда-то,
Не будете ль и вы
Врагов да супостатов
Гонять из-под Москвы?

ОГНИ

Автобус въехал не виадук –
И вот – Усолъе! Огни вокруг...
Ещё не поздно; во всех подряд
Пятиэтажках огни горят.

Бегут машины – река огней:
Здесь автострада. Светло на ней!
Вот – Комсомольский. Светло и тут.
На нём плафонов уже не бьют.

Вон Привокзальный. Там любят спорт –
Огнями залит хоккейный корт.
Над стадионом (ещё с утра!)
Горят на мачтах прожектора.

Правее – рынок. Наверно, в нём
Идёт уборка. Светло, как днём!
...Вечерний город. Огни, огни...
Как будто грея, горят они,

Приветно светят, зовя, маня...
И только Вечного нет Огня
У Обелиска. Опять погас.
Священна память, да дорог газ.

УСОЛЬЕ – ПАРИЖ

Хочу сюжет поведать,
(А он довольно свеж),
Как на велосипеде
Друг ездил за рубеж.

Проехать по Европам! –
Заранее он горд;
Но – груз тяжёл. Да что там –
Пусть будет спорт, так спорт.

Поставил на колёса
Сундук свой, и – айда!
Пронесётся покосы,
Селенья, города.

Европа ближе, ближе...
Вот и она. Привет!
Притормознул в Париже.
Привал, ночлег, обед.

По логике всегдашней, –
Как бы не пропустить, –
Он Эйфелеву башню
Обязан посетить.

Не медля, но без спешки
(Горжусь я земляком)
Свою велотележку
Оставил с сундуком,

Залез, спустился. Башня,
Да только и всего...
А тут, внизу, всем страшно,
И смотрят на него!

Всю площадь оцепила
Полиция кругом
И в мегафон вопила
Французским языком.

А он: – Чего орёте?
И ногу – на сундук, –
Я терроризма против,
Я – ваш сибирский друг;

Сапёров уберите
И прочий антураж:
Здесь русского туриста
Содержится багаж!

Ну, вот и вся потеха.
А груз-то был не мал!
До Лондона б доехал,
Да колесо сломал.

Не то б, по белу свету
Он вёз бы, да и вёз,
Да жаль – в Европе нету
Нигде таких колёс.

САНТЕХНИК-САН

Усолье. Ноябрь. Гололедица.
Весной даже пахнет чуть-чуть.
Сантехник на улице Энгельса
Присел на байпас отдохнуть.

Видать по всему – хорошо ему.
Уютно на тёплой трубе.
Он – думает. Мыслит по-своему
Он роль свою в нашей судьбе.

Не держатся здесь слабонервные:
Как снежный несущийся ком,
Просчёты «верхов» инженерные,
Как в фокусе, сходятся в нём.

В аду вы его не видали ли,
Во мраке, в струе кипятка?
Бывали ли в этом подвале вы?
Но мы не об этом пока...

А служба его – санитарная:
Отчистит, отмочит, спасёт
Простое искусство слесарное
От всех, что есть в нас, нечистот.

Здоровье – забота извечная;
Оно гигиеной живо!
И все мы – его подопечные,
Надеемся лишь на него.

И с чистыми лицами, попками,
На каждом опрятный наряд,
Идём, в одиночку ли, толпами,
Он слышит: о нём говорят!

Он чувствует: труд его ценится,
Приятен ему наш привет.
Сантехник на улице Энгельса.
А Фридрих... А Фридриха нет!

Синеву с небес слизнули,
Налетевши, облака.
Ели лапы отряхнули –
Жаль: красиво было как!
Их обидел шалый ветер –
Налетел – был таков...
Кинь, зима, им шубы эти
Из пушистых облаков!

СВИРИСТЕЛИ

Прилетают свиристели
К нам из дальних северов:
Там – морозы, там – метели,
А наш край не так суров.

Свиристелей появление –
Праздник в городе моём:
Им – почёт, им – угощение,
Им – торжественный приём!

Прилетели... Прилетели,
Засвистали всей гурьбой!
Музыканты – свиристели
Носят дудочки с собой.

– Ах, какие расписные!
– Ах, какие голоса!
– Люди делают смешные,
Удивлённые глаза.

Только дед Василий знает,
А уж он не скажет зря,
Что никто здесь не сыграет
В дудку лучше снегиря!

Дед не против свиристелей,
А ворчит лишь иногда:
– Налетели... Тучей сели...
Оборвут же провода!

УЛЫБКА

В зал ожидания вошла
С ребёнком мать, почти девчонка,
И всё вниманье собрала
И на себя, и на ребёнка.

Уверенно и не спеша,
Как будто век с детьми водилась,
Распеленала малыша,
Достала грудь, над ним склонилась...

А нам досталась роль зевак;
И каждый, кто был с ними рядом,
Скользнул, ну. будто просто так,
По ней с ребёнком быстрым взглядом.

И, накормив ребёнка, мать
Его на лавку положила,
А, когда он стал засыпать,
Платком цветастеньким укрыла.

И тут во сне у малыша
В улыбке губы растяну–у-лись!
– И все мы, как одна душа,
Переглянулись, улыбнулись!

МАХНИ ЕМУ РУКОЙ

Железная дорога –
Порядка образец:
Здесь – чётко, жёстко, строго,
Сурово, наконец!

Не сам состав помчится –
Великий нужен труд:
Сюда-то и трудиться
Не всякого берут.

Из всех дорог дорога,
Кормилица страны!
Она должна нам много,
А мы ей – все должны.

И в зной, в мороз, в метели,
Как сотни лет назад,
Рабочие артели
Для нас её хранят.

Трудом их хлеб и сладок.
Тут хлюпиков нема,
И создан здесь порядок
Из воли и ума.

Такими существами
Устроен этот лад.
Бессонными глазами
Диспетчеры следят.

Пусть кажется кому-то
Нетрудным их удел,
Но каждая минута
Для них – десяток дел!

У них составы мчатся,
И важно им одно:
Здесь не должно случаться,
Чего быть не должно.

А горизонты мглисты,
В них впору утонуть...
Чарует машиниста
Бегущий в точку путь;

Ему ж запретно даже
Ослабить взгляд вперёд;
На нём такая тяжесть,
Как будто сам везёт!

Ему неплохо платят,
С нуждой он незнаком,
Его детишкам хватит
На булку с молоком;

И, значит, в сердце чисто
И на душе покой...
Увидишь машиниста –
Махни ему рукой!

«МУ»

Отдыхал на лавке Вова.
Мимо Вовы шла корова.
Подошла она к нему
И ему сказала: – Му!

И спросил у мамы Вова:
– Почему мычит корова?
Почему она мычит,
А не лает, не ворчит,
Не мяукает, не блеет...
Может, просто не умеет?

Улыбнулась мама сыну:
– Ей мяукать не по чину;
Так её учила мать –
По-коровьему мычать.

И она язык свой знает:
Не мяукает, не лает,
Не гогочет, не ворчит,
И не хрюкает. Мычит.

– А вот папа всё умеет:
Кукарекает и блеет,
Лает, воет и ворчит
И по-львиному рычит!

Папа может даже хрюкать,
Куковать, мычать, мяукать,
И мурлыкать, и квохтать,
Ворковать и гоготать!

А щенок – он умный тоже,
Но мяукать он не может,
Не гогочет, не мычит...
Только лает и ворчит.

Он у нас несчастный самый,
Потому, что он без мамы!
Я помочь ему хочу:
Кукарекать научу!

ВЕСНА В УСОЛЬЕ

Настанет весна. Разомлеют помойки,
И вонь разнесётся, куда ей не лень.
Разъедутся все... На крыльце, возле стойки,
Отброшу я длинную, грустную тень.

Конечно, стихи о весне и помойках
Идейно отстали и просто плохи:
Полезней, когда о героях и стройках
Поэты гуртом выпекают стихи.
О, если б вы знали, поэты, как стоек
Удушливый запах усольских помоек!

ВАЛЬС ВЕСНЫ

В окно лучами солнце брызнуло;
Час ранний, а оно встаёт.
Вдохнула муха силы жизненной,
Пустилась в первый свой полёт!

В своей весёлой безгреховности
В честь окончания весны
Она танцует в нашей комнате,
Обыкновенная, как мы.

Она танцует. Па – особые:
То вверх, то вниз, вперёд – назад...
У мухи добрые, весёлые
И ошалелые глаза!

Весна! Теперь ли ей кручиниться?
Поёт, счастливая, поёт!
Ну, как рука твоя поднимется
Преступно ей прервать полёт?

Не трожь её. Уйди с хлопущою;
Ну, кто другой, как не она
Сегодня станет нам подружкой
И ранней гостьей? Ведь весна!

Она же тоже против нудности,
И оживляет нам жильё.
Пусть нам с тобою хватит мудрости,
Чтоб поучиться у неё.

Оставь хлопушку. Мы ж не старые,
Пока душа без седины...
Давай с тобой красивой парюю
Станцуем тоже. Вальс Весны!

КЛЕЩ

Вот ползёт по шее клещ –
Нужная в натуре вещь!
Клещ природу охраняет,
Он туристов разгоняет;
Не пугает, не грозит,
Терпит кличку «паразит»;
Лёгок, брюхо не раздуто,
Не торопится как будто.
Но найдут его уста
Ваши мягкие места!

Он препятствует процессу
Пустошествия по лесу,
Полыхания костров,
Вакханалий и пиров,
Он противник стёкол, грязи,
Всяких наших безобразий.
И ему не привыкать
Молча дело исполнять.
Дурака, мол, не валяй,
Сиди дома, не гуляй!

БУРУНДУК

Одно из высших летних благ:
Шуршит по тропке бодрый шаг;
Турист счастливый, безмятежный
Свой держит путь вдоль речки Снежной.

Он тут – бывалый индивид;
Ничто его не удивит,
Никто его не напугает:
Здесь наизусть места он знает.

К реке свернул. И не спроста:
Здесь рыболовные места.
Сейчас он попытает счастья
При помощи нехитрой снасти...

Чу! Краем глаза он глядит...
Как будто кто за ним следит!
Насторожился малый малость...
– Нет, ничего. Знать, показалось.

Вот шевельнулся кустик вдруг...
Ба! Это шкодник-бурундук!
Вот любопытное создание –
Весь обращён он во вниманье:

Загадкой новой увлечён,
Над быстринной клонился он
На тонкой ветке. Шею тянет...
Ах, как его пытливость манит!

К воде склонилась ветка низко;
Раскрыть тайны стоит риска,
Уж очень надо знать зверьку:
Зачем мы ходим на реку?

Пришлось туристу удивиться –
Такое видеть – с кем случится!
Рыбалка – что? – Простой досуг,
Каков, однако ж, бурундук!

ТРОПА

Что за чудо – тропа!
Она общим трудом создаётся
И людей, и зверей –
Благодатным и долгим трудом.
Сколько мудрости в ней –
Это только тогда познаётся,
Как полюбишь её,
Станешь ей добровольным рабом.

Жизнь у разных людей,
Поглядишь, одинакова вроде:
Там, где легче прожить,
Индивид образует толпу;

И не сразу поймёшь,
Для чего ты по жизни пригоден,
Когда смолоду ты
Сам себе выбираешь тропу.

Нам непросто порой,
Нас берут обстоятельства в клещи.
Нам защитой стали
Дороги, машины, дома...
Но сначала – тропа,
А потом уже прочие вещи,
Для которых не надо
Вот столько труда и ума!

Злого духа Харги
Не расстраивай, будь он неладен;
Не ходи без тропы:
Приключений – с гарантией, но
Потеряешь её –
Наберёшься и шишек, и ссадин,
А остаться в живых –
Тут гарантий тебе не дано!

Не ходи без тропы,
По тайге не ходи и по жизни.
Только о - очень давно
Наши предки ломились без троп.
И на шею твоей
Груз дурацких хлопот не повиснет,
Если ты – на тропе,
Сумме давних ошибок и проб.

ОСЕНЬ

Если кто-то спросит,
Что такое осень,
На вопрос ответить
Смогут даже дети:

– Осень – время года,
Когда вся природа,
И с людьми, при этом,
Расстаётся с летом

Мы её попросим:
– Золотая Осень,
Будь добрее с нами,
Не мочи дождями,

Не мочи дождями,
Не морозь ночами,
Не морозь ночами,
Не студи ветрами.

Что ответишь, Осень,
Если мы попросим?
Ты ведь станешь мчаться,
Чтоб с Зимой встречаться...

Не спеши так, Осень,
Ты красива очень;
Пусть теплом согрето
Будет Бабье Лето!

ЗИМОВЕЙКА

Виктору Григорьеву

Тут от электрички – всего два часа.
Тропа нескучна и красива.
Над дальним хребтом облаков паруса
Плывут себе неторопливо.

Вот тут, у ручья, подымим костерком,
Присядем на камешки с краю,
Журчащий хрусталь зачерпнём котелком
Да выпьем по кружечке чаю.

В финале останется сорок минут
На спуск по тропиночной змейке,
И кончится путь. Остановимся тут,
У старой, кривой зимовейки.

Прошедшее время оставило след,
Осанку зимовья скривило;
Здесь столько скитальцев за множество лет
Отраду душе находило!

Залатаны щели стараньем их рук:
Заплатки, затычки, дощечки...
И в вечном покое, – их несколько штук
В траве, – прогоревшие печки.

Дохнёт нежилым заскрипевшая дверь
Чуть выше пупка высотой.
И сырость, и гнус нипочём нам теперь
Под крышей, пусть даже худою.

А старая печка прогонит в трубу
И сырость, и нашу усталость.
Мы выпьем семь капель за нашу судьбу,
За то, что нам в долю досталось.

Нам в долю досталось с асфальта сойти
На эти манящие тропы,
Пока ещё можно в пути ощутить
Тайги умирающей шёпот.

Пока человек её жизнь не унёс,
Придя к ней с боями без правил,
Пока ещё там, где последний затёс,
Трелёвочник след не оставил.

... Горящая печка. На печке чаёк.
Открытая дверь: жарковато!
Спасибо тому, кто поставил жильё
Кому-то, зачем-то... Когда-то.

ПОМНИМ, СКОРБИМ

Пришелец бескрайних казахских степей,
Я был очарован тобою,
Великою мудростью сути своей,
Твоей вековой красотой.

Назвал тебя кто-то «угрюмой» тайгой,
Дурацкое, глупое слово!
Для тех, кто связал свои судьбы с тобой,
Добра ты, тайга, не сурова.

Ты каждому дереву, пташке, зверьку
Заботу дарила, опеку.
А сколько ты на человеческом веку
Добра принесла человеку!

Щедротам твоим не придумать числа!
И жили-то люди тайгойю:
Кормила и грела, здоровье несла
И радость – своей красотой!

Мы строго, мы свято тебя берегли,
Законы твои соблюдая,
Но жадные, злые, чужие пришли,
Пора наступила лихая!

Взревев, прикатили тебя «покорять»
Как есть, лошадиные силы –
И чёрные пни здесь остались стоять,
Надгробья как будто, могилы.

Содрав всё живое до самой скалы,
Ушли «покорители» в дали,
А те, кто тогда ещё были малы,
Тайги отродясь не видали.

А нету тайги – так о чём и грустить?
В их памяти – место пустое.
А нам никогда не изжить, не избыть
Былое, с тобой прожитое.

А память тревожит, обидою жжёт;
Уймётся обида едва ли.
А память зачем-то хранит, бережёт
Всё то, что забрали, украли.

Перин из упругого мха теплоту
И щедрость кедровых увалов,
И резвых зверюшек, и птиц суету,
И звонкие трубы маралов...

Кто вместе со мною помянет тебя,
Добычу китаев, японий,
Пусть каплю, не чокаясь сронит, скорбя,
На землю московских колоний.

МЫ ЭТО ПРОХОДИЛИ

Я голосую против всех.
Горька моя судьбина:
Опять в Кремле сидит Генсек
И Партия едина.

А во дворе расцвёл бандит,
А во дворце – чиновник.
А стою в плену обид,
Всех бед своих виновник.

Народ и Партия опять
Как шея с чирьем, слиты.
Россией рвутся управлять
Хапуги и бандиты.

Пусть в этом списке, может быть,
Не каждый – уголовник,
Но мне об этом не судить,
А верить мне грешно в них.

Ведь снова «власти вертикаль»
Через страну протянут,
И всё, что есть, – а им не жаль, –
За рубежи потянут,

Всё для чиновничьих утех –
Мы это проходили...
Я голосую против всех,
Хоть это запретили.

А. Ф. Краснику

У него, у хирурга, инструментов немало;
Ими он, если надо, жизнь от смерти отделит.
То ль судьба, то ли сердце ему приказало –
Исцеляет! И нет благороднее цели.

У него есть часы. Только разве он знает,
Что покажут они, когда маску он снимет...
Лишь усталые ноги ему намекают,
Как намного к утру время стрелки подвинет.

У него, у хирурга, ручка есть и бумаги,
Много есть у него всякой там писанины;
Но, бывает, тайком наберётся отваги,
И тетрадный листок вырвет из середины –

И теперь он – поэт! Он напишет о чуде,
Тайне этих ночей, волшебстве этих хлопот,
И что вновь ему аплодисментов не будет,
Что в палате пустой просто некому хлопотать.

УРОК НЕ ВПРОК

Уж сколько раз твердили миру,
Что водка – яд, а пьянство – срам,
Но был не чужд хмельному пиру
И сам мудрейший перс Хайям,

И даже целые народы,
Пуская пузыри в вине,
Провозглашали Вакху оды,
Смолкая лишь на самом дне.

Века идут – мы не умнеем:
Из века в век, из рода в род
Льём яд в стакан! Зелёным Змеем
Не зря назвал его народ.

И чем нам оправдаться? – Нечем!
Урок не впрок. Удел наш – вновь
Вгонять себе отраву в печень,
Гонять по венам псевдокровь.

Выходит, предков мы глупее,
Коль их пример не учит нас;
И мы нет-нет, да и затеем
Со смертью глупый перепляс.
(Кому пишу? Вряд ли сумеет
Потомок стать умнее нас)

Сыграть в рулетку Змий заманит,
Кто заиграется – падёт.
Заплачешь – он жалеть не станет,
Характер у него не тот.

И для кого слеза прольётся? –
От диких предков нам дано:
Едва один лишь поскользнётся,
Как всем становится смешно...

КОШМАР

Ну, вот и день, как говорится, прожит,
И сон здоров, спокоен и глубок;
И всё ж какой-то звук меня тревожит..
Как будто слабый детский голосок.

Он, вроде, плачет? – Да, ребёнок плачет!
Да жалостливо, просто душу – в хлам!
Ну, что ж, мужик, вставай! Раз плачет, значит,
Что нет при нём, несчастном, пап и мам.

Какой ребёнок? Чей?! Я шарю взглядом
И тьму тревожно слушаю... И вот –
Нашлась причина: Спит супруга рядом
И – носом этак звуки издаёт!

Неслись эшелоны на запад;
Сжимая оружие в руках,
Скрипели зубами солдаты,
И скрип этот чувствовал враг!

И с яростью мощной отброшен,
Угроблен в российских лесах,
В горах и полях уokoшен
«Хозяином Родины» враг.

Вовек не восстать, не проснуться
Всем тем, кто с мечами пришли,
Чтоб жадной рукой прикоснуться
К богатствам родимой земли.

Отчизна, наследие дедов,
Омытая кровью земля
Под крики «Ура!» и «Победа!»
Досталась дельцам из Кремля.

И снова наш враг, – вот что странно! –
Ведь, кажется, он уже сгнил, –
Поднялся из-за океана
И долларом их поманил.

...Бегут эшелоны утрами,
Ночами и днями бегут.
Смотри и грусти, россиянин,
– Твой лес из-под носа крадут!

Обидно тебе и тоскливо,
Щекочет, наверно, в носу...
Не быть тебе больше счастливым
В красивом, цветущем лесу!

Здесь станет срамно и погано,
Пейзаж водрузится иной:
Над пнями – поля из бурьяна;
Их выжгут пожары весной.

И снова весна возвратится –
И всё здесь пожары сметут.
Ни зверь никакой и ни птица
Приюта себе не найдут.

... Уложен и плотно, и ровно,
В линейных, в «кубах» и на вес
С названием «лес», а не «брёвна»
В Китай отправляется лес.

Вот в волнах смолистого духа
Проплыл эшелон и исчез.
Грусти, россиянин, и нюхай,
Как здорово пахнул твой лес!

И нет твоего интереса,
Ничто не восполнит потерь.
Китаец. Плакат: ВАСА ЛЕСА –
НЕ ВАСА БОГАСТВА ТЕПЕРЬ!

Беднеешь, «хозяин», с годами,
За доллары землю губя!
Скрипи, не скрипи ты зубами –
Никто не услышит тебя

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Какой был день! И как нам повезло!
То дождик застилал лесные дали,
То солнце щедро тратило тепло,
И мы, едва намокнув, обсыхали...

И изо всех, что в нём остались, сил,
Цеплялся лист за ветку, с ветром споря,
А тот срывал листву и уносил,
Красиво ею лес пестря, узоря...

И – журавли. Ах, эти журавли!
Кто не замрёт, услышав крик печальный...
Они б как гуси улететь могли,
Но исполняли танец свой прощальный.

Пусть их полёта сложный переплёт
И переключку грусти журавлиной,
Быть может всяк по-своему поймёт,
А всё же у ритуала смысл единый.

Не зря, не зря поэты всей земли
Особый видят толк в надрывном плаче:
Да, с родиной прощаться журавли
Без слёз не могут, так, и не иначе.

Проходит всё. И мы с тобой в годах,
Сентябрь уходит и уносит лето...
А между тем, на листьях, на ветвях
Лучи играли в каплях-самоцветах.

Немного нас крылом задела грусть –
Очередное лето на исходе.
Какой был день! Запомним наизусть
Его таким, как сказку о природе.

ХАТА С КРАЮ

Когда-то мыслил Аристотель,
Как полисами управлять;
За это мы его не против
Политиком прекрасным звать.

Но делом грязным называем
Политику сегодня мы,
Поскольку к власти допускаем
Не столь прекрасные умы.

Вот ты – не хочешь в депутаты?
Противно совести твоей?
– И тем наделаешь вреда ты:
Придёт к правленью лиходей!

В него ты можешь тыкать пальцем:
Подлец, мздоимец, казнокрад!
А он лишь обрастает сальцем,
Твоей уступчивости рад.

А ты не жулик, не стяжатель,
Не коррупционер, не вор,
Но, получается, предатель!
А хата с краю – твой укор.

ЗАВИДУЮ ЕМУ

Ошибся перевалом;
Бывает, не беда.
Взошёл, с трудом немалым,
И вовсе не туда!

А время торопило,
А я сюда не зван.
А мне-то надо было
На Оспоин-Дабан.

До горизонта встали

Вершины. Все видны!
Видали ли вы дали
По обе стороны?!

А здесь, не меньше века,
А, может, сотни лет,
Останки человека,
Разрозненный скелет

Ничто не потревожит,
Никто не осквернит;
И я, конечно, тоже:
Пускай себе лежит.

Кому какое дело,
Зачем из прошлых лет,
Сюда залезши, тело
Оставило скелет?

Всё может быть: разлягусь
Здесь где-нибудь и я...
– Пропал в горах, – диагноз
Поставят мне друзья.

Недолгая дорога –
Уйти со света в тьму,
Но здесь! В горах! – Ей-богу,
Завидую ему!

ОСЕННЕЕ

А вот пейзаж на удивление:
Откуда здесь цветочный бал
Порой предзимнею, осеннею
Над чередою древних скал?

– Да – да, цвели здесь в пору летнюю,
Цвели, да только до поры,
И даже не цветы, – соцветия,
Ярко-лиловые шары.

Промчались дни – коротколетники,
Уплыли с ветром семена...
На мёртвых стеблях – лишь прицветники,
Так просто, видимость одна.
И – ничего, что было ранее,
Отживших, их не оживить,
Но как прекрасно их старание
Цветение изобразить!

Для фото в них полно экзотики,
А объектив не может врать:
Смотри, дивись: умеют всё-таки
Они красиво умирать!

ЗАДАНИЕ НА ДОМ

Ах, учительница!
Ты чудить начала:
Написать о любви
Нам задание дала!

Можно и о любви,
Можно даже на «пять»,
Только надо не в прозе,
В стихах написать!

Ах, учительница,
Видно, знает она:
Бедна проза, бедна,
Для любви не годна...

Значит, как ни крути,
Надо слово найти,
Чтоб из сердца рвалось,

Да чтоб в строчку пришлось
Чтобы в сердце любимого
Отозвалось...

Пишут все о любви.
Исписали тома!
А любовь о себе
Пишет песни сама,

И, конечно, в стихах,
И, конечно, на «пять».
Неужели так трудно
Ей это понять?

Ах, учительница,
Ты мне «двойку» готовь:
Написать о любви
Может только любовь!

АННЕ GERMAN

Ах, ей природа подарила
И голос, и желанье петь,
И красотой наградила,
И мужеством, чтоб боль терпеть,

И волей, чтоб с судьбой сразиться.
Да мало отпустила лет...
Какой она была певицей!
Была – и нет. Да разве – нет?

А чей же это дивный голос
Звучит сейчас, звучит во мне?
Чьё это неземное соло
Летит и тает в тишине?

Девчонку беды не щадили;
Над ней их сколько пронеслось!
Ей немкой быть не разрешили,
В России места не нашлось...

Не капризуля, не гордячка,
Она была так хороша,
Она, прекрасная полячка,
Она, российская душа!

И, как в ларце чудес небесных,
Через годов прошедших даль,
Она – и мы, она – и песня.
Ну, может быть, ещё рояль,

И никаких кордебалетов,
Прыжков, ужимок, голых ног...
А спеть, как ею было пето,
До сей поры никто не смог!

...Одно у нас предназначенье:
Родиться, жить и умереть.
Моё последнее мгновенье
Всё может в памяти стареть;

Но всё ж слышится, наверно, -
И сердце дрогнет, как всегда, -
Прекрасный голос Анны Герман,
Предвечный голос Анны Герман:
«Гори, гори, моя звезда!»

ШЕДЕВР

Кусочек голубого небосвода
Между ветвей сияет ей в глаза.
У мух сегодня лётная погода, –
Так ей её синоптик подсказал.

И время паучихе строить сети.
Пусть отгадать сумеет кто-нибудь,
Вот, как ей удастся. – кто ответит, –
Через полянку тросик протянуть?

Ей никогда летать не научиться,
И прыгать ей природой не дано.
На чём она в трёхмерном мире мчится
Из края в край? – Ответить мудрено!

Она легко находит середину,
На доли делит триста шестьдесят
И в строгой вертикали паутину
Ведёт по параллелям, к ряду ряд!

Тут не инстинкт, – соображение нужно!
И восемь глаз, и восемь чутких лап,
Чтоб эта невесомая окружность
Красивою и прочною была б.

...Стою, смотрю. От восхищенья млею:
Мир просто полон сказочных чудес!
Смотри кругом, свернуть не бойся шею,
Когда в хороший день заходишь в лес.

Твои два глаза могут не увидеть –
Её шедевр разрушишь на ходу.
Но – не горюй. Её нельзя обидеть:
Она не примет это за беду!

Она возьмётся тотчас же за дело;
Без ругани, без слёз и без обид
Сноровисто, толково и умело
Ещё красивой сеть соорудит!

...Узор вписался в свод лазурно – синий;
Не вычтешь, не добавишь ничего...
Была Арахна всё-таки богиней –
Вот отчего такое волшебство!

Колокол церковный
Прикусил язык.
По тропе неровной
Семенит мужик.
Перегаром дышит:
Выдох – мухи мрут!
А дома – повыше,
А пониже пруд.

У плетня – старушка.
– Здравствуйте, мадам!
В голове – сивушка,
А в руке – «Агдам»
У осинки – кошка.
– С добрым утром, мисс!
Пролегла дорожка
С крутояра вниз.

На суку – ворона.
– Хау ду ю ду!
... Утопили черти
Мужика в пруду.

ПРИНЦЕССА

Я не бросал стрелы в болото,
А повстречал её в лесу;
И вот, настиг её в два счёта,
Держу в ладошке навесу.

Как и достойно важной даме,
В сиянье солнечного дня
Раззолочёнными глазами
Глядит лягушка на меня.

Ведь знает, знает, что рискует,
Что человек природе враг,
Что неприятность не минует
При встрече с ним таких бедняг!

А вот – сидит, не убегает;
Уютно ей, ладонь тепла...
Она как будто понимает,
Что я не причину ей зла!

Лягушка... Экая принцесса!
Красавица, ни дать, ни взять.
Я, из простого интереса,
Хочу её поцеловать:

Вдруг чудо сказки возвратится, –
Ведь кто-то верит в чудеса, –
Она в царевну превратится,
И расцветёт её краса!

– Нет, пусть не делает никто так,
И хорошо, что нет чудес:
Ты ж лучше крашенных красоток
И этих взбалмошных принцесс!

Ты даже и без превращений
Царевной выглядишь вполне,
Хоть вместо всяких украшений –
Лишь две полоски на спине.

...Глядело солнце на опушку,
И не было других зевак.
Поцеловал я ту лягушку.
Не как принцессу. Просто так.!

НАД ЧИСТЫМ ЛИСТОМ

Хоть не очень я речист,
Но попытки ради
Чистый выдерну я лист
Из своей тетради.

Слов пока не отыскал,
И найду едва ли:
Много, многое, Байкал,
О тебе писали.

И не грубо ль влезу я
Их продолжить строки
О твоей поэзии,
Про твой стиль высокий?

И едва ли радостны
Будут мои мысли...
Прикоснуться к святости
Дерзость мне простишь ли?

Приблудясь в твои края
В двадцать шесть от роду,
В первый раз в ладони я
Брал святую воду,

Я на кручи залезал,
Твои вёрсты мерял.
- Я люблю тебя, Байкал!!
Я любил. Ты – верил.

По твоим глубинам плыл,
Ночевал в заливах...
Сколько ты мне подарил
Дней, таких счастливых!

Про бродягу напевал,
Про кафтан дырявый...
Пошевеливал ты вал,
Гордый, величавый!

И никто нам не мешал,
Было так легко нам.
И к тебе я приезжал
С радостным поклоном

Ты совсем мне близким стал
Вот теперь, с годами.
- Я люблю тебя, Байкал.
Это – между нами.

Вот спешат, дымя, треща,
Толпы граждан бодрых,
Развлечения ища,
На активный отдых!

Не к тебе лицом к лицу,
А к тебе спиною
Яркую гостиницу
«Фотают» толпою.

Им, по откровенности,
Не ты сам, не горы,
А попроще ценности
Привлекают взоры:

Лавки, столики, ларьки,
Шашлыки и пиво,
Сувениров бутики...
Празднично, красиво!

И – в обратный путь, домой,
Угостившись рыбкой,
Со счастливою такой,
Сытою улыбкой.

Там – восторженный рассказ:
– Ах, как мы мечтали
Побывать хотя бы раз
На самом Байкале!

...Да, не каждый сознаёт,
Всяк понять не может,
Что прокрустовым твоё
Оказалось ложе!

Ты, Байкал, теперь другой:
Где-то в главном главке
В мир волшебный, мудрый твой
Вносятся поправки.

На два метра высоты
Возвели запруду –
Вот и рушишь берег ты
На потребу люду.

И решили господа,
Сплошь экономисты:
Не должна твоя вода
Быть святой и чистой!

Быть заводу! Смысл таков:
Если хватит грошей,
То вода у берегов
Станет нехорошей

Получилось! День настал
Необыкновенный:
Плюнул в берег ты, Байкал,
Грязно-жёлтой пеной!

И по падям понеслась
Из трубы вонючей,
И в озёра пала грязь
С сажею липучей.

Жёстки перья, словно жесьь,
Грязным птичкам зябко!
И не смеет в воду лезть
Липкая оляпка...

Нет тревоги в голове
У «экономиста»:
Там, на Западе, в Москве
У него всё чисто.

Так что помощи себе
Тщетно не ищи ты:
Нет заступников тебе,
Нет такой защиты!

Мой остаток жизни мал;
Перед неминучей
Поклонюсь тебе, Байкал,
Если выйдет случай.

Глуховат мой голос стал,
Слышимый тебе лишь:
– Я любил тебя, Байкал!
А ты не поверишь,

Хоть моя правдива речь,
Искренно смущенье.
Я не смог тебя сберечь,
Нету мне прощенья

И пойду я как чужой,
Боль мне сердце съёжит,
Замутит очки слезой
В первый раз, быть может.

Не нашёл я нужных строк:
Как-то мрачновато...
Пусть уж будет чист листок,
Как Байкал когда-то.

ЛОПУХ

Врать – талант в какой-то мере.
Если ты к лжецам не глух,
Если ты вранью поверил –
Значит, ты и есть лопух.

Значит, на голову болен,
В легковерье уличён...
И спросил поэт Ермолин,
– А лопух-то здесь причём?

Он лекарственно полезен,
Стойкий фитоиндивид;
Он излечит от болезней,
Шевелюрой наградит...

Вот задал задачу Сталий:
Как одно с другим связать?
Тут читатели и стали
Аналогии искать.

Вера – как бы добродетель,
А враньё – не смертный грех.
Врут мужья, попы, газеты
Облапошивают всех,

Врут каналы, киноленты,
Врут всегда и врут везде;
Врут генсеки, президенты
И свидетели в суде...

Если кто, внимая чуши
(Чушь – синоним чепухи),
Широко развесил уши,
Словно листья-лопухи:

Верю, мол, всему на свете –
Нате, вешайте, прошу
Итальянские спагетти
И китайскую лапшу! –

То такая жуть нагрянет!
Он всерьёз поверит вдруг,
Будто инопланетяне
Так и шастают вокруг,

Что полмесяца, не дольше
Нам и жить осталось всем,
А тарелок в небе больше,
Чем в столовой номер семь,

И что жир в поповском брюхе
Святой, аки божий дух, –
Нет тому другой «кликухи»,
Каждый скажет: он – лопух.

Нас, таких, большая роща!
Ни срубить нас, ни скосить,
Потому что верить проще,
Чем мозгами шевелить.

Согласился бы и Сталий:
Кто-то должен же сказать:
Если б верить перестали –
Перестали б нам и врать.

Думаете, я поверил,
Что в печать возьмут меня?
Скажут: – фу, какая ересь!
И, к тому же, без вранья.

А НАМ ОН СВЯТ

А день был ярок, лучезарен;
Дремал Байкал спокоен, чист.
В истоке удил местный парень,
Сюда же путь держал турист.

Глядел турист, восторгом полный,
Как говорят. во все глаза,
На эти скалы, эти волны,
Впервые веря в чудеса.

И к рыбаку шагнул, как к другу:
– Привет! Как счастлив я! Байкал!
И протянул в приветие руку...
Не обернувшись, тот молчал.

Что ж ты? Молчишь... Как важный барин!
Я просто... Я здесь в первый раз...
– И что с того?, – промолвил парень, -
Тут шляется немало вас,

И оптом и вот так – поштучно,
Со всех краёв, со всей страны!
Вам в городах-то ваших скучно,
Вам развлечения нужны.

Несёте вред озёрам, рекам...
Вы ж, городские, дикари!
Уж раз пришёл, будь человеком,
Не порть, не гадь и не сори!

Турист рюкзак на землю сбросил,
Чуть придержав его рукой,
И так застыл в своём вопросе:
– Но... Я...?
– Что – ты? И ты такой!

Придя на берег заповедный,
Как все, – вам стыд глаза не ест, –
В кустах с бумагой туалетной,
Где чище, сделаешь присест.

Все вы одною ниткой шиты.
Ответь-ка, кстати, на вопрос:
Ты в рюкзаке своём набитом
Нам сколько мусору принёс?

И всё б вы жгли, ломали, ну, так –
«Разнообразите досуг»!
А красноярцы съели уток
У бабушки. Двенадцать штук!

Выпускники! Всем дружным классом,
С руководителем, видать...
Пусть будет тем утиным мясом
До смерти совесть их терзать!

Ещё записку написали,
Что утки слишком, мол, жирны!
Мы вас тут всяких повидали, –
И на такое вы годны...

Он задохнулся от волнения,
Но снова с дрожью продолжал:
– Вам в городах для развлечения
Устроен целый арсенал!

Хоть вы и тратите немало,
Чтоб наши потоптать места,
Вы не познаете Байкала,
Коли душонка нечиста.

Он вам не продан и не дарен,
А нам он – в самом деле свят!
И на туриста поднял парень
Невыносимо долгий взгляд.

ПЕСНИ РАЗНЫХ ЛЕТ

МОЙ ГОРОД

Ты под звон кандалов здесь, мой город, возник.
Подарил тебе имя солёный родник.
Ты и волей дышал, и в неволе ты рос...
Кто тебя пропитал солью пота и слёз?

Припев:

Усолье!
Ты красив под лучами багряными
Рассветной Иивечерней порой.
Твоё солнце горит над Саянами,
Твоё солнце горит над Саянами,
А восходит оно за рекой Ангарой!

Сам Байкал свои песни тебе напевал
И в сибирскую стужу тебя согревал;
Обнимала тебя, как родная сестра,
Гордость нашего края – река Ангара.

Ты у Братского моря последний причал,
Ты хороших людей хлебом-солью встречал;
И всегда ты для нас, для друзей, для гостей –
Город доброй души, город добрых людей!

Припев:

Ты из стона и звона, мой город, возник.
Подарил тебе имя солёный родник.
Ты живёшь, город мой, молодой и седой,
И солёный родник не исчез. Он – живой!

Припев:

СОЛДАТСКАЯ ДОРОГА

Ты помнишь. мама, как Победа
Пришла измученной весной,
И как мы долго ждали деда,
Да не вернулся он домой...

Он на портрете виноватый,
Смущённо дед отводит взгляд:
Весь в орденах был Сорок Пятый,
А он остался без наград.

И вновь солдатская дорога,
И вновь шагает рядовой
С родного нашего порога,
А ты вослед глядишь с тревогой
И с непокрытой головой.

Пришло письмо из медсанбата,
Что возвратится скоро брат,
Да только встретили мы брата
В гробу и в россыпи наград.

Ты постарела слишком рано,
Тебя не сразу узнают...
Седая пыль Афганистана
Легла на голову твою!

И вновь солдатская дорога,
Шагает новый рядовой
С родного нашего порога,
Где ты опять глядишь с тревогой
И с непокрытой головой.

Здесь ясно небо, солнце светит
И улыбается весна,
А где-то всё-таки на свете
Опять беснуется война!

...Гляжу вперёд, шагаю шире,
Сжимаю пальцами ремень.
Ну, что поделать, если в мире
Ни разу не был мирный день!

Трудна солдатская дорога,
Но всё осилит рядовой:
Не плачь, родная, у порога,
Ну, погоди ещё немного –
Солдат вернётся в дом родной!

ИГРАЮТ

Играют, все в мире играют,
С пелёнок до старческих дней
И игры себе выбирают –
Кто проще, а кто потрудней;
Но смелых вопросы не гложут,
И незачем им выбирать –
Спорт, спорт! Он научит, поможет
В достойные игры играть.

Играть, это верно, охота,
Но в спорте, уж будьте добры,
Сначала – работа до пота,
Потом уж дойдёт до игры!
Нам тонны ложатся на плечи,
Мозоли врастают в ладонь
И светят нам вовсе не свечи –
Горит Олимпийский Огонь!

Победы даются несладко,
И кто в эти игры играл
Хоть раз да лежал на лопатках
И слёзы тайком утирал,
Но, яростные, словно тигры,
Мы снова бросаемся в бой!
Да, спорт – это жёсткие игры
И выдержит их не любой.

Как пуля, летящая к цели,
Твой взгляд, устремлённый вперёд,
Ты знаешь – ты можешь, ты веришь,
Что это настал твой черёд!
И сердце колотится в клетку,
Усталость нас гнёт в три узла...
И пусть где-то крутят рулетку,
Пускай забивают «козла»!

Охота, конечно, охота
Себя самого побеждать
И на пьедестале почёта
Высокой наградой блистать.
Работай, упрямый, работай,
Победа достойна мечты.
И пусть пьедестал с эшафотом
Примерно одной высоты.

Играют, все в мире играют
С пелёнок до старческих дней,
И игры себе выбирают
Кто – проще, а кто потрудней
А смелость всегда презирала
Комфорт и спокойный уют –
В горниле спортивного зала
Людей настоящих куют!

ПРОМЕТЕЙ

Прометей не похож на святого,
И не каждый поймёт, почему
Он к скале крепкой цепью прикован
И пощады не будет ему.
В личном деле наделал помарок,
И ему не уйти из оков –
Захотел сделать людям подарок
И огонь умыкнул у богов!

Припев:

Греясь возле огня,
Вспоминайте же, люди, меня!

Мы сражаемся, сеем и пашем,
Побеждаем и стужу, и тьму,
Но в свершеньях и подвигах наших
Мы обязаны только ему.
Если светит очаг ваш и греет,
Колдовским вас чарует огнём,
Надо помнить – огонь Прометея
Полыхает и мечется в нём!

Припев:

Береги этот дар негасимый,
Не давай его людям худым –
Слишком ярок огонь Хиросимы
Слишком тяжёк Чернобыля дым!
И не каждый из нас понимает,
Для чего он бессмертье обрёл:
Ведь не к нам, а к нему прилетает
Этот страшный Железный Орёл!

Припев:

ГИМН РОССИИ

Как прекрасно имя твоё,
Как твои прекрасны народы!
Над тобой, Россия, встаёт
И сияет Солнце Свободы
Гордо реет над нами
Это славное Знамя,
И орёл твой двуглавый
Сквозь века совершает полёт!
Слава тебе,
Слава тебе,
Слава тебе, Россия!
Да святится имя твоё!

НАПУТСТВИЕ

Придя на свадьбы торжество,
Уверен я, что большинство
Из этих юношей, мужчин и милых дам,
И наши добрые друзья
Меня поддержат в том, что я
Желаю вам, желаю вам, желаю вам.

На все грядущие года
Чтоб в вашем доме никогда
Не раздаваться неприязненным словам;
Чтоб каждый день и каждый час
Любовь и дружба грели вас –
Желаю вам, желаю вам, желаю вам!

Чтоб в споре сердца и ума
Вам не впадать в самообман,
Не доверять пустым надеждам и мечтам,
И среди житейских бурь и гроз
Не утопать в болоте грёз
Желаю вам, желаю вам, желаю вам.

Чтоб вашим детям повезло
Познать и ласку, и тепло,
И чтобы горькими не быть бы их слезам,
И каждый день, и каждый час
Чтоб дети помнили о вас –
Желаю вам, желаю вам, желаю вам.

Ребёнок, – дочка или сын, –
Несчастен, если он один,
Прошу серьёзно отнестись к моим словам!
И, значит, больше и скорей
И сыновей, и дочерей
Желаю вам, желаю вам, желаю вам.

Пусть вам и в мысли не придёт,
Что лучше свадьбы лишь развод –
Из пустяков не создавать семейных драм,
А просто – жить да поживать,
Да и друзей не забывать
Желаю вам, желаю вам, желаю вам!

ЗАМУЖНЯЯ

Гляжу, дыханье затая,
В любимые глаза.
Как удивительна твоя
Спокойная краса!

Когда впервые ты нашлась –
Теперь не помню дня;
Но ты затем и родилась,
Чтоб удивить меня!

Замужняя...
Замужняя!
Боюсь в аду сгореть!
Зачем, зачем так нужно мне
В глаза твои смотреть?

Не для того ли мне тогда
Вдруг улыбнулась ты,
Чтоб удивить, и навсегда,
Загадкой красоты?

А много, много лет назад
Затем рождён был я,
Чтоб заглянуть в твои глаза,
Дыханье затая.

Замужняя...
Замужняя!
Готов в аду сгореть!
А, может быть, не нужно мне
В глаза твои смотреть?

Я в бездне взгляда твоего
Ответа не найду,
А в безмятежности его
Я чувствую беду.

Но волшебством твоих очей
Мы оба прощены –
Я ни твоей и ни своей
Не чувствую вины!

Замужняя...
Замужняя!
Хочу в аду сгореть!
Не нужно мне, не нужно бы
В глаза твои смотреть!

Но много, много лет назад
Затем рождён был я,
Чоб заглянуть в твои глаза,
Дыханье затая.

С ПРАЗДНИКОМ!

Чем больше Родину мы любим,
Тем меньше нравимся мы ей...
Но мы, но мы ворчать не будем:
Она, она нам всех милей.
Трудна учителя дорога,
Привык он шишки получать
И день свой, праздник педагога,
Лишь только птичкой отмечать.
Мы шаг предпримем радикальный:
Собрания, пренья прекратим
И день свой профессиональный
В весёлый праздник превратим!
Гремите, хоры и оркестры,
Приветы от широких масс!
Коллеги, шкрабы и маэстры,
Россия очень любит вас!

ЧТОБЫ МОЛОДЫ БЫЛИ ВСЕГДА

Серебро в волосах – не беда,
Серебро на столе – ерунда!
Мы сегодня хотим
Пожелать молодым,
Чтобы молоды были всегда.

Ах, невеста, как ты хороша –
И глаза, и фата, и душа!
Будь, невеста, милей
Да до края налей
За серебряный наш юбилей.

Эй, жених, что-то тошно чертям,
Эй, жених, что-то горько гостям!
Эй, жених, чья вина? – Горький вкус у вина;
Ты бы мог догадаться и сам.

ПРОВОДЫ ГОДА

Под хрустальный торжественный звон
Совершается чудо такое:
Новый Год, как сияющий поезд,
Прибывает на шумный перрон!

Здесь не встретишь чужого лица,
Здесь, на празднике, все мы, как дома,
Где не видно людей незнакомых,
Где родные глаза и сердца.

Сколько нас, сколько радостных нас,
Бегу времени верно послушных!
Не найти пары глаз равнодушных
В море наших восторженных глаз.

Старый год проводить и простить...
Ради этого стоит собраться:
Есть над чем пошутить, посмеяться,
Есть о чём пожалеть, погрустить.

На минуту мелькнув вдалеке,
Потихоньку, без шума, без звона
Старый год отойдёт от перрона,
Чтоб затихнуть в своём тупике...

Позови ты его, позови
И водою живую обрызгни –
И воскреснет в нём часть нашей жизни,
Нашей грусти и нашей любви.

МЫ КУПАЕМСЯ В ЗОЛОТЕ

Со времён незапамятных
Мерой ценности стал
Для всего, что нам дорого,
Драгоценный металл.

Мир построен из ценностей,
Их – с избытком для нас;
Мы купаемся в золоте
Каждый прожитый час!

Золотой лучик солнечный
Пробудился весной.
Льётся с неба закатного
Океан золотой!

Брызнет маленьким солнышком
Одуванчик простой;
А ему и не ведомо,
То, что он золотой.

Каждый раз с удивлением
Замечаете вы,
Сколько чистого золотаца
У осенней листвы!

Сколько сами вы сделали:
Быт, достаток, уют...
Ваши руки умелые
Золотыми зовут!

И любовь вашу первую
Донести до конца
Могут лишь только верные,
Золотые сердца

К вам сегодня прикованы
И глаза, и умы –
Золотой вашей свадьбою
Восхищаемся мы!

НЕ СМОЛКЛА ГИТАРА ТВОЯ

Владимиру Высоцкому

Заметили сразу, когда ты запел,
Так громко! Как видно, «припёрло»!
И поняли все, почему ты хрипел:
Ты просто был схвачен за горло.
Поэты в России – особая масть.
Стреляют их, травят и губят.
Судьбой над сердцами даётся им власть,
А этого власти не любят!

Припев:

Прошёл ты по жизни короткой
И в буднях горел, как в боях;
Володя, Володя Высоцкий,
Не смолкла гитара твоя!

Писал своей кровью, чернил не любя,
К строке относясь шепетильно.
Конечно, ты знал, что мы любим тебя;
Теперь не узнаешь, как сильно!
Ты русский язык не макал в матюки,
Хотя и коней гнал безбожно.
Ты всем показал, что уйти за флажки
Непросто, но всё же возможно!

Припев:

Прошёл ты по жизни короткой,
Души от людей не тая;
Володя, Володя Высоцкий,
Не смолкла гитара твоя!

Как много и смело успел ты сказать,
Чего мы сказать не посмели!
Ты нам открывал и сердца, и глаза,
А мы вот тебя – проглядели.
Последний аккорд. Этот самый обрыв.
И все успокоили совесть,
Под дождик могилу цветами укрыв –
Отдав тебе должное, то – есть.

Припев:

Промчались по жизни короткой
Дерзання, любовь и семья...
Володя, Володя Высоцкий,
Не смолкла гитара твоя!

ГИМН ГОРОДУ УСОЛЬЮ-СИБИРСКОМУ

Рожденье твоё было чудом,
И мы этим чудом горды.
Откуда ты взялся, откуда?
– Из капли солёной воды!

Пришёл ты из далей туманных,
Цепями у варниц бренчал,
Сражался, излечивал раны,
Друзей хлебом–солью встречал.

Припев:

Усолье! Красив и спокоен
Ты над Ангарою – рекой.
Целитель, трудяга и воин –
Достоин ты славы такой!

И славен твой возраст почтенный,
И в славе твоей навсегда
Поэты твои и спортсмены,
Герои войны и труда!

И там, у ручья, где каменья
Веков сохраняют следы,
Пригубим мы в твой день рожденья
Глоточек солёной воды.

Припев:

ДЕРЕВНЯ ЛЁШИНО

Деревня Лёшино, тебя ли вижу снова я?
Бежит по камешкам речушка родниковая.
Травой дорожки и тропинки заросли,
Те, по которым детство с юностью прошли...

Припев:

Стоит на цыпочках трава, трава не кошена,
Как будто хочется и ей узнать ответ:
С какой ты встретила бедой, деревня Лёшино?
– Напрасно спрошено. Деревня брошена...
Молчишь ты, Лёшино, молчишь. Ответа нет.

Малина спелая на землю молча падает,
Узор наличников красую глаз не радует,
А окна в избах и печальны и пусты...
Моя деревня, неужели это ты?!

Припев:

Тебя спасали мы от бед и злого врага,
Да поросло травой всё, что сердцу дорого.
Болтунья ласточка с раздвоенным хвостом –
Ах, не о том ты мне щебечешь, не о том!

Припев:

БЕЖИТ ИЗ БАЙКАЛА РЕКА

Река есть в Сибири, и остров на ней,
По здешним масштабам, совсем не велик.
На острове этом чудак – чародей
Из прихоти доброй устроил родник,

Солёный-солёный, не выпить глотка!
Бежит из Байкала река.

Лихие казаки – фатовый народ!
Каким-то их ветром сюда занесло –
Солёной водицы хлебнули – и вот
В таёжной глуши зародилось село.

Хорошие люди, в мозолях рука.
... Бежит из Байкала река.

Что было, то было: и цепи, и кнут,
И слёзы, и стоны, и песни и смех...
Здесь город построен, и люди живут,
И хлеба, и соли хватает на всех.

Проносятся годы, проходят века,
Бежит из Байкала река.

Кандального звона не слышно давно,
Ушёл, не воротится каторжный труд.
Волшебником добрым уж так решено,
Что город у соли Усольем зовут.

Волшебное имя – с того родника!
...Бежит из Байкала река.

ДЕВЯТЬ ВЕТРОВ

Если хочешь пойти на Ара-Буректай,
На семь суток пути ты рюкзак собирай.
На виду у весёлой туристской толпы
Высота встанет справа от нашей тропы

Мы взберёмся – и радость нагонит слезу,
Мы залезем и глянем на всё, что внизу...
Нет для взора преград! Ты на самом верху.
Девять ветров под курткой на рыбьем верху:

Ветер тёплый, который от камня нагрет,
Ветер звонкий, который свистит нам вослед,
Ветер добрый, что с кедров сдувает пылью,
Ветер мокрый, который нас бьёт по лицу,

Ветер утренний, свежий, что воду рябит
И предгрозный, который тревогу хранит,
Тот, что сеет тревогу в кустах и траве...
И ещё ветер тот, что у нас в голове –

Ветер странствий. Он вечно туманит нам взгляд!
И ещё – ветер тот, что нас гонит назад.
Для того, чтоб домой с Буректая дойти,
Нам достаточно будет двух суток пути!

ДУША БАЯНИСТА

У каждого века свои инструменты и песни,
Свои инструменты у разных народов и стран,
Но если у нас, на Руси, собираются вместе,
То нам никакой инструмент не заменит баян.

Пройдёт сотня лет, пронесутся и двести, и триста –
И будут послушны меха, вдохновеньем дыша.
Баян – это просто баян, инструмент баяниста,
Но в нём и живёт, и поёт баяниста душа!

Припев:

Слышишь знакомой песни звук?
Возле баяна встанем в круг.
Нам подпевает сердца стук –
Как хорошо играешь, друг!
Звонкий баян, играй, играй,
Песнями душу наполняй
Пусть в каждом сердце будет май,
Светлый май

Красивый такой инструмент из металла и кожи,
Для каждого пальца есть место и лямки для плеч;
И каждый желающий, кажется, запросто сможет,
И каждый сумеет желающий звуки извлечь.

Но станет на сердце легко, на душе станет чисто,
Когда баянист прикоснётся к ладам не спеша...
Баян – это просто баян, инструмент баяниста,
Но в нём и живёт, и поёт баяниста душа.

Припев:

А судьбы людские – они так похожи на песни!
Раскройся друзьям, подыщи подходящий момент,
Скажи, если знаешь, сыграй, если можешь, а если..
А если не можешь – не трогай чужой инструмент.

Пусть в песнях нам светит мечта, высока и искриста,
Пусть властвует в мире добро, все преграды круша!
Баян – это просто баян, инструмент баяниста,
Но в нём и живёт, и поёт баяниста душа.

ПЕСНЯ КОМАНДЫ

Прошу о нас не думать свысока,
Не путать нас с профанами-невеждами;
Не засвистят у нашего виска
Гнилые фрукты с яйцами несвежими.

У каждого из нас свои дела,
Свои мечты, грехи и добродетели,
Но только дружба вместе нас свела,
Сплотила нас, и вы тому свидетели.

Нас голыми руками не возьмёшь –
Мы все – профессора в житейском опыте,
Но, если победить вам невтерпёж, -
Помилуйте, пожалуйста. Попробуйте...
Попробуйте!

ГИМН ВЕТЕРАНОВ-ПЕДАГОГОВ

Пусть нас зовут пенсионерами,
Но мы остались педагогами;
Остались мы России верными
С её судьбой, с её тревогами.
Не оставайся в стороне,
Не будь с собой наедине!
Пока ещё у нас есть голос,
Мы все нужны родной стране!

Себе самим не изменяли мы,
Учителей не предавали мы!
Свобода, Честь и Просвещение
Не нам ли были идеалами?
Нам хата с краю не нужна,
Зовёт нас к действию страна!
Воспитана и образована
Трудами нашими она!

КОМАРИКИ

Плясовая сценка

Мы с другом на рыбалку шли на озеро Штаны,
Несли с собою удочки существенной длины.
Хорошую погоду нам синоптик обещал.
Дышал я свежим воздухом, а друг мой напевал:

– Комарики, комарики, комарики мои,
Летают, словно ласточки, поют, как соловьи!

И вот пришли мы к берегу на озеро Штаны,
И что же мы увидели? – Там пляшут пацаны!
Но нам плясать-то некогда. Мы сняли рюкзаки,
А там – наживка, снасточки, крючки и червяки.

Комарики, комарики, комарики поют,
Комарики нам удочки забросить не дают!

Мы с другом тоже начали, – ведь мочи нет терпеть, –
Притопывать, прихлопывать, ну, и, конечно, петь
Рыбалка, называется! Пришли на водоём –
И что же получается? – Мы пляшем и поём!

Комарики, комарики, как соловьи, поют,
Как хищники, кусаются, рыбачить не дают!

И мы смотали удочки. – Спасайтесь, пацаны! –
И экстренно покинули мы озеро Штаны.
Конечно, на рыбалку мы не раз ещё пойдём –
Не зря же эту песенку мы дружно так поём:

– Комарики, комарики, комарики мои,
Летают, словно ласточки, поют, как соловьи!

ОДА ЧАЮ

Дождались мы события такого,
Если только газета не врёт:
Под защиту закона сухого
Попросился советский народ!

Быть с народом в единстве желая,
Утвердили бумагу в Кремле,
Чтоб ничто горячительней чая
Не мозолило глаз на столе.

Ну, а мы всё равно не скучаем,
Не грустим, не брюзжим никогда;
Каждый праздник встречаем мы чаем,
Хоть и чай, как известно, вода.

На чайники уставившись взором,
С умным видом глядим сквозь стекло.
А потом констатируем хором:
– Ах. как много воды утекло!

Мы Америку вам не откроем,
Если скажем, что водка вредна:
И болеют с неё геморроем,
И воняет противно она...

Вот встречаем мы красную дату,
Потребляем душистый чаёк!
Пропиваем дневную зарплату
Ну, и сахару целый паёк.

Если чай – высший сорт или первый,
Он нам лучше любых докторов
Кровяную систему и нервы
Укрепит – и навек будь здоров!

Так налейте стаканы, налейте,
И давайте поверим тотчас,
Что нас ждёт впереди долголетье,
В перспективе – бессмертье у нас!

МЫ ПОЁМ!

Как много песен нами спето!
Им нет конца, им нет числа.
Далёко где-то
Осталось лето,
Где песня вместе нас свела (нас свела)
Где песня вместе нас свела.

Как много песня в жизни значит
И в добрый день, и в трудный час!
Смеётся с нами
И с нами плачет,
Объединяет песня нас (песня нас)
Объединяет песня нас.

Припев:

Пролетают годы день за днём,
А мы песни петь не устаём,
Дорогие сердцу песни мы поём (мы поём)
И песни петь не устаём!

Секрета нет, и каждый знает,
Как иногда напев простой
Нас очищает
И окрыляет
И одаряет нас мечтой (нас мечтой)
И одаряет нас мечтой.

Жизнь без чудес неинтересна,
И происходят чудеса,
Когда все вместе
В хорошей песне
Сольются наши голоса(голоса)
Сольются наши голоса

Припев.

ПЕСНЯ РЕКИ

Тихая ночь... Звёздочки в кронах запутались,
В спальник дохнул робкий дымок костерка...
Как и тогда, без передышки, без устали
Рядом поёт вечную песню река.

Вечного нет! Вот и тропа незнакомая:
В этих краях я не бродил сорок лет;
Только опять здесь у реки, словно дома, я,
Здесь и зарыт давнего прошлого след.

Вечностью гор клясться отныне не стану я –
В россыпь камней многое превращено!
Камень с водой битву ведут непрестанную.
Время презреть даже горам не дано!

Кто-то придёт, с духами гор побеседует,
Станет с тропой дружен душой, а пока...
Чем он живёт, он и не знает, не ведает:
Жизнь – это там, где есть гора и река.

СОБОЛИНЫЕ ОЗЁРА

Григорьев Витя любит горы;
Он ходит тоже – ничего!
На Соболиные озёра
Я агитировал его.

А Витя бровью и не двинул,
А Витя лёгок на подъём:
А Витя сразу карту вынул,
Свою секретну карту вынул,
Он из кармана карту вынул
И показал, как мы пойдём.

Начнётся в Выдрино поход,
Тропа по Снежной поведёт,
Потом завалы обойдёт,
Потом по камешкам пройдёт,

А, как до Стрелки доведёт,
Там через реку будет брод,
И вверх, и вниз, левой, правой,
Тропа дойдёт до Соболей!

Нас жёны дружно провожали,
Не плача даже, не грустя:
Они в нас верили и знали,
Что мы маршрут пройдем шутя.

И, хоть там женщин много разных
Спешат озёра посетить,
Но всё ж поступков безобразных,
Но всё ж поступков безобразных

И даже мыслей безобразных
Мы не посмеем допустить!

Вот я плетусь трускою сзади,
А Витя – рысью впереди –
И мы всего лишь только за день
Маршрут сумели с ним пройти.

Напрасно кто-то недоверчив:
Туристы никогда не врут!
Взвалив полцентнера на плечи,
Почти полцентнера на плечи,
На ваши хиленькие плечи,
Вы повторите наш маршрут.

Озёра встретили нас лаской,
Осенний день был просто мил!
И водопад по кличке «Сказка».
Нас красотой удивил.

А сколько здесь влюблённых в горы!
Им неизвестны лень и грусть.
Они дорогу на озёра,
На эти самые озёра,
На Соболиные озёра
Всю изучили наизусть
Начнётся в Выдрино поход...

Но вот деревья закачались
И дождик начал нас мочить.
Туристы в страхе разбежались,
А нам оставили харчи.

Нам дождик – это не стихия!
Ненастье кончится – и вот
Сюда опять придут другие,
Потом – ещё, ещё другие,
За ними вновь ещё другие...
И так тут ходят круглый год.

На третьи сутки я увидел,
Что на вершинах выпал снег!
И я тогда признался Вите,
Что мысль имею про побег.

А Витя бровью и не двинул,
Такой нигде не подведёт!
А Витя сразу карту вынул,
Свою секретну карту вынул,
Он из кармана карту вынул
И – развернул наоборот.

И вверх, и вниз, левой, правой
Тропа пойдёт от Соболей,
А, как до Стрелки доведёт,
Там через реку бурный брод,
Потом по камешкам пройдёт,
Потом завалы обойдёт,
Потом по Снежной путь пойдёт –
И кончим в Выдрино поход!

Вот я плетусь трускою сзади,
А Витя, рысью, впереди –
И мы опять, всего лишь за день,
Весь путь успели с ним пройти.

Напрасно кто-то недоверчив:
Туристы никогда не врут!
Надев пустой рюкзак на плечи,
Почти пустой рюкзак на плечи,
На тренированные плечи,
Вы повторите наш маршрут.

Слезами жёны нас встречали,
А в чём причина – не секрет:
Они слегка подозревали,
Что нас в живых давно уж нет

Они нас больше не отпустят;
Тогда мы их возьмём с собой,
И мы тогда без слёз и грусти,
Без всяких слёз и всякой грусти,
Без расставаний и предчувствий
Пойдём в поход одной тропой:
Начнётся в Выдрино поход...

КУРЬЯ

Не пора ли нам снова, друзья,
Ангару переплыть на резинках,
Где красавица ждёт нас – курья
В тальниках, камышах да кувшинках,

Где не раз были наши костры
На годами ухоженном месте,
Где до полночи нам комары
Распевали разбойничьи песни.

Хорошо у костра посидеть!
Но сначала проявим сноровку:
Нам до сумерек надо успеть
Ощутить и увидеть поклёвку.

Горихвостка поёт соловьём!
Не поверите – очень похоже;
И, конечно, мы тоже споём,
Потому, что мы певчие тоже.

Похлебаем простецкой ухи
Да вздремнём, в телогрейки укроясь
За рекой на заре петухи
Соловьёв затыкают за пояс.

А ещё прилетит наш бекас,
И, хоть петь он совсем не умеет,
Всё же в страстном пике много раз
Над стоянкою нашей проблеет.

А окончится славный денёк,
Прежде чем сну успеем отдаться,
Всё в закрытых глазах поплавок
Будет долго нырять и качаться...

Мы болезням ещё погрозим!
Есть у нас верный шанс на закалку:
Мы за рыбой спешим в магазин,
А не реку идём – на рыбалку!

Я МОЛЧА ТЕБЯ ПОЗОВУ

Во сне это иль наяву?
– Наверное, всё же во сне:
Я молча тебя позову –
Неслышно придёшь ты ко мне.

Берёзы блестят в куржаке,
А месяц и светел, и нем...
– А ты почему налегке?
– А я ненадолго совсем...

И что-то глаза говорят,
И в голосе странная дрожь.
Наверно, мороз виноват,
Не очень трескучий, но всё ж...

Я б иней на прядке волос,
Дохнув, отогреть захотел,
Но капли блеснут, вроде слёз,
А иней останется цел.

Склонилась моя голова
К руке, что в ладонях держал,
Шепнул я такие слова,
Что месяц плечами пожал.

Прощальное слово замрёт,
И буду я снова мечтать,
Как время наступит – и вот
Мой сон повторится опять.

...Роса упадёт на траву,
Берёзы замрут в тишине,
Я молча тебя позову –
Неслышно придёшь ты ко мне.

ПОДАРИЮ ПЕСНЮ?

Ты просила меня подарить тебе песню...
За гитару, пожалуй, возьмусь.
Но в ответ попрошу не винить меня, если
Песня вызовет лёгкую грусть.

Разве не для тебя столько песен звучало,
А порою и скрежет клинков!
Сколько струн и сердец пред тобой трепетало
На ладонях минувших веков!

Не о тех ли веках загрустило сердечко,
Не романсов ли ждёшь, серенад?
Видно, в те времена повлекло тебя нечто.
Что порою влечёт нас назад.

Песни нынче не те: без высокого текста,
Без полёта Амуровых стрел...
О Любви не поют, а кричат в жажде секса
Под вихлянье замызганных тел.

Не печалься, о, Женщина! Это не наше,
Не о том, не для нас, не про нас.
И неси свою гордость, как полную чашу,
Сквозь сиянье восторженных глаз.

Да услышит твой слух восхищённые речи;
Мир прекрасен, сомненья развеи!
Пусть же станет тебе в этот праздничный вечер
Хоть немного на сердце теплей!

ЛАСКОВОЕ ЧУДО МОЁ

Мы с тобой стоим у реки,
Растворились мы в тишине...
Теплоход унёс огоньки,
Шевельнулась песня во мне.

Мне река нашепчет слова,
Ветерок мотив напоёт:
– Стройная берёзка моя,
Ласковое чудо моё!

Мы с тобой сквозь осень пройдем;
Вслед шептаться будет трава,
Золотым шуршащим дождём
Нас с тобой осыплет листва.

И опять в чужие края
Журавлей проводим в полёт,
Ясная росинка моя,
Ласковое чудо моё!

И, конечно, будет зима,
И расстелет белый покров.
И на нём напишем роман
Мы двойною строчкой следов

А когда настанет весна,
Мы вдвоём споём про неё
Белая ромашка моя,
Ласковое чудо моё!

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

В лесу родилась Ёлочка –
Краса на весь лесок!
И шёл в ту пору Ёлочке
Семнадцатый годок.

В морозный день серебряный
Мужик её срубил,
Привёз домой на саночках,
Украсил, нарядил.

Жена супругу ласково
Шепнула: – Молодец!
И звонко рюмки чокались
И трясся холодец.

Плясал мужик впрысодочку,
Кружилась голова,
Кричал мужик хорошие,
Душевные слова.

Смеялись дети радостно,
Встречали Новый Год,
Вокруг убитой Ёлочки
Водили хоровод.

На ней сияли лампочки
И шишки из стекла.
Недолго только Ёлочка
В нарядах провела.

Все праздники кончаются,
И даже Новый Год;
И сразу вслед за праздником
Приходит день забот.

Супруга стала нервничать
И мужика корить:
– Когда ты ёлку выбросишь,
Устала говорить!

– Да не волнуйся, жёнушка,
О чём тут говорить?
Он поднял ёлку бережно,
Чтоб на пол не сорить,

Швырнул на кучу мусора:
– Спи, ёлочка, бай-бай!
...Свистит пурга над Ёлочкой,
Звенит над ней трамвай.

Свистит пурга над Ёлочкой:
– Спи, Ёлочка, бай-бай...
Печальная история.
Да ты не унывай!

Мы снова соберёмся
К новогоднему столу.
У мужика наточенный
Топор стоит в углу.

Мы к ёлочкам пристрастие
Питаем с давних пор!
И у тебя, наверное,
В углу стоит топор?

Вот ты говоришь, жениться,
Свадьбу, говоришь, сыграть бы;
Только как нам веселиться,
К старости – какие свадьбы?

В жизни нашей бурной, шумной
Далеко не каждый знает,
Что среди любви безумной
Умная любовь бывает!

Нам она с тобой – награда,
Нас она собою греет.
Грешная земля? – Неправда!
Нам земля небес святее.

Сколько лет с тобой мы вместе!
Дорог нам очаг зажжённый;
Полный и любви, и чести,
Наш с тобой союз – законный

Ты жена мне и подруга,
Ты моя любовь земная.
И не жить нам друг без друга;
Не чужая ты – родная!

Ты отрада мне и пара
И надёжный друг, всё сразу!
Вот – моей судьбы подарок,
Ленточкой мечты повязан.

ДЕТСКИЙ САДИК

Так мудрецы утверждали восточные:
«Будет душа молодой,
Если любишься девою прекрасною,
Зеленью, быстрой водой!»

Вот и фонтаны, и кущи зелёные,
Женщины преданный взгляд...
Всё же чего-то ещё недостаточно:
Я прихожу в детский сад.

Припев:

Яркие-яркие,
Звонкие-звонкие
Дети резвятся в саду!
Чтоб посидеть на заветной скамеечке
Я в детский садик приду.
Шустрые-шустрые,
Звонкие-звонкие,
Сколько забав и затей!
Разве вот это не самое главное –
Лица счастливых детей?

Счастлив ребёнка к груди прижимающий,
В нём и надежда живёт:
Вот подрастёт, наберётся ума ещё,
В жизнь он счастливым придёт.

Будут и травы ему шелковистые,
Воды – небес голубей,
Будет любовь ему светлая, чистая,
Будут улыбки детей!

Припев:

Яркие-яркие,
Звонкие-звонкие
Дети резвятся в саду
Если хотите, сюда, на скамеечку
Я вас с собой приведу.
Шустрые-шустрые,
Быстрые-быстрые,
Сколько забав и затей!
Разве вот это не самое главное –
Лица счастливых детей?

МАРШ «МОРСКИХ ДЬЯВОЛОВ»

Мы там, где опасно,
Где трудно, где тяжело,
Но нас не сломить никакою бедой.
И греет нам душу
Морская тельняшка
И страха не ведает дьявол морской!

Припев:

Спецназовец морской,
Твоё прозвание – дьявол!
Присяга для тебя –
Единственный закон,

И где б ты ни ходил,
И где бы ты ни плавал, -
Везде твой каждый шаг
Отчизне посвящён!

И крепкие парни,
И чистые души,
За вашей спиною и мир и покой.
У моря и в море,
На дне и на суше
Врагу повстречается дьявол морской

Припев

Россия нас любит,
Россия в нас верит,
И мы в неё верим и помним о ней;
Под нашей защитой
И море, и берег,
И нету защиты сильней и верней!

Припев.

ПАРОДИИ. ШУТКИ

ВЛАДИМИРУ САЗОНОВУ:

*«... В тебя я ринулся, как в омут головой,
Не помня, что за риск возможна плата,
Но только ты ни в чём не виновата...»,
«Ты просто подарила мне весну...»*

*Владимир Сазонов
(12-строчные стихи)*

Ты просто подарила мне весну,
И я решил от счастья прыгнуть в омут!
Конечно, можно было б по-другому,
Но я решил: – Авось, не утону.

С разбегу – фюйть! – и головой вперёд!
Но за деяньем следует расплата:
Болит башка. Но ты не виновата –
Там просто не успел растаять лёд.

Всем прыгунам я преподал урок:
Коль хочешь прыгнуть в омут – прыгай летом.
Свой стих я мог бы кончить и на этом,
Но надо написать двенадцать строк!

ВИКТОРИИ САВИНОЙ:

*«... Три часа уж подряд
На измятой траве
Молча кони стоят
Голова к голове»...
... «Это сколько ж они
Могут так простоять...»
... «И боятся заржать,
Чтоб любовь не спугнуть.»
Виктория Савина
«Кони»*

На зелёном лугу,
На измятой траве
Молча кони стоят
Голова к голове.

А поодаль притихла
С тетрадкой в руке
Поэтесса. Любви
Не хватает в строке.

«—Вот, - смекает она,—
Через пару минут
Заниматься любовью
Лошадки начнут».

И раскрыла тетрадь,
И за ручку взялась,
Чтоб огласке предать
Их любовную связь.

Это сколько же ей
Здесь придётся стоять!
Это сколько же
Конской любви ожидать!

Невдомёк городским
Деликатность коней:
Неудобно ж им
Этак-то –
Прямо при ней!

ЛИДИИ ВОЛЫНЕЦ

*«Ронсар у поэтов однажды спросил:
– Бывает ли мера терпенью?
Свеча догорела, и не было сил
Огню колебаться в сомненье.
Куда направляют свой путь корабли
(и утлые лодки качает)...*

*...Он в порт не вернулся, и якорь на дне...
...где мера терпенью на грешной земле,
Когда нелады с тормозами...*

*...Мы странники все, и не вечен успех...
И т. п. Лидия Волынец «Земляку»*

МЕРА ТЕРПЕНЬЮ

Ронсар, придя на литобъединенье,
Задал вопрос: – Поэты, ваше мненье
Хотел бы я услышать вот о чём:
В какой шкале тот градус заключён,
Которым можно измерять терпенье?
И не успел моргнуть пришелец глазом,
Поэты все заговорили разом:

– Собрался плыть, так якорь поднимай!
– Проверить тормоза не забывай!
– Пропал корабль. Накрылся медным тазом...
– Земля за бортом грешная, однако.
– Вот тут-то и закопана собака!
– Качает лодки... Утлые они...
– Опять у свеч колеблются огни.
– То ж парафин. Там сто процентов брака!
...Все дружно, вдохновясь, наперебой кричали
Кто про успех, кто про свои печали.
Терпел Ронсар и слушал этот бред;
Но кто сказал – терпенью меры нет?
– Ушёл француз. Поэты продолжали.

*«...А, вот, за шторкой...Розовые пятки...
– Привет, подружка! Я тебя нашла!...»
«Муза»
«... – Я открыта! Я гостей встречаю...
...каждому налить готова чаю...
...в своих живите странах,
Визу никому не подпишу...»
 («Граница»
«...Тебе любовью больше не отвечу:
Ну, почему ты не пришёл вчера?»
«Ты не пришёл вчера»
«...О, я готова стать Прекрасной Дамой!
Вот только руки пахнут колбасой...»
Ирина Апарченко*

АХ, ЭТИ ЖЕНЩИНЫ!

А я люблю Апарченко Ирину,
Но не могу попасть в её жильё,
Где Муза прячется, согласно чину
(И розовые пятки у неё).

Она открыта, и гостей встречает,
Но только тех, кто приходил вчера.
А я пришёл сегодня – не пускает!
У домофона я торчу с утра.

А у меня – сердечный недостаток,
Волнение вредно мне – едва дышу.
– Девятый, – говорит, тебе десяток,
И визу я тебе не подпишу!

О, женщины! От них одни лишь муки!

Как будто по углям прошёл босой...
А у неё к тому ж красивы руки,
И так приятно пахнут колбасой...

У человека нашли изъян:
Произошёл, мол,
От обезьян.
Теперь досада
Его берёт:
– Долой учёных!
Наука врёт!
Не надо, значит,
Его сердить:
Он только н а ч а л
Происходить!

А я очи вознесю
В небесю:
– Кто еси на небеси?
Возгласи!
Но молчит, однако, вся
Небеся...
– Нет, никто на небеси
Не еси.

Манит пытливость, гонит вширь ли, ввысь ли –
Везде вопросов без ответа тьма!
У мудрых не найти ль мне ясность мысли?
У них мне не набраться ли ума?

Где ты, конечных истин гений,
Пронзивший этот мир своим умом?..
Я взял собранье мудрых сочинений,
Рождённых в споре многовековом.

Увы, мои старания излишни,
Во тьме остаться – жалкий мой удел:
Четыре тома самых мудрых мыслей
Я, прочитав, так и не поумнел.

Омар Хайям изведаль жизнь вполне:
Знал толк в законах, в женщинах, в вине...
Но места нет в строках его стихов
Для гор и в них влюблённых чудаков.
О, если бы познал Омар Хайям
Величие и красоту Саян!
Тогда б, влюблённый в горы, как пацан,
Омар Хайям воспел Хамар-Дабан.

Аллах акбар! – кричат,
Аллах акбар! – им вторят.
И истинная правда в их словах:
Естественно, велик – никто не спорит.
Кому же нужен маленький аллах?

Однажды сон я видел вещей:
Пока я сплю – воруют вещи.
Но явь была ещё вещей.
Проснулся – точно: нет вещей!

Безбожность не сойдёт мне даром;
Мне в рай путёвки не обрести...
Я в ад устроюсь. Кочегаром.
Работы много. Опыт есть.

– Не верю я в незаменимость твою!
Да что, без тебя я – гвоздя не забуду?
Подумал мужик и ответил жене:
– Забить-то забьёшь. А выдёргивать – мне...

Доложили царю Александру,
Будто некий мужик стал кричать
В довершение к площадному жанру,
Что ему «на царя наплевать!»

– Поступайте с ним так, как хотите, –
Царь сказал, – только прежде всего
Непременно ему доложите,
Что и мне – наплевать на него.

Говорят: – Слава Богу!
А зачем Богу слава?
Он и так, слава богу,
Повсеместно известен!

Напрасно поэтов так превознесли –
В искусстве – технарь на верхушке:
Ведь если бы пушку не изобрели,
Откуда бы взялся и Пушкин?

Скромность уважала мудрецов семья:
«– Ничего не знаю – вот что знаю я!»
Только мой начальник поскромней чуть-чуть:
– Ничего не знаю, и знать не хочу!

Говорил я коту золотые слова:
– Хлеб – всему голова, хлеб – всему голова!
Кушай, Мурзик, я свежий купил каравай...
– Нет, скотина, не ест. «Кити-кет» подавай!

Поэтов не ругай, не подвергай сатире:
Полёт души в строку не каждый воплотит!
И пусть скрипит перо, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один задрипанный пиит.

Чтобы сердца тревожить чьи-то,
Не образец, не эталон,
Стоит поэт с душой раскрытой,
Как Аполлон без панталон.

Зелёный Змий! Лицом к лицу мы стали!
Я делаю приём. Момент остёр!
Ещё приём... Ещё... И он в финале
Меня бросает мордой на ковёр.

Поэт подружку посещал,
Свои стихи ей посвящал...
Но только нет добра без зла:
Она ковёр приобрела.

Пришёл он к ней, и, замерев,
Вместо приветов слышит гнев:
– Ковёр же новый, дорогой,
А ты сюда – своей ногой!

И – нету худа без добра –
У них разрыв из-за ковра.
Поэт к ней больше – ни ногой:
Ковёр там, новый, дорогой!

Теперь такую взяли моду:
Рожать рекомендуют в воду!
Ну, я жене и разрешил...
– И – что? И – как?
Да вот – уплыл...

Большую чурку взял я на дрова!
И, «на- попа» поднял едва-едва,
А, сосчитав ей годовые кольца,
Колун отставил. В позе богомольца
И шапку снял и стал я на колени:
В пять раз она была меня почтенней!

На входе в ГУМ подставился я сдуру,
Чтобы измерили мою температуру.
Приткнув ко лбу приборчик хитрый свой,
Отбили память мне! Она совсем пропала:
С бутылкой возвратился я домой;
А ведь жена за хлебом посылала!

Глядите в «небеса» без страха:
Там только воздух, только свет;
Нет божества кроме Аллаха!
Аллаха, кстати, тоже нет.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КУЧКОЙ МУСОРА

Бесстыдством предначертано ему
Внести сюда, под ноги, хлам поганый;
И это доказательство тому,
Что человек – потомок обезьяны.

И нужно ль доказательство верней?
Пусть убедит и вас рассудок строгий:
Произойдя хотя бы от свиней,
Он бы не гадил на своём пороге!

А строки всё же – не игрушки,
У каждого строка – своя.
Я б не сумел писать, как Пушкин,
А он не смог бы так, как я.
А сколько доблестных поэтов,
Блеснув строкой, когда-нибудь
В уюте частных туалетов
Смиренно свой кончают путь!

И эта книжка – всем на благо:
Утратив смысла идеал,
Значенье обретёт бумага,
Которой душу доверял.

Она поможет чьей-то попке
Хотя б санминимум сберечь,
Или сгодится при растопке,
Раскочегарит жарко печь.

Она ко многому годится:
Быть может, детская рука
Из самой пламенной страницы
Свернёт и пустит голубка...

Допреж чем книжку рвать, ты всё же
Подумай: это раритет!
В ней фальши нет, тираж ничтожен;
А я усольский был поэт.

О СЕБЕ И НЕ ТОЛЬКО

В самом конце 19-го и начале 20-го века в Новониколаевской губернии (ныне Новосибирская область), в барском доме Раевских служила горничной скромная, миловидная и добропорядочная девушка Анастасия Вотинцева. И уж так она полюбилась Раевскому-сыну, что он твёрдо решил, что это его судьба и что лучшей жены ему не найти. И настолько твёрдо решил, что уговорил Настю начать семейные отношения. Почему бы и нет? Крепостное право отменено, никаких препятствий их счастью не предвиделось. Ребёнок, зачатый в любви...

Однако Раевский-отец тоже был способен на твёрдое решение. Он услал сына за границу, а беременную горничную с хорошим приданым отдал замуж за вдовца Пенькова, чалдонского рода, со средней руки хозяйством, где и занялась Настасья нехитрым, но хлопотным крестьянским бытом.

Семейство Пеньковых она пополнила сразу крепким мальчиком, который назван был Павлом Алексеевичем Пеньковым. И было это в августе 1905 года. Этот мальчик – мой отец.

Семьи Пеньковых и Вотинцевых были дружны, но пасынок рано узнал, что он никому, кроме матери, не близок. Время в России было беспокойное, и после смерти отчима мой отец рано начал самостоятельную жизнь. Бабка Настя была набожна до карикатурности. Она пыталась привить сыну благоговение перед небесной канцелярией. Однако к этому времени поповщина настолько обнаглела, что вместе с «оковами царизма» стала объектом народной ненависти.

Отец, хоть и любил свою мать, но в её отношения с небесными чиновниками не ввязывался.

Он, не получив систематического образования, тем не менее освоил столярное дело, бухгалтерский учёт, пекарное производство... Сообразительный, словом, парень был.

Бабку Настасью мы всегда называли «бабкой Пенчихой», не очень нежно, но и вовсе не пренебрежительно; просто её жизнь нас не касалась. Долгими часами её худенький зад торчал в пустом углу, когда часами на коленях, держа голову у самого пола, шептала она бесконечные свои молитвы. Такой «бабка Пенчиха» и осталась в моей памяти. Наша семья богами не интересовалась, и икон не держала.

В 1939-м году влюбился мой отец в жизнерадостную красавицу чисто мордовских кровей из крепкого рода Редькиных, Ивашкину Марию Григорьевну, с годовалой дочкой Тamarой. А 25-го мая 1940 года родился я. В это время наша семья с бабушкой, Ивашкиной Варварой Васильевной, урождённой Редькиной, проживала в арендованном, скорее всего, доме в городе Алма-Ата на улице Пушкина. Помню цокольный этаж, открытую веранду, фруктовый сад, крыльцо, под которое я прятал всякие «железки». К ним у меня с детства и до сих пор какая-то привязанность, уважение. Помню, отобрали у меня большие мальчишки шприц-маслёнку. Помню ведь до сих пор! А до четырёх лет воспоминаний нет.

1941 год. Война! Отец ушёл на фронт. Он попал в артиллерию. Казахстанцы начали войну под Тулой, где наступали танки Гудериана. Отец после войны рассказывал нам о фронтовых буднях, но как-то неохотно, часто умолкая, как бы погружаясь в то, чего нам было не понять.

У него было два ранения и контузия. Из госпиталей сразу попадал на фронт. После контузии он стал плохо слышать, в ноге и под лопаткой у него остались осколки.

Отец писал стихи. В письмах с фронта он часто посвящал их моей матери. Она не хранила его писем, и нам, уже научившимся читать, немного удалось прочесть. Вот обо мне: «...И он устроит вид печальный, как будто бы он загрустил, как будто бы часы за чаем нечаянно он проглотил...». (Это когда я обнаружил, что у меня сердце стучит). Или вот – матери:

*«...Ты стахановка завода,
Это знаю я,
Ты работаешь для фронта,
Милая моя...»*

Сочинял он и песни. Одна из них, «Шинель», хорошо мне запомнилась:

*«Шинель ты серая, моя ты спутница!
И в зной, и в холод, и в распутицу
Везде и всюду ты со мной.
Ты над кострами опалённая,
Солдатским потом просолённая,
Шинель, ты стала мне родной!*

*Тебя, шинель, ношу я с гордостью.
Солдату служишь ты с покорностью,
Как нашим предкам в старину,
Тебя носили деды-прадеды,
С тобой в походах, битвах ладили,
В боях за Родину-страну...»*

Мы слушали, он пел, и на его глазах появлялись слёзы:

*«...Когда приду домой с победою,
Я о тебе родным поведаю...»
А ещё – такие:*

*На закате ходит Гитлер
Возле бункера своого;
Поморгает он глазами
И не скажет ничего.*

*И кто его знает,
Чего он моргает...»*, и т.п.

Было у нас несколько фотографий с фронта, где отец с сержантскими погонями среди бойцов. Побритые, подтянутые бойцы; бодрый, серьёзный взгляд нам, ждущим их возвращения. Были и письма, были и фотографии. Не сохранилось. Видно, просто не до архивов было.

Мама работала на каком-то заводе. Бабушка Варя до войны работала директором ресторана; на фото она среди большого коллектива. (Как умели раньше делать чёткие фотографии! Каждое лицо выделялось во всех подробностях!) Бабушка не скрывала, что уволили её не совсем по собственному желанию: видно, грамотёшка была слабовата. В военное время она тоже не сидела дома, и мы с сестрой Тamarой подолгу оставались одни. Помню, как мы с ней наперегонки бежали отпирать дверь. Я влезал на табурет и дотягивался до большого, как мне казалось, и тяжёлого крючка.

Ах, наша бабушка! Она была опорой и хранительницей семьи, семейным, а иногда и не только семейным врачом, судьёй и защитницей. Бабушка Варя одевала нас с помощью швейной машинки. Эта ручная машинка была нашим главным сокровищем пожизненно. Бабушка на ней перешивала, перелицовывала, латала... Ногти на её левой руке были очень некрасивы: прошиты иглой, и многократно. (Когда она замечала, что я грызу ногти, она подносила мне к носу свой, изуродованный: На, мол, погрызи и этот!)

Она знала и собирала травы; научила и нас разбираться в названиях и свойствах многих растений. Она сама принимала роды. Мои братья и сестрёнка Оля родились дома. Мы любили бабушку, любим и будем любить её светлый образ.

Варвара Васильевна Редькина родилась в Мордовии, в многодетной мордовской семье, бегала на лыжах в школу, рано привыкла к крестьянскому труду. Удивительно мягкий характер,

покладистость и незлобивость, готовность помочь, пренебрежение к мелочам... Да есть ли хоть одно тёмное пятнышко на этом удивительном образе, матери семерых детей, четверо из которых погибли на фронтах финской и Великой отечественной войн, а пятый, Александр Гулевич, не успевший повоевать лётчик, потерялся без вести на просторах Казахстана с молодой женой и годовалой дочкой. Первым мужем Варвары был Григорий Ивашкин, вторым – Гулевич (имени не помню; обоих дедов я не видел). Остались у бабушки из семерых детей дочь Мария, моя мать, дочь Анна Гулевич и падчерица, Прасковья Ивашкина, хуленькая тихая женщина с двумя сыновьями, Геннадием и Владимиром, с которыми и жила она в Кировском районе города Кемерово. Жилищем им служила комната в длинном бараке, набитом клопами, тараканами и шпаной.

Нельзя сказать, что наша семья в годы войны голодала. Но есть хотелось всегда. Провизией ведала бабушка. Трогать продукты из шкафа было наказуемым деянием. Поверьте, я до самой старости сохранил это справедливое табу: утащить из холодильника вкусный кусочек – это проявление жлобства. Еда должна делиться на всех. Иногда приходится видеть, как человек с какой-то злорадной торопливостью хватает у всех на виду лучший кусок, будь это квартира, место в трамвае, место под гараж или дачный участок. Да если бы только иногда!

Отрежет, бывало, бабушка и раздаст каждому по куску хлеба, достанет банку с топлёным маслом, а мы и подставляем свои куски. Захватит она ножом и намазывает, и намазывает масло на твой кусок. Радость зашкаливает! И вдруг – раз! – тем же ножом масло снимает с твоего куска и намазывает уже на следующий. Есть правило: не распускай мечты выше возможного. А вы думали, зачем в хлебе дырки? Для масла!

С раннего детства помню наизусть Гимн Советского Союза, «Вставай, страна огромная», «Ой, туманы мои, растуманы»...

Особенно брала за детскую душу песня в исполнении хора им. Пятницкого, где были такие слова:

*«... Замети-и-те, ветры буйные
Все дороги-пу-у-ти,
Чтобы ворогу, чтобы лютому
От беды не у-уй-ти»...*

Кажется, она называется «Белым снегом». Главное в ней – мелодия. В исполнении приглушённых женских голосов она звучит, как волчий вой, ничего хорошего не сулящий врагу. Одна ненависть!

Но вот кончилась война. Победа!!! В Алма-Ата пушечный салют. Гром артиллерии, фонтаны разноцветных огней... Мать выносит меня, сонного, на веранду, завернув в одеяло. – Конфетки!,-приходит мне в голову при виде такого яркого зрелища.

...Сидим на веранде. Почему-то все знают, что придёт наш отец. Приближаются трое военных.

– Вон твой папа! Тамара вскакивает, а я через калитку бегу им навстречу. Кто же из них папа? Отец шагнул мне навстречу. Высоким был мой отец, не смог я обхватить его за шею. Подпрыгнул, да и сорвал с него сержантские погоны! Его спутники засмеялись: – Ну вот, и разжаловал тебя сынишка!

Недолго мы прожили в Алма-Ата. Отца направили по бухгалтерской части в маленький посёлок у истоков речки Каскеленки. Там же нашёл себе работу и младший сын бабушки, Александр Гулевич, красавец, озорной, холостой. Прозвище ему дали там «Саша Бяка». Из-за девушек от местных парней, помню, оборонялись. Отец стоял у окна с утюгом...

Там я пошёл в школу; она была километрах в трёх от посёлка, за железнодорожной веткой, на станции Илийск. Дорога до школы была для меня прекрасным уроком природы. Можно было пробовать на вкус травы и семена, выкапывать луковицы

кандыка, рвать гусиный лук. Иногда приносил я к обеду шампиньоны, а то и черепаху. Бабушка с черепахами управлялась ловко: бросит в кастрюлю с кипятком, придавит её крышкой, тут она и душу отдаёт. А потом поставит её на пороге «на ребро», и развалит пополам топором.

Однажды я принёс большую черепаху. (Поверьте, это весьма непросто – донести её до дому голыми руками). Бабушке некогда было кипятить воду, и мы с ней решились на эксперимент: отрезать ей голову и оставить до завтра. С великим трудом поймали шею, отрезали. Просыпаюсь утром – черепаха ползает. Без головы-то! На другой день – ползает. И на третий чуть шевелится.

Так и не решились мы сварить из неё суп. Выбросили...

В военное время черепах в степи бригады заготавливали полными кузовами, а потом сопровождали, предотвращая бегство с машин палками: стукнешь – спрячется в свой панцирь.

Недолго мы прожили и в этом посёлочке: отца направили на работу заведующим пекарней в город Кустанай. Помню, там была сосновая роща. Какой запах! Помню ледоход на реке Тобол. Плывут и громоздятся друг на друга громадные, толстые льдины, стога сена, доски... Собака на цепи, прикованной к будке, пытающаяся залезть на неё... Страшно!

Болел я тогда сильно. Бабушка поила меня горячим молоком со свиным жиром.

И, опять же, недолго пробыли мы и в Кустанае. Отец получил направление в посёлок Баканас, главным бухгалтером в контору «Заготскот». Нам отвели половину двухквартирного домика. В посёлке была начальная школа. Уроков я почти не учил. Четыре класса я был отличником просто так, не очень утруждаясь. Это мне и аукнулось впоследствии, когда пошли алгебра, тригонометрия... У нас всегда было много книг, и все мы любили читать. Может быть, поэтому я всегда писал без ошибок. Я удивлял учителей безупречным знанием пунктуации,

синтаксиса, орфографии... А правил я почти не учил. Там такие дебри! (Не подумайте, что хвастаю; врождённая грамотность существует. Я чувствовал, что правописание не пришло извне, а «вспомнилось» мне, едва я научился писать.) В старших классах мне учительница отдавала иногда урок диктанта, а сама уходила по своим делам. Меня подозревали в том, что я списывал сочинения; мне иногда давали на проверку тетради...

Посёлок Баканас! О нём, о его истории, о его природе, населении кто-нибудь, конечно же, написал увлекательную книгу. Я только передам общий портрет места, где началось и кончилось моё детство. Саманные домики, обмазанные глиной, с глиняными же плосковыпуклыми крышами. Летом кое-где юрты. Нарядные одежды – лишь по праздникам: частые пыльные бури, врывающиеся из примыкающей к посёлку пустыни Сары-Езек-Атырау, миг оставляют повсюду доминирующий серый цвет. Сила этих бурь такова, что они до крови секут песком голые икры.

Пыль проникает в классную комнату настолько густо, что не видно доски. Тогда наша задача – защитить дыхание. Я обычно закрывался кепкой, дышал через неё. Буря длилась обычно не более двадцати минут, а потом мы сметали пыль с парт, отряхивались... «Баканасский подметала» – так называла этот ветер бабушка. Буря уносила с улицы мусор и глубокий слой пыли, натопанной копытами овец, лошадей, коров.

Южнее посёлка текла река Или, приток озера Балхаш. В этой реке я научился плавать, поймал на удочку первую рыбку – сазанчика. («Кормилец ты наш! – ласково сказали мне тогда бабушка.) Возле реки был широкий луг, заливаемый в половодья. Он, заросший травами и цветами, был полным контрастом степной стороне. Там мы, трое сорванцов, были в полной свободе – вот что украсило детские наши годы. Мы лакомились ежевикой, барбарисом, шиповником, джидой. Спелые, чёрного цвета ягоды джиды – абсолютно как маленькие финики. Мы постоянно же-

вали длинные корни солодки. Сколько же метров мы их съели! Мы купались, ныряли, барахтались в тёплой грязи и, был такой грех, запускали руки в птичьи гнёзда...

А с другой стороны посёлка, за неширокой степью, начинались песчаные барханы, за которыми, в свою очередь, даже с высоты маленького роста виднелась полоска зелёного леса. Основу этого леса составляли туранги. Это что-то вроде осокоря: высокие, корявые и дуплистые деревья, каждую весну увешанные красными серёжками, с листьями, похожими на осиновые. Росли там и разные кустарники, саксаул, туя, вездесущий чингиль. И ещё – разнотравье, будто это не в знойной степи, а где-нибудь на острове.

Несколько раз мы втроем прорывались туда, в этот рай, преодолев раскалённые барханы.

Мы соображали, что, выйдя рано утром, доберёмся раньше, чем накалится песчаное пекло. А уж там, в турангах, прохлада! Правда, воды там нет. Однажды, возвращаясь, мы еле дотащились до крайних домов, увидели мальчика и попросили воды. Ему пришлось два раза бегать домой с ведром, чтобы напоить нас. Этот оазис до сих пор, как чудо, в моей памяти: там змеи, ящерицы, тушканчики, черепахи; там синяя птица (голубая сорока), дупла удонов, там в огромном гнезде беркута устраивают свои гнёзда мелкие птицы...

А пустыня весной преображалась сказочно: впадины между барханами, как красным бархатным полотном, заполнялись алыми маками! Удивление, восторг, недоумение: Откуда? Как могли сохраниться семена растений в этом безжизненном пекле? Но – декорации убираются уже через полмесяца, и пекло снова драпирует пустыню в серый цвет до самой зимы.

А у нас родилась сестрёлка Оля. Няньчиться с маленькими – просто наказание. Как привязанный! А как хочется свободы, ведь мир волшебным образом интересен! Своими впечатлениями я делился с бабушкой Варей. Дитя природы, она с большим интересом

слушала, дополняла, объясняла... До конца дней своих она не теряла интереса ко всему, что происходит на свете. Она, получившая знания из книг, из своих открытий и впечатлений, перенявшая и сохранившая знания своих предков, для всех нас была энциклопедией жизни. Как мы любили нашу бабушку Варю! Не сетуйте на слишком частое упоминание о ней: если бы у каждого из вас был такой светильник доброты, сколько сердец не познали бы злобы, жадности, зависти... Только любовь! Картинка:

Мать собрала меня, первоклассника, в школу. Надел я свою необъятную чёрную шинель с якорями на стеклянных пуговицах, которая доставала до земли, и шагнул за дверь. Метель сразу набросилась на шинель, на сумку с книжками... Вместо дороги передо мной – поперечный поток позёмки, а кроме пурги – никаких ориентиров. До школы около трёх километров. Я как-то сразу растерялся: как же я смогу взять правильное направление? Иду. Продувает мою морскую шинель! Минут через пять – сзади какой-то толчок... Бабушка! С байковым одеялом подмышкой. По следу, говорит, нашла, не успело ещё замести. Закутала она меня, а сама-то наспех одета, волосы снегом замело. Вернулись мы с ней домой.

В Баканасе не было богатых людей. Вот только Чижовы... Отец у Серёжки Чижова был в военной форме и служил каким-то начальником. У Серёжки была издевательская манера: выйдет на крыльцо и молча ест белую булочку, чтобы всем было видно. Помню, однажды он сел какать, а когда он ушёл, мы пришли посмотреть, отличаются ли от наших какушки богатых. – Да, отличаются, – констатировал наш консилиум: они были светлые и гладкие.

Наш четвёртый класс на фото выглядел так: на переднем плане вытянутые к объективу босые ноги, серые, толстокожие, с широко отставленными большими пальцами. Это мы сидим на полу: Борька Филимонов, я, Вася Аверьянов, его сестра Люба и ещё кто-то. Вокруг нас стоят ученики и ученицы, а в центре

стоит наша учительница, Анна Григорьевна. Она была худенькая, миловидная и выделялась светлой кофточкой.

Она не была строгой; это ей и не надо было. Каждое её слово мы ловили всем классом, а каждый чей-то проступок непременно приводил к искреннему раскаянию, сознанию вины именно перед ней. Велика моя любовь к таким прекрасным людям! Она осталась в моей памяти светлой-светлой.

Аверьяновых, Васю и Любу, я любил особо. Они были нищими. Люба часто ходила по посёлку с сумкой; добыча её обычно еле виднелась на её дне. Жили они на степной стороне с бабушкой, которую они кормили. С Васей мы проводили вместе иногда целые дни, но ни разу он не позвал меня зайти в избушку. Я догадывался, что бабушка у них больна, но что всё же могла и прибраться в жильё, и постряпать какие-то волокнистые лепёшечки (однажды Вася угостил меня).

Вася и Люба... Они пожизненно передо мной, как живые и как родные, само олицетворение детской нищеты: десятилетний Вася, сильно загорелый, скуластый, тонконогий, с чистыми-чистыми карими глазами, в которых постоянно таилась какая-то напряжённая мысль, и девятилетняя Люба, простоволосая, в серой юбке из толстой ткани, всегда с опущенными ресницами, молчаливая и сосредоточенная. Почему я не художник! Я написал бы не только их портрет, но картину «Наше детство». Когда Люба выходила к доске, она стояла всегда с опущенной головой. С ними никто не дружил, хотя все им сочувствовали; просто интересы и образ, как говорят, жизни ни с кем не совпадали. Они не играли с нами на реке и не ходили в пустыню: им некогда было бродяжить. Учились они успешно, но для них это было побочное занятие. Главное – как прожить, если помощи нет ни откуда. Я помогал ему собирать кости, макулатуру... Откуда в маленьком посёлке бумага, тряпки? Они не выбрасывались, всё шло в дело. Кости – другое дело. Их-то вокруг Баканаса было много.

Старьёвщик объезжал посёлок регулярно. Мы с Васей старались накопить костей побольше, чтобы пистоны или крючки у него взять, а капканы: суслики составляли значительную часть в Васиных хлопотах. Шкурки он, высушив, сдавал в ГОХ, а мясо... Я не видел, чтобы они его выбрасывали. После школы мы отправлялись сначала проверять капканы, а уж потом – по домам. Пойманных черепах я отдавал ему.

Костей мы вокруг посёлка было много – лошадиных, верблюжьих и прочих. Примерно в двадцатые годы, как говорили старики, был повальный падёж скота. Будто бы тогда имам разрешил, в нарушение Корана, есть черепах, по-казахски «бах». А слово «аз» означает есть. Так, мол, и прозвали здешний аул поедателями черепах.

Наша семья в эти годы не голодала. У нас был огородик, хорошо удобренный; бывало и мясо в супе. Появился как-то в нашей кладовке купленный отцом козлик Борька. Мы с ним так подружились, что даже на уроках мысли о нём отвлекали меня. Он как будто понимал, чего я от него хочу. Мы с ним играли в догоняшки, бодались, я ездил на нём верхом... Но настало время, и меня куда-то зачем-то услали. Прихожу, а мой Борька... Ужас! – висит вниз головой, а какие-то два мужика... Картина – на всю жизнь! Как я смог это пережить? Пережил, как видите, но тот кошмар врезался мне не только в память, но куда-то глубже.

Однажды пришёл к нам в гости на обед директор «Заготскота» Койшагулов, папин начальник. Бабушка сварила борщ с косточками, налила ему большую тарелку, а он:

– Слушай, Пеньков, как ты живёшь? Огород – трава... Окошком – трава... Кушайт – трава...

Не нравится казаху русская еда! Казалось бы, чего ещё ему? Вот и кусочек мяса есть, и хлеба много. Наелся, да и попукивай. Ан нет! Не может казах без мяса. И орочён не может, и бурят, и эвенк, и... Не хотят они есть капусту и всякую там мор-

кофель. Не для того ли и пасутся на бескрайних степных просторах бесчисленные стада, чтобы каждый уважаемый прокурор, член райкома, а тем более сам директор и все уважаемые им лица, могли бы запросто в любое удобное время приехать к отаре, да перекинуть через седло пару курдюкастых барашков, которых сам же гуртоправ и поймает, и подсадит на лошадь? Вот и чабаны – они ведь тоже редьку с квасом в глаза не видели. Но! Стада-то государственные! Зарплату гуртоправам главный бухгалтер Пеньков сам развозит, сутками не слезая, как говорится, с седла. Работа у гуртоправа тяжёлая: под раскалённым небом найти корм, сбереечь стадо от четвероногих, да и двуногих хищников... Однажды привёз отец гуртоправу Исмагулову вызов в военкомат, подписанный самим военкомом Нурмангалиевым. А отары окружены на острове водой! Разлилась река Или. Гуртоправ написал ответ:

*Тыща голов, сто коров.
Кругом вода, где дорог?
Военком Нурмангали шагом марш!
Исмагулов Мукаш.*

Нет, не дармовые овечки пасутся в степях.

Главный бухгалтер Павел Алексеевич Пеньков был дотошен. У него всегда и во всём должен быть баланс. Для того и прислан он сюда. Он всегда был прав, но только с точки зрения закона.

Ему доказывали, что все так живут, что овечки ещё наплодят, что никому в голову не придёт считать тысячные отары, тем более за вычетом поднесённых любимому начальнику парочки голов.

Он – своё: Воровство – это недостойное, незаконное дело, что, мол, вам разрешается иметь свой скот, нанимать чабанов, чтобы всё по закону, по чести-совести. Ах, эти законы! Не так

уж достойны уважения наши законы и в нынешнее время, а уж в сталинское...

Посадили отца. На десять лет! Чуть ли не за «разбазаривание»! Делопроизводство велось на казахском языке, и даже дядя Саша Гулевич, немного знавший казахский язык, не понял, какие «свидетели», какие показания давали. А ведь отца сразу предупредили, что с его принципами наживёт он себе врагов!

Мне было восемь лет. Шёл год 1949-й.

А у нас уже учился ползать четвёртый малыш, Володька. Ох, и намучались мы с ним! Постоянно плачет, корчится. Бабушка усыпляла его иногда отваром маковых головок.

Из домика нас выселили на улицу. На краю посёлка нашёлся воистину добрый человек лет сорока, по фамилии Гагарин. Куда-то он собрался надолго, а нам позволил поселиться в своей маленькой землянке на берегу Или. В ней помещались столик, печка и две кровати. Электричества не было. Окошечко глядело на огород, а за ним – река Или. Разрешил он нам пользоваться и кладовкой, с условием, чтобы не трогали его железок. Ах, какие там были железки! Я подолгу их разглядывал. Каждая – ребус: Для чего? Почему вот такая форма? Но – не трогать, так не трогать.

Летом мы с Тamarой спали в этой кладовке на полке.

Пол в землянке мама с бабушкой выглаживали, как и все, разведённым коровьим помётом, заделывали щелки и дырки, чтобы не заползали тарантулы, фаланги или, не дай бог, скорпионы.

Опаснее всего вся эта компания была в сухих кизяках, которые мы мешками собирали на топливо.

Когда мы вечерами делали уроки, на свет керосинки с огорода летели медведки и со всего разлёту колотили в стекло. Стекло выдерживало. Оглушённых медведок утром жадно съедали куры.

На огороде разбойничали медведки, колорадский жук, саранча и чужие козы.

Это были самые голодные годы. Мать работала секретарём-машинисткой с зарплатой 18 руб. Она кормила грудью Володьку, а остатки молока сцеживала в стакан: нам по очереди доставался этот сладковатый и жидковатый продукт. Скармливание грудного молока взрослым детям было явлением обычным. Однажды наш двенадцатилетний компаньон не вышел играть с нами. Заглянув в окошко, мы увидели, как он, примостившись между колен сидящей на лавке матери, сосёт у неё сиську!

Там я дважды переболел малярией. Теперь не все знают, что это такое, ну и я не стану описывать свои ощущения. Главное, выжил. А лечила меня бабушка рыбьей жёлчью. Много, много пузырьков жёлчи отправил я в свой выносливый желудок. А ещё у нас часто гноились глаза. Просыпаемся мы с Тamarой в кладовке на полке, а глаза разлепить не можем. Кричим бабушку. Мокрой ваткой она размачивает, трёт, меняет ватку... И так каждое утро...

Однажды произошло «чудо». Ночью какой-то мужчина открыл дверь, молча зашёл в землянку, положил на стол целую буханку хлеба и так же молча ушёл. Утром мама с бабушкой оживлённо комментировали это явление, а мы с Тamarой в чуде-са уже не верили. Да больше они и не повторялись.

Мамин брат, Гулевич Саша, пристроился к корейской рыболовецкой бригаде; я иногда бегал к нему на реку, и главный кореец позволял взять несколько рыбин. Основная рыба в реке Или – маринка. Вкусная, но с ядовитыми икрой и внутренностями. Бабушка ухитрялась из внутренностей вытапливать жир, который шёл и настряпню. У меня с рыбалкой не получалось: то ли вода всегда мутная, то ли снасти не те... Капроновую леску бы мне тогда!

Пытались вызволить отца, писали чуть ли не Сталину. А бумаги каждый раз возвращались к тем, кто его и упрятал! Система, однако. Наверное, и до сих пор наши законы вот так «правоохраняют». А тут и Гагарин вернулся. Исключительно душевный человек! Он и подождал, пока мы определимся, пока соберёмся... Сам помогал, сам машину искал. Попрощались мы с ним, как с родным. Больше ни с кем не успели попрощаться, загрузились и поехали в Алма-Ата. Все уместились, кто в кабине, кто среди узлов и матрасов. Кроме меня.

Прощай, Баканас! Прощайте навсегда, Володя Бельс, Вася Аверьянов, Анна Григорьевна!

Прощайте все, кого злая судьба насыпала горохом на пропечённую солнцем горькую степь!

Прощайте, пленные японцы, трудяги-корейцы, предприимчивые китайцы и бодрые духом немцы. (Немцы, будучи привезены на голую землю, сразу взяли лопаты, вскопали глину, залили её водой, попросили формы для самана у местных... Они построили ровный ряд домиков, и побелили их белой глиной, и даже, – не поверите! – палисадники под окнами отгородили, тем же саманом, чтобы лошади оконные рамы не глодали.)

Дядя Саша договорился со шкипером, и я с узелком поднялся на баржу, которую за два дня дотащил шустрый катерок до железнодорожного узла. В столице нас на неделю приютили родственники Гулевичей. Они помогли нам купить билеты до станции Болотная, где искони жили Вотинцевы. Вотинцевы проводили нас на станцию, прощались, плакали... Но поезд не пришёл, и бабушка вернулась за телегой. Погрузились, вернулись. Та же картина повторилась и в другой раз. Провожая нас на станцию в третий раз, родственники уже не плакали.

И вот мы прибыли в деревню Комиссарово, что недалеко от города Кемерово, к тётке Нюре Гулевич. У неё был деревянный дом с огородом, а посреди огорода... берёзка! Она, совсем молодая, стояла недвижно в сгущённом вечернем воздухе. Как я

ей обрадовался! Я гладил, щупал её нежную кожу; обнаружил, что она пачкает руки... Я часто бегал к ней и разглядывал. Кажется, простите за лирику, мы с ней сразу породнились. У тётки на столе дышал волшебным ароматом полный чугунок, и мы вволю наелись картошки. И вообще по прибытии в Сибирь стали понемногу забывать про голод. Перебрались мы на шахту Ягуновская. где и выделили нам комнату в деревянном бараке. Мать устроилась буфетчицей в бане. Мы расчистили пустырёк под огород, матери отвели поле под картошку. Опять завели кур, потом кроликов. Топливом весь шахтерский посёлок снабжал громадный отвал – террикон. Опасность попасть под летящие с вершины куски породы только придавала нам этакое ухарство. Собирали куски угля, доски, щепки. Прилетали и брёвнышки от крепежа. Возили подростки добычу в больших деревянных ящиках на полозьях.

Часто дети уголь продавали во двory. У хозяев во дворах были сооружены углярки для запаса на зиму. Конечно, уголь можно было выписать на шахте, но там он и качеством хуже, и за деньги. А этот – отборный, лучшие, крупные куски. Антрацит!

Природа Сибири сразу очаровала меня. Это же совсем другой воздух. Не надышишься! Густой, прохладный и напоённый непонятными добавками. Холмистая местность, маленькая речушка, в пойме которой незнакомые растения. Мне столько много предстояло открытий! Вот это – лабазник, а это, оказывается, таволга, а там – манжетка, кровохлёбка, калужница, огоньки, водосбор, медуница... Бабушка едва успевала их называть, рассказывать об их, так сказать, житье-бытье. Как много она знала! Позже, уже взрослыми, мы обзавелись определителями растений, насекомых, минералов.

Нравы местных детей несколько обескураживали: здесь можно было бить лежачего, нападать по двое-трое на одного; здесь девчонки играли вместе с мальчишками и даже дрались с

ними. Здесь девочки «дружили» с мальчиками, и это было в порядке вещей. В Казахстане девочки играли отдельно; если мальчик будет замечен среди девочек, его обзовут «девчачим пастухом» и могут отлучить из компании. А если, не дай бог, заметят, что мальчик и девочка симпатизируют друг другу, прилепят им кличку «жених и невеста», да так, что вся школа их будет изводить! Потому-то для меня с детства и пожизненно женщина – загадочное, непредсказуемое существо, прекрасное по своей природной сути. Ударить женщину, сказать при ней неприличную фразу, какую-либо скабрёзность – это опозорить своё мужское достоинство, опуститься в такую категорию, где уже намечается деградация личности.

Здесь, в Сибири, в порядке баловства допускались и неприличное распускание рук, и даже сексуальные намёки, и сквернословие во всеуслышание. Помню, это угнетало меня, привыкшего к мысли, что человек, произойдя от обезьяны, должен работать над своим (или её?) совершенствованием, что миллионы лет для того и даны человеку, чтобы избавиться от тех гадких качеств, которые и не позволяют нам гордиться своими предками. А мне с детского возраста пришлось столкнуться с коварством, жадностью, злобой, презрением, насилием... Долгое время я не находил выхода: как поступить? Мстить? Однажды попробовал, и... сам устыдился собой. Нельзя делать то же, что делают люди злобные. Жаловаться? Но жалкий жалобщик не вызывает у людей сочувствия. Требовать защиты по закону? А кто такой – Закон? Вот то-то! Нет такого государства, где не спит справедливый закон. Потому что Справедливость, равно как и Равенство, Независимость – это придуманные людьми сладкие грёзы, вроде Счастья.

Жила в нашем бараке молодая пара – красивые, весёлые и приветливые люди. Всем они нравились, все, и я, конечно, тоже, радовались их дружбе, их пышущему здоровью. Сядут, бывало, оба на велосипед, и – за горизонт!

Можете ли вы представить, что испытало моё двенадцатилетнее существо, когда на виду у всех они не только поносили друг друга непотребным словами, но ещё и подтверждали их конкретными фактами их подлости, низости, предательства и лицемерия. Как они ненавидели физиономии друг друга! Они могли бы, кажется, вцепиться когтями, клыками...

В моём сознании всё слетело со своих подставок. Как? Зачем они так долго притворялись счастливой парой? Как же и по какой причине эти два негодяя сожительствовавали друг с другом, что их свело вместе? Многие дни эти мысли не находили разрешения.

И вдруг я встречаю их... вместе! Весело щебечут, приветливо поздоровались со мной! Какие негодяи! Сволочи! Они отравили мне всю будущую жизнь. Неужели такие люди – не редкость? Значит, мне тоже может достаться хорошенькая жена, а потом когда-нибудь она меня, найдя повод, обольёт грязью только потому, что я ей надоел? И как тогда поступлю я? И какая причина заставляет людей проявлять такие низменные склонности? Вот ведь в нашей семье никто не конфликтует, все мы друг друга любим, а пуще всех бабушку, а уж она всё-всё любит: и дом, и лес, и соседей. Не было у нас сквернословия, и никто из посторонних у нас не гадил языком. Отец голос повышал исключительно редко, а ругательное слово у него было «язви его». Правых и неправых назначала, опять же, бабушка, и в любых ситуациях поводы для конфликтов уничтожались сразу по появлению. А гадкие выражения – они ведь сначала формируются в голове, а уж потом «слетают» с поганого языка.

Итак, мне предстояло найти ответ: как мне прожить всю жизнь среди людей, когда они не следуют высоким идеалам? И даже не стремятся. И даже бравировуют подчас «умением» изгадить голос, речь, мимику, изобразить непристойный жест... Сколько ещё веков они будут носить обезьянью шкуру? Что мешает им, людям, обладающим изоощрённым и могучим умом,

жить красиво, дружно, уважать хотя бы себя? Люди могут и не заметить, что ты, попустившись человеческими принципами, опустился на ступеньку ниже. Но сам-то ты с этого момента знаешь, что ты негодяй! От себя-то не скроешь. И что же тебя спасёт от пожизненного самонеуважения? Ты же не сможешь смотреть людям в глаза, а жизнь-то прожить можно только среди людей...

Нашёл я выход: пока жить интересно, пока в мире столько неоткрытого, буду жить. Людей изучать. Лет тридцать. Потом станет неинтересно; разговоры взрослых людей редко интересовали меня:

– «Вот вчера зашёл я к Р ...нову, потом его зять пришёл, что на почте работает; у него ещё на ноге операцию делали. Так вот, решили они к тёще съездить, посмотреть...», или:

– «Семёновы собрались нынче на курорт поехать. Я им посоветовал в Геленджик. Я там два раза был: в пятьдесят втором, кажется, а может...» или:

– Я говорю ей: – Ленка! А она мне говорит: – Чо? А я спрашиваю у ей: – Ты сколько раз в кино ходила?...» И так далее, и ещё далее.

Разве это вообще может быть интересно?

А потом – семейная жизнь. Скандалы: – «– Ты мне все нервы истрепал!», «А я тебя и никогда и не любила!», «– Заткни свой рот!»... Притом, это всё произносится непременно противными голосами. И это, называется, взрослая жизнь?!

В школе у меня начали появляться тройки, по математике, в основном. Красный галстук с меня однажды содрали: – Спрячь, мол, этот ошейник; когда надо будет, тогда и наденешь! Разговоры в этих краях велись громче, чем в Казахстане: там стукачей было больше. Казахстан был ссылкой для тысяч немцев, поляков и ещё кого-то там неугодных, и за всеми был гласный надзор и негласная слежка. Сексоты – это не поганая кличка, а просто секретные сотрудники, каковых и в наши вре-

мена охотно используют для сбора информации и ФСБ, и полиция, и начальники, и директора школ... А почему бы нет? Сам человек хочет порадовать государственному интересу, авось и ему перепадёт чего-нибудь. Стукач и в любом коллективе – почти непременный атрибут. А в Сибири люди даже про Сталина хорошие песни пели, правда, небольшими компаниями и вполголоса.

Понемногу я стал обзаводиться друзьями. Самым близким мне по характеру стал Яша Романов. Как он рисовал! Какая у него была выдержка, сосредоточенность, почти мудрость. Само собой, учился он примерно, и, хоть и тоже, как оказалось, был чистокровный мордвин, русский язык, и письменно, и устно, знал отлично. Надо сказать, в нашем классе Антонина Петровна научила детей выдавать заранее обдуманное предложение: сначала оформи мысль, если она есть, а уж потом, после проверки, как при письменной работе, выдавай её «на-гора». Коля Дударев, перед тем, как сказать, даже губами шевелил так, что его мысль можно было прочитать! В честь Яши Романова я назвал своего среднего сына.

Учитель истории вёл кружок музыкальной грамоты, там я научился извлекать мелодии из домры. Смешливый он был. Помню: «Во-са-ду ли, в о-го-ро-де чёрт кар-тош-ку ро-ет...» А когда я увлёкся музицированием, бабушка купила мне на день рождения... мандолину!

Этот инструмент прошёл со мной и всю студенческую юность, и армию, и семейный период жизни; мои дети, мои братья – все овладели скрипичным строем с медиатором. Я пережил две мандолины, четыре мандолы и четыре гитары, на которых тоже побрякивал при случае. Сяду иногда вечером возле своего барака, играю что-нибудь из новых песен (обычно они заучивались на киносеансах). Дети, подростки, а изредка и взрослые, подходили, слушали, иногда подпевали... С этих пор я понял, что хорошо умеют петь не заслуженные, специально натрениро-

ванные, а те, кому нравится песня. Заслуженные – это они названы по праву. Они служат. Им противно петь одно и то же, да ещё и несколько раз в день. Из года в год! Но – надо, ради денег, ради искусства. И голоса у них искусственные, не западающие от такой нагрузки ни в хрипоту, ни в фальцет... А вот подошли ко мне три девочки, и две из них запели незнакомую песню. Как они душевно пели! На два голоса. Заслуженные так никогда не сумеют:

*«Разбудил меня стон
В эту тёмную ночь –
Предо мною цыганка стояла.
И попросила она,
Чтоб я горю помог:
У костра её дочь умирала...»*

Незнакомую мелодию я подобрал без труда. Нехитрая эта песня просто ковыряет душу, как хирург печень. Но даже если она попадётся где-нибудь в интернете, её не споют так, как те девочки из нашей школы. А в худшем – услышишь какую-нибудь извращёнку, в какую превращают теперь прекрасные песни наших лучших композиторов, не говоря уже о народных песнях. Мы, послевоенные, пели, например, такую песню:

*«Под ракитой зелёной
Красный раненый лежал.
Он к груди, штыком пронзённой,
Крепко шашку прижимал.
Из его глубокой раны
Кровь стекала на песок,
А над ним кружился ворон,
Чуя лакомый кусок.
– Ты не вейся, чёрный ворон,*

Над моею головой...

Ну, а дальше текст всем знаком.

Так вот: Нынче взбирается хор на сцену, и под взмах дирижёра игриво так взрывает:

*– Чёрный ворон, чёрный ворон,
Что ты вьёшься надо мной!?*

И в самом деле – какого ему рожна надо, этому самому ворону? Ну, хор как хор; стоят, приосанившись на сцене, а ворон тут как тут – так и вьётся, так уж он и вьётся, проклятый!

Правда, скорее всего в этой песне речь шла о раненом казаке, коли уж его не саблей, а штыком достали. Но всё равно жалко. И песня-то душевная была. А теперь? – Срам!

Или вот:

«Роспрягайте, хлопцы, кони...»

Это какие-такие «кони»? Не учила ли и вас ваша Антонина Петровна: – Прежде, чем открыть рот, проверь, всё ли в порядке в мозгах!?

Нет, наши дети уже не услышат хороших, душевных, что называется, песен. Да и песен, как таковых, пожалуй. «Шлягеры», «хиты», какие-то «синглы» – вот какую погань будут им вгонять в натруженные уши модные, с кандибоберами, наушники.

Итак, мандола всегда была со мной. Поверьте, она помогала мне обрести равновесное состояние, когда меня начинало «заносить». Дело в том, что я был изрядный псих. Малейшая несправедливость, даже по мелочи, заставляла меня только на этом концентрироваться; обида захватывала меня полностью. Все мысли направлялись на поиски путей восстановления правды, справедливости. Эмоции, однако! И это было сильнее меня.

Ощущение бессилия отупляет, ослабляет волю. Прежде чем справиться с этим пережитком человеческой природы, мне пришлось много узнать, послушать умных людей, подержать в руках учебник диалектики, основы социологии, прочесть кое-что из классики, пообщаться с бывшими «зэками». Это сейчас я могу сказать, да и то не всегда, что обидчивость – это недостаток воспитания:

*Обидчик твой – такая гнида!
Он сладко ест и крепко спит:
Ведь это – лишь твоя обида,
Она т е б е принадлежит...*

Путь совершенствования начертан во многих религиях. Это – основная цель нашего существования на планете. Как во времена Аристотеля, стремление к Нусу, даже не Богу, а просто к точке во Вселенной, прекраснее которой не может быть. Школьнику таких наук не преподают. А почему? Сколько подростки ломают головы над вопросами мироустройства, где они сами себе кажутся ничтожными, никчёмными, чуждыми всему миру! А ведь основные три закона диалектики они усвоили бы за одну учебную четверть!

Образование и надо начинать с основ философии; тогда и мировоззрение ребёнка будет наращиваться, как кристалл на заправку, и его разрозненные знания не приобретут бесформенную массу, лишь забивающую ему утомлённую голову, не сопротивляющуюся всяким верам, поверьям, поветриям, дезинформационным атакам. Устойчивая психика формируется надёжными знаниями. Человек–конформист – как хамелеон, принимающий окраску окружающей местности автоматически. Ренегаты – таково их амплуа в политике. Таковы люди в большинстве, и это не укор: ведь всё меняется, а жить хочется, а мы-то ещё не произошли, только начали происходить, да и то с большой неохо-

той: совершенствование требует усилий, притом внешних. Только барон Мюнхгаузен смог сам себя вытащить за волосы из болота.

И только прожив больше половины жизненного пайка, я мало-помалу приучил себя ничего не делать и не высказывать в возбуждённом состоянии. А музыка очень способствует успокоению нервов. Недаром на Руси было много обрядовых песен, свадебных, погребальных, утешительных... Да вот и детей, возбуждённых бурной деятельностью, успокаивали и усыпляли песни, и не обязательно колыбельные.

Есть у казахов притча: Сын бая поехал на охоту, и там его растерзал вепрь. Не возвращается отпрыск день, второй... Заподозрил бай неладное и повелел узнать, как сейчас говорят, какие проблемы. – Да помните, – говорит, что за плохие новости я глотку оловом залью! Ну, боятся говорить. Тут один акын-аксакал и вызвался сообщить о смерти сына жестокому баю. Взял он домбру, сел против бая и начал молча играть, понурился головой. Слышит бай, и как будто наяву всё: скачут счастливые охотники, ветер свистит в тетивах... Первая стрела, вторая... Ах, конь спотыкается в сусличьей норе... сын не успевает встать... Какие страшные клыки-ножницы у этого секача! Всё увидел бай будто наяву.

Даже в горе не справился бай со своим гневом – велел влить в домбру расплавленный, как его бешенство, металл. Но как много может музыка!

Когда мы ехали в теплушках в армию, один парнишка удивился: «– у тебя мандолина как будто и слова выговаривает!». Я это к тому, что, выбрав мелодию по своему желанию, можно настраивать себя сообразно. Я меломан: во мне почти постоянно звучит какая-нибудь мелодия. Это чаще всего бывает незаметно, а иногда прицепится гадость из современного песенного мусора, и раздражает, портит настроение. Я постоянно что-нибудь напеваю или насвистываю во время работы. Однажды

директор завода, услышав, что я напеваю, спросил подозрительно:

– Олег Павлович, вы что, выпили?

А когда я насвистывал красивую мелодию в своей мастерской, дверь открыла директор, посмотрела на меня, шестидесятилетнего, и строго, с расстановкой, произнесла: – Свистеть нельзя!! И пошла прочь.

И зам. директора за её спиной тоже воспользовалась бровями для выражения укоризны. И обе гордо удалились, закрыв дверь. Я дверь открыл и спросил вдогонку:

– А почему нельзя?

– Денег не будет! – чуть подумав, ответила зам. директора на ходу.

Я, глядя им вслед, спросил: – А у кого не будет денег?

Они, наверное, до сих пор думают: – А в самом деле, кому угрожает финансовым крахом мелодия, исполненная свистом?

А когда директор, зайдя на уроке в мастерскую, увидела, что ученик напевает, работая напильником, возмущению её не было меры. Мне пришлось пояснить:

– Если, – говорю, – он поёт, значит, ему нравится слесарное дело. А мне нравится, что он во время работы поёт. Если бы в нашей стране все во время работы пели, а не ругались...

Она молча вышла из мастерской. Сказал же поэт: «Нам песня строить и жить помогает...»

Меломания – это, кажется, тоже зависимость. Иногда одну и ту же мелодию страстно хочется слушать и слушать десятки раз. Дети мои тоже без музыки жизни не представляют. А Женя прекрасно насвистывал довольно сложные мелодии. В шестнадцать лет...

Тамара училась на два класса впереди, и мне с ней было легче. Пристроившись к ней в фарватер, вслед за ней я, как и она, поступил после семилетки в Кемеровский Химико-

технологический техникум. Она училась на химика-технолога, я – на механика химического оборудования. Картинка:

Захожу в кабинет сдачи экзамена по Конституции СССР и не знаю, туда ли попал: сидят на подоконнике два мужика, курят, потихоньку беседуют... Да нет, по адресу попал. Просто один из них принимает экзамен у другого, Саши Талалайкина, будущего ученика и старосты нашей группы М 54. Нам-то по четырнадцать лет, а с нами ещё учились трое возрастных мужичков. С ними не побалуешь!

Много нашего брата отсеялось: и стипендия 18 руб. на первом курсе; не проживёшь, если помощи со стороны нет; за неуспеваемость – никаких пересдач, ну, только если по болезни. У нас и профсоюз был студенческий, защищал при случае.

Мы сами пристроили спортзал, оборудовали электрохимическую лабораторию... Долго, да и незачем, рассказывать подробности. А вот «трудовые семестры» стоит упомянуть.

По всей стране студенты с первого сентября направлялись на помощь колхозам в уборке урожая: колхозы еле сводили концы с концами. У нас был приказ: собраться, паёк на одни сутки, сменное бельё. Всё. Ждите, когда и куда. И так – каждый год, на месяц-полтора. Как характерный, опишу один такой вояж.

Первый курс собрали в спортзале. Четыре группы по тридцать человек, все друг с другом незнакомые, четырнадцатилетние, кто и постарше, собраны в спортзал с солдатскими вещмешками – «сидорами», сумками, или просто с мешками, или с одной сеткой-авоськой. Девочки некоторые даже с чемоданами. У меня – наволочка. Там сухари и пара портянок, обмылок мыла и полотенце. Проходит день – сидим на полу, на своих мешках. Приказ: никому никуда! Укладываемся спать. Девочкам отдаём спортивные маты, сами спим на голом полу. Второй день и вторая ночь проходят идентично. Сухари кончились. Мало-помалу знакомимся друг с другом, делимся крохами еды, ждём баржу. И на третий день после полудня подошёл катер с баржей.

Второй день погода была дождливая. Пока четыре группы дошли до реки Томь, пока загрузились в трюм, слегка намокли, а в железной барже и без того было холодно. Пели «Ванинский порт», «здесь, под небом чужим»... Мёрзли. Сопровождал нас жёлчный и нелюдимый историк Георгий Анисимович Попов. Мы сразу окрестили его Гапоном. Мы для него были чем-то вроде зловредного скота, от которого, кроме пакостей, ничего ждать не приходится. Проплыли против течения остаток дня. Выгрузились под дождиком в грязь, уже в сумерках. Ну, пошли. Сто двадцать голодных пацанов. Следует напомнить, что мы себя считали взрослыми, т. к. детство уже в далёком прошлом. Вот эти все неприятности мы воспринимали, как некую полосу препятствий, требующую преодоления. Итак, прошли мы с полкилометра и вышли к разлившейся речке. Брод. Вода не очень быстрая, но мутная, дна не видно. Затормозились, не смогли. Кто-то попытался разжечь костёр. Не горят мокрые ветки тальника. Дымят только, с поддувом. Какой же надо костёр, чтобы обогреть сто двадцать мокрых людей! Мёрзнем. Стоим. Подъезжает мужичок на телеге. Грузим вещи в телегу. Только она сунулась в реку, вещи поплыли в вечерний сумрак. Мы кинулись в реку за вещами. Один худощавый мальчик разделся до трусов и, ныряя, доставал девчоночьи чемоданы. Помню даже, что его фамилия – Аникин. Герой! Я бы так не смог: тут и так душа из одних пупырышков, а вода-то осенью – смерть! А он, худощавый, без жировых прослоек! Да и дождик. А вот – нырял!

Подъехал верховой, с двумя лошадьми. Эти-то лошади крупные, вода через них не перехлёстывает. Стали помаленьку переправляться по двое. Наконец, пошли в деревню. Месим грязь, согреваемся, выматываемся. Стоит на дороге машина. – Я, – говорит шофёр, – за вами.

Грузимся в кузов, пока не набился полный. Хоть от чемоданов избавились. Поехали. Остальные пристроились идти по

колее. Забуксовали. Вытолкали. Перепачкались; земля в Кемеровской области добрая, жирная, чёрная, пахотный слой глубокий.

Опять забуксовали. Опять вытолкали.

Вот идёт – ноги плетёт наш отряд по деревне. Ни огонька. Только собаки побрёхивают.

Пошёл Гапон начальство искать. Две женщины прибежали, открыли нам клуб; потом привезли два мешка чёрного хлеба и полторы фляги молока. И был пир, жестокий и беспощадный, в тёмном сухом зале очага культуры (свет в большинстве сибирских деревень генерировали до 12 часов.) Но кое у кого были фонарики.

Валялись утром куски хлеба, большие и маленькие, обнаруживая недостатки воспитания городского «шакалья». Шакальё оно и есть: кусками хлеба заманили в клуб гулявшую неподалёку свинью, дверь закрыли; эта туша перепрыгнула через лежащие на подоконнике вещи, выбив большую стеклину.

Правление колхоза решило не оставлять такую энергию без употребления, и мы были тотчас распределены по рабочим местам: копать, строить, убирать, копнить солому, ворошить зерно, засыпать коровник землёй, накопанной тут же... Да, работы в колхозах было очень много. Зарплата нам не полагалась, стипендия шла. Кормили в деревне сытно. Кусок мяса в супе – всегда, похлёбки и каши из разных круп. К тому же мы всегда что-нибудь жевали: зерно на току, капусту на поле, турнепс, морковь, горох... В молокопункте кое-кому и молочко перепало от добрых доярок. А однажды парни грузили сливки и на два дня вышли из строя: кто же знал, что от сливок может быть такой вред!

Обратно возвращались уже с «белыми мухами», в открытых кузовах. Отчаянно продувало нас, прижавшихся комочками друг к другу. Однажды перевернулась машина с моста в речку, упала на галечник, покрытый небольшим слоем воды. Трое вы-

летели дальше, а остальных накрыло кузовом. Шофёр убежал. Ночь, кровь, стоны... Ребята стали останавливать машины на дороге – нет, не останавливаются. Наконец, студенты с Горного Института на двух машинах остановились, сумели поднять борта. Увезли раненых; сами к утру добрались до города.

Утром техникум был похож на лазарет. А одной девочке позвоночник бортом передавило.

Картинка: Гусеничный трактор тащит на сцепке высокий железный комбайн «Сталинец-6». Грохочет трактор, грохочет движок комбайна. Глуховат тракторист Таскаев, не слышит он писклявого комбайнового сигнала. Зароется в землю хедер, стригущий механизм, то-есть, берёт комбайнёр Девяткин горсть зерна из бункера и кидает его в окно трактора, прямо Таскаеву в серый от пыли затылок. Тот, не оборачиваясь, останавливается, сдаёт назад, Девяткин хедер приподнимает, и славный экипаж вятичей, посланный сибирякам на подмогу, продолжает битву за урожай. А чтобы процесс шёл безостановочно, сбоку комбайна подвешена деревянная площадка, чтобы «интеллигенция» т.е. мы с Ваней Юшкевичем, наполняли из бункера и складывали на площадку мешки. Потом к нам подъезжала телега, в которую мы их и перегружали. Главное – никаких остановок. Бункер не должен переполняться, процесс – прерываться.

Однажды на подъёме расцепились комбайн с трактором, и тракторист Таскаев этого не заметил. Кидал Девяткин зерно, да не докинул: далеко отъехал трактор. Комбайн соображал несколько секунд, и, догадавшись, что он совершенно свободен, потихоньку покатился вниз, к реке. А обрыв там скалистый, такой высоты, что мы боялись близко подходить к краю берега. Ползёт комбайн, покачивается; дышлом, что на передних колёсах, страшно мотает на ямках вправо – влево. Ну, мы же умные, догадались: кидаем с Ваней мешки с зерном под колесо. Было бы мешков пять, точно бы остановили. А три – мало. Опять железяка этакая переваливает через очередной мешок, ход набира-

ет. Вот так: идёт наш комбайн к обрыву, а мы – за ним, все четверо, скорым шагом. А всё же мы оказались умней комбайна. Сговорились, да вчетвером поймали дышло, заворотили его на одну сторону, комбайн-то и развернулся поперёк склона. Побороли страх: дышло-то увесистое, полутораметровое, а било его по сторонам ой как шибко!

Зауважали нас эти два вятича: – Не зря, – говорят, вас учат-то! (Ещё бы: ведь им тюрьма грозила, да и не только им. До областных, поди, начальников добрались бы каратели.) А нам уже представлялось, как загрохочет, если среди ночи с тридцатиметровой высоты прокатится по скальному обрыву на камни многотонная железяка с работающим движком!

Ну, в общем, сельхозпроизводство мы изучили на троечку. Приедешь, шалаши построишь, отхожее место обгородишь, и – вперед, комсомольское племя! И так – каждый год.

Сменил я три квартирных хозяина: общежитие было маленькое, на всех не хватало. Последние два года гнезвился я у бабушкиной падчерицы, тёти Паши Ивашкиной. Тёте погибший муж оставил двух сынов, Гену и Володю. Она работала на хлебозаводе по сменам, они, безотцовщина, к учёбе прилежания не показали; парни в нашем бараке по большей части были шпаной, тусующейся под руководством «сидевших авторитетов». Карты, выпивка, наколки, бравирование блатным говором... Мои двоюродные братья были далеки от стандарта образованности. Но всё же выучили Гену на каменщика, а Володю – на стеклодува. Меня они будто стеснялись: настолько различны были наши взгляды на жизнь; причём, мне не составляло труда быть всегда правым.

Однажды я заметил, что, придя с работы, тётя Паша достает откуда-то из-под одежды разрезанные вдоль булки хлеба. Она ворует хлеб на работе! – пронзила меня мысль. Я ем ворованный хлеб! Она кормит детей ворованным, и они это знают! Такие мысли долгое время были неотступны и баламутили мне душу,

когда я брал этот хлеб, подносил ко рту... Ворованный... И сахар – тоже... И масло... Откуда у них деньги на масло? Конечно, и оно ворованное! Как это гадко!

Будучи вот так унижен в молодости, никогда более не имел я в своём доме ворованного куска.

Редко слышался Прасковьяин голос; молчаливая была и какая-то сжатая, несчастная бабушкина падчерица. Огорчали её сыновья: Гена часто бывал пьян. Тогда, и только тогда становился он оживлённым и разговорчивым. Володя был любопытен и иногда просил меня пояснить какой-нибудь сиюминутный вопрос. Например:

– Как правильно написать: л у т ч е или л у д ш е?

–Л у ч ш е.

– Да ну тебя. Что, правда, что ли?

Володя и к учёбе был способен. Просто проглядела их Тётя Паша.

Братья познакомили меня со своими друзьями, но они не нашли меня подходящим для их компании. У меня всё время было занято учёбой, секциями гимнастики, стрельбы, парашютным кружком, струнным оркестром в Доме Культуры...А тут ещё любовь...

Баканас! Первой моей любовью была семилетняя соседская девочка Лиля. Наши семьи, пока отец не был арестован, жили в одном двухквартирном доме, через стенку. А было ей лет семь. Отец и мать Лили были медиками. Фамилия у них была Будко. Родители доверяли мне, на два года старшему, водить Лилю на прогулки в степь. Девочка была любопытна, непосредственна, восторгалась по любому поводу и внимательно слушала мои лекции о природе степей. У меня почему-то замирало сердце при взгляде на её смуглое черноглазое личико с родинкой как раз посередине лба. Какое счастье было держать её руку, долго-долго, всю нашу прогулку! Я показывал ей, как муравьиный лев ловит добычу, забрасывая её песчинками, я научил её

свистеть травинкой, делать отпечаток красивого листика на руке, находить тарантула под крышкой его жилища...

По дороге в техникум, там есть такой длинный тротуар в Кировском районе города Кемерово, встречалась мне постоянно девушка, стройная, как кипарис, разумеется.. Лицо красивое, спокойное, а глаза такие ясные! И смотрит всегда вперёд, прямо перед собой. Постарше меня. И вот каждое утро высматриваю её среди приближающихся: не идёт ли? Идёт! Ну, что стоило ей посмотреть в мою сторону? Ведь видит, что её красота меня просто изводит. Но нет, не глядит. А мне непременно надо в глаза заглянуть! Ведь ничего же больше, только в глаза взглянуть! В них-то вся женская красота и есть.

А на втором курсе понравилась мне Маша. Мы настолько часто были вместе, что уже запланировали совместную судьбу навек. Маша занимала у меня половину всей жизни.

Я писал ей стихи:

*«...Меня от жизни ты отгородила,
И на тебе сошёл клином свет...»*

Со стороны – глупости, конечно. Но на полном серьёзе так. Можете предположить, какие представления о любви витали в нас, неискушённых, неопытных. Сексуальное воспитание напрочь отсутствовало не только в школах, но и во всей стране СССР. Одна студентка на мировом сеансе телемоста заявила на весь мир с гневом и негодованием: – «У нас, в Советском Союзе, секса нет!».

Мне немалых нравственных страданий стоило, чтобы набраться духу спросить Машу, девственна ли она. Это же бестактность! Она ответила утвердительно, и больше к этому вопросу мы не возвращались. Само собой разумелось, что только первая брачная ночь даст нам моральное право, которое и защитит нас от всякой безнравственности и скотства. Мы с ней цело-

вались, она разрешала мне её трогать и гладить, но без раздеваний. Так прошла учёба, потом – практика, диплом... И всегда мы были вместе.

Однажды в письме к родителям я обронил неосторожную строчку: – «Мы с Машей живём хорошо...» Переполох дома был великий!

А между тем дома произошли значимые события. Полетело бревно в штрек, убило Михаила Гулевича, старшего сына тёти Нюры. Осталась молодая вдова Надя с двумя сыновьями-дошколятами. Пиджак дяди Миши достался мне, почти новый, ну, очень широкий и длинный: Гулевичи – вон они какие все атлеты, а я с детства – худоба. Кашеем меня бабушка иногда величала, а если шлёпнет, бывало, рукой по тому месту, где обыкновенно у детей попка бывает, так и сморщится: руки, мол, обобьёшь об тебя, окаянного! В этом пиджаке с висящими плечами я и учился до конца учёбы. К моему стыду, впрочем, не так уж жгучему, я и до сих пор не придаю должного внимания нарядам. А однажды на переменке разыгрались мы с Ваней Юшкевичем, он и разорвал мои брюки как раз там, где они были более всего протёрты. До конца занятий я просидел. Но что дальше? Выручил Блинов. Он, несмотря на жару, пришёл в плаще, который и прикрыл мои неприглядные тылы по дороге домой. Но других брюк нет! Клеил я эту амбразуру яичным белком и ещё чем-то, с подкладкой с обратной стороны, а всё ж Вовкин плащ долго не мог возвратить.

Сталин умер. Плакали все, а кто не плакал, заставляли. Амнистию объявили. Отец вернулся. Вернулся, смотрит – а по комнате пятый пацанёнок ползает! Ну, был у взрослых саммит, на который нас, детей, не пустили. И был вынесен вердикт, подтверждённый двумя сломанными мамиными рёбрами. Вердикт гласил: Кому он мешает? Пускай ползает. Этого сына назвали Юрой. Прекрасен был наш младший братик! Всё сам: учился, женился, мастером стал. И всё детство – с нами вместе. И нико-

гда бы не узнал, что отец ему не родной, если бы у тётки Нюры язык с мозгами дружил.

И до старости был бы с нами этот талантливый, скромный и красивый человек. Довелось мне однажды спасти брата от лютой смерти. А было так: шёл я зимой на свой участок в садоводстве «Берёзка», да и решил заглянуть на участок Юры: всё ли там в порядке? Вижу, калитка открыта и следы к домику протоптаны. Насторожился я, подхожу, кричу. Какой-то звук услышал. В домике пусто. Поднимаюсь в мансарду. А там, прижатый к стене десятью повалившимися листами ДСП, на полусогнутых ногах, то ли стоит, то ли висит полуживой мой братик. Пальцы обеих рук, как в тисках, намертво зажаты между первым и остальными листами на высоте подбородка. Он уже приготовился так и замёрзнуть.

Случай спас его от этой участи, да забила его до смерти ватага шакалов на Привокзальном, когда шёл он домой к жене, к детям. Не дошёл. Переломали ему рёбра, обломками рёбер лёгкие изорвали. Разбили лицо, челюсти.

Врачи на вызванной «скорой» увезли его, посмотрели и...

о т п р а в и л и д о м о й! Я потом прошёл по его следу. Отлживался он несколько раз на снегу, оставил па нём лужицы крови, но поднялся-таки на свой второй этаж. Я пришёл к нему, ещё живому, на другой день, и опять случайно. Невестка сразу не сообщила нам. Как можно было отправить умирающего домой, в таком ужасном состоянии! Он промычал мне эту историю. После полудня того же дня он умер. Через день ко мне пришёл незнакомый мальчик и сказал: «— Я знаю, кто пинал дяденьку возле хоккейного корта ». Я поблагодарил его и заверил, что милиция всех найдёт. Но никто никого не искал. И заявление в прокуратуру осталось без производства. Мой разговор с прокурором был краток: «— Знаете, — сказал мне прокурор, — эти дела очень трудно поддаются расследованию!

Молча повернулся я и ушёл. Мне ничего нельзя говорить, предпринимать и действовать во взвинченном состоянии.

Если кто-нибудь скажет, что прокуратура ест заработанный хлеб, знайте: вас обманывают.

Если кто-нибудь скажет, что в Советском Союзе была прекрасная бесплатная медицина, не верьте такому лжецу. Если кто-нибудь скажет, что МВД стоит на страже Закона... впрочем, нет, никто не скажет: никому такая чушь не придёт в голову.

Никогда, никому не говорите, что при «советской власти» люди жили хорошо!! Да и не было этой самой «советской власти». Не кривите душой, не опускайтесь до лжи: партия, эта кучка чиновников, насквозь преступная, продажная и бездарная, истребив треть населения и запугав до немоты остальных, властвовала в стране. НКВД по ночам стучался в окна домов, вытаскивал из постелей мирный народ... «Там разберутся!» Вальяжные, пузатые, без меры самоуверенные от неуязвимости, партийные бонзы превратили милицию в самоуправляемую мафию, которая и грабила, и убивала, и совершала преступления под прикрытием круговой поруки. Прокуроры, забыв о своём назначении, все силы отдавали поискам средств обогащения. Главный «гаишник страны наставительно поучает подчинённых: – наша, мол, цель – наказывать нарушителей!

Ой ли? А разве не безопасность движения – ваша благородная цель? Или обирание водителей составляет ваш основной, и колоссальный, доход? Сами признались, на всю страну!

Ну, прошу прощения. Пепел Клааса... Но это – тоже моя биография.

Отец устроился на строительство посёлка Берёзовка в районе города Кемерово, который назывался Барзасс, по имени чистенькой таёжной речки. Он достроил там дом, в который и переселилась наша семья. Посёлок рос прямо среди тайги; мы с Тамарой навдывались туда по железной дороге, от которой до Берёзовки шла тропа через тайгу. Какой это чудный край!

Кедры, пихты, нетронутый мох, извилистое русло реки с разнотравьем, обилие птиц. Кстати, там я впервые увидел сойку; поразила она меня своим неправдоподобным нарядом.

– Уж не голубая ли сорока добралась до Сибири, – подумал я, – ведь Синяя Птица даже в северном Казахстане не встречается! (Надо сказать, что у нас в землянке жила некоторое время Синяя Птица, т. е. голубая сорока, которую я подобрал подранком. Эта красота удивит любого!)

Может быть, наша семья и до сих пор жила бы там, в Берёзовке. Барзасс – это останется моим волшебным сном. Не знаю, как сейчас, но тогда Природа там торжествовала!

И вот мать моя, искупавшись в холодной таёжной воде, в одночасье покрылась вдруг какими-то водянистыми пузырями. Пузыри были везде, где только есть кожа. Не стану описывать. Полтора года она обследовалась, мазалась мазями; отец через день ножницами обстригал на ней эти пузыри. На неё страшно было смотреть. В кожно-венерическом диспансере с ней никто не хотел лежать в одной палате. Наконец, врач посоветовала ей сменить климат.

Переехали родители в Казахстан, в город Ермак, (сейчас Ак-Су,) что на берегу Иртыша, ниже впадения в него речки Белой. Здоровье мамы и в самом деле пошло на поправку. Купил отец развалины конюшни с остатками самана и построили они добротную тёплую хату с сенями и двумя комнатами. Впоследствии, по возвращении из армии, и мне хватило материала, чтобы пристроиться к дому с собственной мастерской. В Ермаке тогда уже жили Гулевицы и Вотинцевы с бабушкой Пенчихой.

Между тем курс за курсом учёба моя продолжалась. Математика едва не стала причиной моего отчисления. Но, посмотрев мои остальные оценки, разрешили мне пересдачу. И кто придумал эту алгебру?

А ещё мой дамоклов меч – английский язык. Судите сами: в школе Абрам Васильевич, сам ненавидящий фашизм, обучал

нас немецкому, сиречь фашистскому, языку. Мы очень любили учителя, а немецкий –нет. Тем не менее разговорный немецкий был весьма любопытен, отчего и посредственные знания одного отложились в мелких слоях наших мозговых оболочек.

Как неприятно я был огорошен, когда узнал, что в техникуме преподают английский язык, причём на базе школьной программы! Чужал я от этого факта большие беды, и они предстали.

Первые уроки я пропустил по болезни: грипп. И вот, волнуясь, я с учебником, на котором написано по-немецки *Енглиш*, пришёл на урок. Кто преподаёт? Какие порядки на уроках английского? Мои размышления прервала женщина лет сорока, с каким-то английским одутловатым лицом, ярко накрашенными губами. Красится... В её-то возрасте! – нехорошо, – подумал я. К тому же глаза у неё были какие-то надзирательские, без выражения. Просто чтобы глядеть. Положила Ольга Дмитриевна на стол классный журнал, взглянула на класс, и:

– Хуис он дьютитудэй!, – изрыгнула она громко вот такие фонемы. Я обомлел, сжался, зарылся в плечи... Не успел оглядеться, а она опять:

– Хуис эпсон?

Встаёт Борис Коцеба и отвечает, спокойно так:

– Ай эм он дьютитудэй!.

А я был в полном смятении. Как, ну, как я буду произносить вот это?

Не только в семье, но и в родне у нас никто никогда не сквернословил, ни отец, ни дядьки, ни деды, ни Редькины, ни Пеньковы, ни, тем более, Вотинцевы. Осквернять язык в нашем доме не позволялось никому, даже самым весёлым гостям.

И как гадко эти словосочетания слышать на уроке из противных крашенных губ сорокалетней дамы!..

Разумеется, воспитанные дети знают наизусть, и ещё постоянно по мере повзреления пополняют запас неприлично-

стей; это совершенно необходимо, чтоб не произнести невзначай нечто непотребное где-нибудь в приличном обществе, где, разумеется, каждый выучил всю эту гадость наизусть, чтобы при случае одёрнуть кого-либо замечанием: – Нехорошо, мол, ай- ай- ай!

Начал я сразу разбираться: где это в учебнике английского языка содержатся мужские половые органы русской национальности. Оказалось, нет. Просто сочетание дубля «в», буквы «эйч» и буквы «о» надо читать не как «вхо», а как «ху». А почему? – Так надо, и всё. Вот такие порядки в английском: пишется так, а произносится по-всякому. Та же буква «у» звучит ещё и как «Ё». и как «а»... То, что в немецком называется «дубль вэ», в английском звучит «дабл Ю»...

Это я хочу оправдаться за то, что учился я у Ольги Дмитриевны с двойки на тройку два курса. Поскольку английский язык – это пародия на немецкий, я всё-таки справлялся с переводом на русский язык, и это меня выручало. А вот когда я по-немецки читал английский текст, вся группа весело смеялась.

Не до смеха стало всем, когда объявили, что проведут экзамен по английскому! Ну, и что? Прощай, техникум? Экзамена я, конечно, не выдержу, и тогда...

Сидим с Колей Рулькевичем у него дома. Готовимся к экзаменам. Коля повторяет уже десятый билет. я – первый: алфавит и произношение гласной перед последней согласной.

У меня в голове – каша из немецких и английских наименований букв. Начальные буквы выстраиваются хорошо: эй, би, си, ди, и, эф, джи, эйч... а дальше – непреодолимая путаница, до конечных экс, увай, зет. Бросил. Начал второй билет... нет, там эти инфинитивы ... Бросил. Лёг спать.

И я имел наглость прийти на экзамен! На что я надеялся? На снисхождение? На годовую отсрочку? Не знаю. Просто пришёл, зашёл в кабинет. Лежат билеты широкой кучкой. Сидит, как сфинкс, Ольга Дмитриевна. Ну, чтобы ей начать разговор,

мол, знаю тебя, как облупленного, знаю, что ты не сдашь... и как-нибудь в этом роде... Ведь ей тоже успеваемость нужна! Нет. – Бери билет, – говорит. Беру. Первый?! Первый Билет!!

– Первый билет, – говорю. – Ну, садись, готовься, – говорит. Сажусь, а сам переживаю: если она поймает меня на алфавите, возмутится: – Ты, скажет она, даже алфавит не выучил! А она: – Что-то долго готовишься, Пеньков! Выхожу, выпаливаю алфавит... Молчит!

– Ну, дальше, – говорит. – Не произносится, говорю, гласная перед последней согласной (а зачем же её тогда писать?) Прочитал я почти про себя подсунутый ею текст, перевёл. А она:

– Пеньков, четвёрку я тебе поставить не могу!

Да, держал я в руках Синюю Птицу!

Ненавижу английский! Когда прохожу по родному городу, а тем более по нашему сибирскому Иркутску, у меня от обилия английского, по делу, а чаще – без дела, размазанного повсюду, возникает ощущение, что мы на оккупированной Америкой территории, где шустрят враги и предатели. Эти надписи невольно произносятся, и тогда звучат вражеские голоса с пакетов с едой, с детской одежды, с банеров и вывесок кафе... Аллергия какая-то у меня на это нашествие неприятеля. На немецком мы учились говорить между собой в армии, просто, для общего развития; на работе баловались иногда немецким с двумя электриками. И – ничего, не противно. Сын у меня испанский учил в школе. Красивый язык, не противный. А вот английский – извращён с первого звука! Ненавижу!

Итак, я получил возможность продолжить обучение, жить в комнатухе в частном доме, где висела моя мандолина, на каждый чих отвечавшая мне всеми восемью струнами, где под столешницей жил крупный серый домашний паук по кличке Гоша; свою ошибку я понял потом, когда оказалось, что Гоша –

это паучиха. Она благосклонно принимала от меня обескрыленных живых мух и храбро сражалась со слепнями. А ещё в углу стояла электроплитка, и в алюминиевой кастрюле варились макароны с говяжьим жиром, а в растворе уксуса мариновалась килька с луком.

Потом – практика в городе Боровске, что возле Соликамска. Тамара уже получила диплом технолога и работала на этом предприятии начальником смены. Мы делали дипломные проекты вместе с девчонками. С Машей мы были неразлучны. Гулять ходили за город, где песчаные почвы удобрялись фекалиями из частных уборных. (Уборные имели сзади люки для выгрузки. Люки запирались крепкими висячими замками: воровали друг у друга!).

В Боровске тоже хватало шпаны; зачастую они пробовали задираться, но как-то неловко: то ножку подставят, то фонариком в глаза посветят, то придут без приглашения в нашу обширную комнату, которую нам отдал на время практики начальник ЖКО тов. Микамба. Но больших конфликтов не было.

Однажды комсорг завода сагитировал нас принять участие в эстафете, посвящённой Дню Победы. Для массовости.

Побежали мы, да и пришли первыми! Ну, оркестр, кубок нам несут. А кто-то из местных возьми, да и закричи: – Ахти, мол, ребята, это не наши, а кемеровские! Ну, а грамоты, шесть штук, мы-таки увезли.

Среди местного хулиганья выделялся местный авторитет Олюнин Гена. Парень лет двадцати двух, единственный сын у матери, хорошо сложенный, неглупый, работал на заводе. Увидел он мою сестру Тамару, да и влюбился. Надо же! Я-то считал, что она далеко не красавица, а она ему такую любовь внушила, что он просто потерялся. Ходил за ней, подкарауливал. Объявил ей, что зарежется. И зарезался, но не до смерти. Зажила его глубокая рана. Пришёл Гена ко мне в бомбоубежище (мы там свои чертёжные столы держали). – Поговори, говорит, с сестрёнкой;

не могу, говорит, и прочее. Я ему: – Пусть сама она решает, а я какие – такие советы могу давать? Замуж выходят один раз, за надёжного, а ты вон за нож схватился. Предупредил, что повесится. Избалованный был, вот что.

Повесился, а мать за ним следила, так и вытащили его из петли. Мать его в слезах приходит к Тамаре, в ножки падает: – Спаси, мол, моего единственного; неплохой, мол, он, работающий и внимательный, никого не обидит. Так и получилось, что уговорили Тамару выйти замуж за Гену Олюнина. Сменила она фамилию. Это произошло уже без меня. Я в это время уже в Усолье работал.

Я легко защитил дипломный проект по пороховому оборудованию, внёс изменения в конструкцию крупновского агрегата, позволяющие проводить ремонт без полной его разборки.

Я с детства мечтал иметь дело с машинами, механизмами... Моими кумирами были Кулибин, Артамонов, Можайский, братья Черепановы... И вот я – дипломированный механик по хим. оборудованию. Распределили нас по предприятиям. Маша уехала в Бийск, с ней ещё большая группа девчонок. Прощались мы с Машей бурно, настолько бурно, что обнаружил я у неё открытые ворота там, где, по моему многолетнему представлению, должен быть замок без ключа.

Не задавал я ей вопросов, потому что на такие разговоры просто не имел права. «Главное, чтобы человек был хороший». Но ждать меня из армии она обещала.

Нас, восемь специалистов, направили в Усолье-Сибирское. Не сразу нашли мы станцию, потому что называлась станция «Ангара»

Не понравился нам и город. Эти бревенчатые заплоты, железные засовы, грязная жижа с деревянными хлюпающими настилами вместо тротуаров, темнота по ночам, забитый до отказа рабочий автобус – всё это с солнечным Кемерово составляло унылый контраст.

Дали нам две комнаты в деревянном двухэтажном бараке на втором участке, который и состоял весь из таких барачков с кладовками и деревянными туалетами, возле которых простирались помойки. Принял нас сам начальник отдела кадров Михаил Тимофеевич Будовой.

Далеко не каждого чиновника я упомяну в своей повести: Будовой же нам, восемнадцатилетним, был просто как отец родной. Он рассказал всё о предприятии, которое тогда называлось «почтовым ящиком номер четырнадцать», о трудовых традициях, о моральных устоях трудового человека; он приходил к нам в барак, интересовался нашим бытом и принимал участие в его устройстве. Светлая ему и память!

Устроились мы куда. Витя Шалев принял кислородный цех, Юра Золотаревич пошёл начальником смены в хлорный цех. Мне нашли место ученика слесаря-ремонтника на ТЭЦ-4. Работа интересная, разнообразная. Пришлось и токарить, и за сварщика поработать, и даже пионервожатым в лагере «Сосновый Бор». Мне же, холостому, лишь бы опыта набраться, приглядеться, как трудовые коллективы складываются, да и в армию скоро идти.

Подошёл мне срок экзамен сдавать. Прихожу, вижу: несерьёзный народ в комиссии! Переглядываются, перешёптываются... Вопросы задают детские. Я уверенно отвечаю. Назвал я, среди прочего режущего инструмента, крейцмейсель. Это вид зубила такой. Комиссия стала хохотать, чуть не до слёз! Тут я рассердился: – над чем смеётесь? Крейцмейсель, говорю, это немецкое название, как и у очень многих слесарных инструментов. И состоит оно из двух немецких слов... ну, и так далее. Всё равно им не грустно! Потом я догадался, в чём дело: бородка у меня, восемнадцатилетнего, была, как у Михаила Ивановича Калинина. Я-то к ней привык, а им смешно. Мы тогда все бороды разные отрастили, чтобы не бриться.

Протягивает мне председатель протокол экзамена на подпись. Гляжу: сдал на четвёртый разряд.

Какой, думаю, четвёртый! Да кто здесь вообще лучше меня знает обработку металла? Да я лекции могу читать на эти темы! Да я...

Нет, нельзя действовать в раздражённом состоянии!

Скомкал я этот протокол и, выходя, бросил в корзину. Вернул меня председатель, мягким тоном пояснил мне, что, мол, знания знаниями, но в штатном расписании нет уже лишних высоких разрядов, что не может начальник цеха сам ввести лишнюю единицу. А если я не подпишу протокол, придётся мне остаться учеником ещё на срок. И этот факт в трудовую книжку внесут.

Вот теперь понятно. Забрал я протокол из урны с мусором, разгладил, подписал.

В обеденный перерыв мужики, пообедав, курили, дремали или вели беседы. Приходилось и мне «встревать» в разговоры. Мы же были комсомольцами настоящими, нам надо было стремиться к очищению людей от пережитков тёмного прошлого. Сварщик Валеев, поев в буфете котлет, бросил мне обвинение, что, мол, я призываю к совести, а буфетчица Аннушка кормит котлетами, в которых наполовину хлеб.

Валеев – татарин, и, конечно, мясо ему дороже хлеба. Я ему в сердцах ответил, что если бы стряпал эти котлеты он, то были бы они из одного хлеба!

Был у нас кочегар по фамилии Записной. Так у него аж слюни текли, когда он расписывал, какие добрые «портки» делают за рубежом! – От то портки, так портки! – захлёбывался он от восторга.

– Тебе что, – возмущался я, – штанов не хватает?

Неужели штаны могут вызвать такое яркое вожделение? Это было непонятно. Конечно, в нашей стране и раньше, и сейчас многого нет, что привычно иметь зарубежным жителям. Но

ведь у нас вообще-то всё есть! Даже в войну, обходясь малым, люди продолжали жить, и ничто не мешало им оставаться людьми. А тут вот человек не находит покоя оттого, что за границей носят какие-то особенные «портки»! Нет, Записной меня воспринял, как глупого комсомольца, не понимающего цели жизни. Но и я понял, что есть в нашей стране люди, способные продаться даже за тряпки.

Я в обеденные перерывы обычно читал книги. Однажды Иван Цыпылов попросил, чтобы я почитал вслух. Сюжет Вилиса Лациса заинтересовал всю бригаду, были бурные обсуждения; а я до ухода в армию успел им прочитать три книги за обеденные перерывы. В армию меня провожали слесаря из нашей бригады, дети из моего пионерского отряда – Марковский, Аухатов (он подарил мне свою тубетейку), Толя Неудачин... А сварщик Валеев, подвыпив, сказал мне:

– А ведь правду ты, Олег, сказал тогда. Если бы я делал котлеты, я бы их из одного хлеба делал!

Прежде чем забрали... (?) – нет, не «забрали!» В армию мы шли сами, с желанием. Не помню таких парней, которые ныли бы, призываясь в армию. К этому все были готовы заранее, и служба была очень желательна, особенно деревенским парням, для которых это был ещё и выход на волю из крепостного состояния: они после армии имели возможность получить паспорта. Аксиома: Защита Родины – главная цель мужчины.

Итак, перед уходом в армию мне пришлось испытать очень большие неприятности, если можно так легко назвать полный коллапс моего душевного состояния.

А дело в том, что не прошло и месяца после нашей разлуки с любимой подругой Машей, как она написала мне короткое письмо, в котором просила меня не писать ей больше, «если я настоящий мужчина». Впоследствии я на многих примерах имел случай убедиться, как катастрофически действует измена на психику молодого человека. Не стал исключением и я. Потеря

дорогого человека, внезапная утрата – кто же этого не поймёт! Но потеря таким уродским образом, так подло и погано... И какая для этого нужна причина? И разве так бывает? Разве не знала она, что убивает меня, убивает вот так просто, походя?

Года три я потом зализывал раны. Не писал, пока не пришлось ответить на её письмо: она нашла мой адрес, когда я уже был в Ермаке. Я просил её не писать, что мне это неприятно.

А тогда, получив такой удар, я, сам не зная зачем, решил ехать к ней в Бийск. Написал заявление на неделю (неслыханное дело: начальник цеха, и то с риском, мог дать только три дня без содержания), положил на стол начальнику, взял чемоданчик, в карман положил нож, дождался первого пассажирского поезда, поднялся в тамбур и поехал. Денег на билет у меня, наверное, хватило бы, но больше ничего не было. Вскоре проводница заинтересовалась моей персоной: несмотря на просьбы доехать «хотя бы до Красноярска» она просто потребовала, чтобы я вышел. Я вышел, но, когда поезд тронулся, примостился с чемоданчиком между вагонами; тогда вагоны сцеплялись немного иначе, и оставались кое-какие зацепки для рук и ног.

Проводница в районе Тулуна сумела заметить меня, собрала бригаду и предъявили они мне ультиматум: или я беру билет, или меня снимет дорожная милиция. Деньги мои плакали вместе со мной.

По приезде в Бийск нашёл я их общежитие. Девчонки, все знакомые, приняли горячее участие в моих переживаниях, а Машу спрятали. Видел я её мельком, почему-то с синяком под глазом. Девчата были сильно озабочены. Про Машу говорили с осуждением, да и мне от них досталось: говорили же, мол, мы, что не пара она тебе, ненадёжная подруга, а ты и слушать не хотел!

Так кто же станет слушать плохое о любимом человеке!

Переночевал я у них, они на работу все ушли, а я пошел бродить по городу. Набрёл на тир.

Это был прекрасно оборудованный зальчик с большим количеством оригинальных мишеней.

Были там не виданные мной ранее мишени-отверстия, при попадании в которые всё приходило в движение, заканчивающееся взрывами с огнём и дымом. И были там шесть пронумерованных кубиков примерно двухсантиметровых, в которые надо было попасть поочерёдно, заплатив предварительно три рубля. Сбивший таким образом все кубики получал приз в десять рублей.

Промахнувшись, стрелок должен доплатить номинал кубика, и начинать сначала. Мужчина, стрелявший в это время, промахнулся во второй раз и стал утверждать, что винтовка плохо пристреляна.

– Которая? Вот эта? – спросил распорядитель, и, перевернув винтовку скобой вверх, прицелился, держа её одной рукой; он сделал великолепный выстрел! Мужчина молча ушёл.

Рискнул я тремя чуть ли не последними рублями, выбил кубики, взял десять рублей и решил завтра наведаться ещё раз. Наведался. Выбил кубики; правда, почему-то промазал по третьему.

Я же слышал, что попал! Видно, какая-то хитринка у него там была. Ну, доплатил тройку, взял десять рублей... На третий раз я не стал обижать распорядителя тира: неловко стало. По-стрелял по «дырочкам». Здорово!

Однако мне уже надо было возвращаться. Машу я больше не видел; на мои вопросы девчата ввали, явно давая мне понять, что пора бы мне поумнеть. Заняли они мне денег на билет, я вернулся. Начальник мой разрешил мне отработать прогулы, чтобы не портить показатели соцсоревнования.

Долго я ходил, как говорят, сам не свой. И ведь всё понятно, о чём горевать? – ведь это же прекрасно, что она вовремя раскрыла свою, так сказать, реакционную сущность. А если бы я женился на ней, на этой... впрочем, нет, никогда я не говорил о

ней плохо. Кого же винить, если я был глупцом? Да я и до самой женитьбы не знал элементарных истин в сексуальных отношениях. Я не догадывался, что у женщин тоже бывает влечение. Я полагал, что если девушка полюбит, то уж так и быть, позволит она своему любимому делать то, что ему почему-то захотелось. Да и детей надо же как-то делать. Вот и в книжках сколько раз встречалось: «он делал ей неприличные предложения...», «...он раздевал её взглядом», то-есть неприлично мужчине распускать слюни! Вот и у Маяковского: «...Истекая половою истомою...» Нет, – усвоили мы раз и навсегда: нельзя не только делать грязные намёки, но и надо скрывать свою сексуальность, чтобы ни мать, ни сёстры, ни, тем более, знакомые девушки, не заподозрили в тебе этого жгучего желания, так много занимающего места в твоих грешных мечтах. Это сейчас похоть воспевается и даже стимулируется. А тогда... Скольких женщин обидел я, отказав им в сексуальном общении!

Однажды сидел я в вестибюле управления, ожидал своей очереди. Тихо. Лёгкий рабочий фон. Вдруг – хлопок двери, чёткий стук каблучков. Поднимаю голову и вот оно – «мимолётное виденье»! Невероятно красивая от пышных волос до этих самых каблучков, молодая, стройная... Чуть повернула голову в мою сторону и... рассмеялась, так счастливо и простодушно рассмеялась, что я понял, какое глупое выражение нарисовалось на моём лице! Этот «гений чистой красоты» просто заставил меня, уже женатого в ту пору, искать способа найти её, познакомиться. Да, ей-то смешно, а мне теперь – как длительный срок наказания. Эти чёрные глаза! Нет, вам не понять: вы её не видели. Но вот она сама пошла навстречу, нашла предлог пригласить меня к себе. Одна жила. А я, поняв, к чему она клонит, нашёл предлог благоразумно, как мне казалось, ретироваться. Вот, чувствую, что нехорошо так – сразу в постель. А почему нельзя, не знаю.

Самое простое казалось мне подозрительным: А вдруг?.. А для чего она так? Разве это можно?

И теперь, в эпоху сексуальной разнузданности, когда узнаваемые всеми эстрадные «звёзды», примандоны и прочие секс-жеребчики прилюдно хвастают обилием половых партнёров, что и до сих пор я не могу расценивать иначе, как проявлением скотства, и мне в этой области многое остаётся неприемлемым. А уж тогда...

Отправили нас, молодых и холостых (а кого же ещё?), из разных цехов, мастерских и лабораторий, на сельхозработы, сено убирать. В Большую Елань. Выделили для жилья Дом Учителя. За месяц совместной работы перезнакомились. Было нас четверо парней и пятеро девушек. Все скромные такие, без баловства. Рассказал я про свою горе-беду, все мне посочувствовали, утешали искренне, говорили, что таких неверных мало, что они таких осуждают. Полегчало мне малость, про самоубийство думать перестал. Одна из них, симпатичная и серьёзная девушка по имени Эльвира, предложила мне свою вечную дружбу: буду, говорит, ждать тебя из армии, а потом заживём тихо-мирно, детей будем делать да душу радовать. Скрепили мы договор поцелуем на скамейке на втором участке в сквере, что против книжного магазина «Родник». Сидели почти всю ночь, а уже август был. Август 1959 года. Проводила меня она с авоськой, куда она мне пирожки положила, и мандолиной. Парням понравилось, как мы с ней на прощание поцеловались. Да и мне тоже.

Собрали нас со всей Иркутской области в большой эшелон. Местные ребятишки опыт имели: за двадцать копеек продавали нам бутылку воды. Нам-то не разрешалось отлучаться. Ехали весело: у меня мандола, в соседнем вагоне – баян. Приехали в город среди лесов, на озере Иртяш.

Кругом зоны, везде солдаты, охрана. В общем, зона, заражённая атомным взрывом 29 сентября 1957 года. Катастрофа, похлеще Чернобыля. Дали мы подписку о неразглашении, со-

блюдали её строго. Это уже после Чернобыля журналисты всё разболтали, а мы тут ни при чём. Приняли присягу; появились «покупатели», т.е. разобрали нас по подразделениям. Мне повезло: нашему ротному предоставили право отобрать самых грамотных, крепких комсомольцев. Попали мы в роту сопровождения, в резерв политотдела. Водили мы транспорта по родной земле, хоть посмотрели кое-что. Завидовали нам те ребята, кто все три года охраняли один и тот же объект.

Рядом с нашей казармой было большое озеро Булдым, ого-роженное колючкой. Озеро и до сих пор заражённое: радиация – она на сотни лет. В нём и рыба всякая (учёный – ихтиолог разводил), и стаи уток; а вот ни рыбалки, ни охоты. И пить воду – упаси бог.

Всё было секретно, и мы-то не знали, что город – Озёрск, что первую атомную бомбу Курчатов изготовил здесь. Дозиметров нам не выдавали, чтобы поменьше отсеивать облучённых. Но мы несколько раз имели возможность убедиться, что и тело, и лёгкие, и одежда у нас требуют очистки и дезактивации. Ничего этого за три года не проводилось. После чернобыльского взрыва и о нас, наконец-то, вспомнили. Назвали ликвидаторами, назначили по тысяче на лечение, транспорт... В то же время некоторые «расторопные», съездив в чернобыльскую зону на несколько дней, вдруг стали ну, такими уж больными и такие «достали» справки, что им ежемесячно более чем по сотне тысяч ручку золотят. Ну, да нехорошо в чужой карман заглядывать. Да и то: а чей же это карман? Это же бюджет страны! Ну, а мне пенсии хватает, ещё и помогаю другим. Семнадцать тысяч – куда ещё больше? Хватило бы и десяти.

Впрочем, до пенсии не все мы дожили. Страшновато было нам: пойдут ли девушки за нас, облучённых, если узнают? Да мы и обязаны их предупредить. Не родятся ли у нас уроды, монстры? Ведь это уже тогда было известно: влияет радиация на все

последующие поколения... Будем ли мы полноценными мужчинами, или это откроется только в несчастливые брачные ночи?

Но вот и прибавилось ефрейтору Пенькову поощрений по службе: за изобретение автоматической мишени для дистанционного фиксирования поражения нас с волгоградцем Володей Борисовым поощрили отпуском на родину. Сам подполковник Барабанов испытал мишень на пятьдесят метров из пистолета Макарова (тогда это ещё новинка была). Выстрел – падает мишень, выстрел второй, третий – упали и эти. Нажали кнопку – поднялись мишени над бруствером. Снова стреляет подполковник, а мишень... стоит. Я растерялся; подполковник, грозно: – Что?! А рядовой Борисов, спокойно так: – Не попали, товарищ подполковник! Володя оказался прав.

Барабанов был одним из лучших стрелков в дивизии Его грузная фигура на рубеже казалась бетонной статуей. Но не каждый попадёт в мишень из неуклюжего пистолета Макарова. Другое дело – наш штатный ТТ!

Подарили нам обоим по красивому альбому, он взял билет в Волгоград, а я, поразмыслив так и сяк, подался в Усолье: друзья там, невеста... Приехал. Друзья большей частью, отработав год, вернулись из Усожья в Кемеровскую область. Невесту мою, Эльвиру, предприятие, обеспечив стипендией, направило на учёбу в Иркутский Политехнический Институт. И предстояло ей учиться ещё четыре года. У неё была комната в общежитии на Каркасном. Там мы с ней и встречались после рабочего дня. Познакомила она меня с родителями, сестрой Аннушкой, тётушкой Олей, сестрой матери. Прекрасные люди! Мать из рода Анисимовых, местных чирошников. Какие они все душевные, порядочные, образованные и сердечные, эти Анисимовы! Жили хорошо, да раскулачили их: позавидовали трудовому достатку, дом отобрали. (Теперь в нём живёт сын известного нашего краеведа Василия Шаманского, тоже историк и краевед, Сергей Ва-

ильевич, тоже хороший, образованный и добродушный человек.

Отец Эльвиры, Тумаков Владимир Иванович, из уральских краёв прибывший по своей специальности гидролога в Сибирь, осел здесь, потому что не нашёл нигде краше Марии Александровны Анисимовой. А был он дорожным изыскателем, весьма незаурядной личностью. Будучи начальником экспедиции, исходил он тайгу и в районе Джугджурского и Джугдырского хребтов, и на реках Мане и Мае, Охоте и, голодая, плыл на плотах по Верхней Ангаре с остатком лошадей; был одним из первых исследователей трассы магистрали БАМ ... В морозные месяцы, в трудовые будни среди якутской тайги показывал он уставшим людям пример мужества и бодрости духа. Получалось у него вселять уверенность в самые робкие души. Советовал я ему написать книгу о своей поистине героической жизни, да не загорелся он этой идеей. А книгу написал об устройстве зимников, в которой обобщил свой богатый гидрологический опыт.

Отслужили мы три года, а менять-то нас некому: в сорок третьем году мужики были на войне; некому и некогда было детей делать. Сменили нас только к новому, 1962-му, году. Стали потом брать в армию с восемнадцати лет.

Пристал ко мне накануне демобилизации замполит, капитан Проничев: – Вступай, – говорит, в партию. Я ему: – Рано, мол!

А он не отстаёт: –С двадцати одного года – можно. – Вот, почитай устав КПСС.

– Не хочу, говорю. Мне комсомол надоел с этими собраниями да заседаниями. Всё на побегушках. Мы металлолом собираем, а председатель профкома на эти деньги телевизор себе в кабинет поставил. И вечно мы должны, должны...

А Проничев своё гнёт: – Ты же не был в партии, так как же можешь судить о её деятельности...

Ну, что ему ответить? – Не готов, говорю, я к такому шагу. Не думал никогда.

– А ты подумай.

– Не готов.

– А мы тебе дадим время подготовиться. Недели хватит?

Сейчас-то я бы ему нашёл, что ответить, а тут он пристал, как банный лист куда не надо, а у меня все аргументы кончились. Не очень охотно я готовился – раз уж им так надо, примут. Вот так я и попал в эту грязную лужу, из которой, как впоследствии оказалось, выйти совсем непросто.

Один старший лейтенант, рассчитывая на то, что его исключат из партии, специально пришёл пьяным на службу; так его отправили в штрафбат. Ну, правда, всё же исключили.

Получил я партбилет. Поскольку я оставался комсоргом взвода, подошёл ко мне солдат второго года службы и попросил защитить его от того же замполита: мол, заставляет вступить в партию, пристал, как клещ в недоступное для ногтя место...

Разгневался я, и на первом же партсобрании заявил протест такой политике: – Разве, говорю, у вас план по набору? Каких «коммунистов» вы наберёте в свои ряды, если они из-под палки ползут, а не вступают... Ну, и всё в таком роде. Зашумели, проснулись присутствующие: Как, мол, так? Надо разобраться! Это же неслыханное дело! Поставить вопрос на следующем собрании! На следующее заседание привели моего подопечного, а он, понуриив голову, говорит: – Ничего такого я ефрейтору Пенькову не говорил!

Вот и вопрос исчерпан, все как-то хитро поулыбались, а меня даже за клевету не наказали. С этого момента начал я кое-что соображать об особенностях партии капээсэсовцев.

Прибыл я по новому месту жительства, в вышеупомянутый город Ермак. Отец работал бухгалтером в автобазе № 21, мать – сторожем в «ЕРМАКСПЕЦСТРОЕ», благо, что последний располагался как раз вокруг нашей избы, бывшей конюшни.

Тамара, успевшая развестись с Геной Олюниным, воспитывала двухгодовалого сынишку, Игоря. Она призналась мне, что, хоть Гена и выпивал через меру, семью можно было бы сохранить. Но – уехал Гена в свой Боровск, а Тамара перебралась в Ермак из Павлодара, где опустело их неуютное гнёздышко. Дети учились успешно и прилежно. Папина сестра Августа журила дочку Галю:

– Почему у тебя плохие оценки? Вон Вовка Пеньков – дурак -дураком, а пятёрки получает!

Оля перешла в десятый класс.

Прописался я в родительском вместительном доме, где всей нашей семье из девяти человек хватало тепла, уюта, веселья и хлопот. Кстати, и еды. У всех нас есть привычка не разделять еду на «вкусную» и «невкусную». Что бабушка поставит на стол, то все и едят. Однажды все, наевшись, легли спать. Лампу потушили. Бабушка по обыкновению оставила отцу борщ на тёплой печке. Отец очень часто задерживался на работе допоздна. Иногда мы не видели его по целым дням: уйдёт рано, а придёт, когда мы уже спим. Утром бабушка спрашивает:

–Павел, ты почему не поужинал?

–Как же, я пришёл, поел...

–Так что же ты ел? Борщ вот тут стоит...

– А там в кастрюле что-то было, я с хлебом и поел, – говорит папа.

А в кастрюле-то бабушка посуду помыла. Просто принцип такой: что есть, то и ели. Всё было вкусно.

Расскажу про папу ещё один случай, уж заодно. Приходит он с работы на обед и говорит:

–Хромать стал, язви его... Видно, осколок в ноге зашевелился! Гитлер, язви его, подарок мне преподнёс.

Посмотрели мы вокруг осколка – вроде ничего нового. Вечером – опять расстроен:

– Вот, ничего будто не болит, а хромаю и хромаю! Посмотрела Оля его туфли:

– Папа, у тебя же каблук потерялся!

Я не помню, чтобы отец чем-нибудь болел. С врачами не яхшался, всегда был деятелен и уверен в себе. Он не выпивал больше двух рюмок, не курил. Гена Ивашкин некоторое время жил с нами, устроился на работу. Но был постоянно хмур и неразговорчив. Однажды я спросил его, отчего он так держится особняком; все мы постоянно шумим, смеёмся, болтаем на все темы... – А ты, говорю, сопишь только. Он ответил: – А что... Ходишь трезвый, как дурак!

Отец сказал мне, что в их автобазу нужен сварщик. Устроился я, работаю, всё как надо, работы хватает. Пошёл в горком становиться на учёт, а мне В. И Пузь, секретарь промышленного парткома, говорит:

– Молодой коммунист... Пойдёшь инструктором промышленного отдела!

– Но я, – говорю, только что устроился сварщиком!

– Сварщика они себе найдут, а вот промышленный отдел без специалистов...

Словом, на другой же день получил я расчёт в автобазе и сел на рабочее место инструктора промышленного горкома. Начальник автобазы устроил немую сцену, я плечами пожал.

Никита Сергеевич Хрущёв был мужик деятельный. Как раз в 1962-м году разделил он функции горкомов КПСС на две части: промышленную и сельскохозяйственную, видимо, обнаружив, что эти области различны; и вообще – чем больше людей управляют, тем больше ответственных, и, значит, «ответственности».

Отвлекусь на тогдашний анекдот: Приходит в промышленный горком женщина, жалуется на мужа-коммуниста. Бьёт, мол, постоянно измывается.

– Ай-ай-ай, нехорошо-то как, – говорит секретарь. И что, больно бьёт?

– Конечно, больно!

– А по какому месту?

– Вот по этому...

– Ай-ай-ай-! Что же делать, ума не приложу...А чем он бьёт?

– Вилами.

– Вилами?! – Так вам же надо в сельскохозяйственный горком!

Поручил мне Пузь кураторство строящейся Ермаковской ГРЭС. Город-то только строился: промкомбинат, канал Иртыш – Караганда, завод ферросплавов...

ГРЭС – внушительная стройка. Строители, молодые инженеры под руководством опытных и умных руководителей просто живут стройкой. Я откровенно любовался их слаженностью, настойчивостью и спокойным умением справляться с проблемами. А ведь вчерашние выпускники!

Как муравьи, ползали по армированному основанию будущей трубы сварщики, монтажники...Как хотелось и мне влиться в этот трудовой ритм! Но у меня была другая, поначалу непонятная, миссия. Мне как-то неловко было бездельничать, сидеть в президиумах, выступать с речами о политике Партии, о роли новых веяний в экономике – «научной организации труда», «перевод на новые рельсы» и прочих благоглупостях, позволяющих партийному руководству делать бодрый вид при плохой игре.

Партсекретарём в Ермакгрэсстрое был Вячеслав Сорочинский, опытный коммунист, вдвое старше меня. Мы с ним прониклись доверием друг к другу настолько, что он откровенно порицал существующую систему руководства страной. Напомнил он мне сатирические стихи, которые мы учили в детстве:

«...Юный Фриц сдаёт экзамен...»

– Для чего фашисту ноги?
– Чтобы топтать по дороге,
Левой, правой, раз и два!
– Для чего же голова?
– Чтоб носить стальную каску
Или газовую маску,
И не думать ничего:
– Фюрер мыслит за него!»

С какой горечью он это продекламировал!

Я удивлялся его смелости: Передо мной, работником горкома он, правда, вполголоса, затрагивал запретные темы с такой убеждённой и даже пылкостью, которые могли бы сильно повредить его дальнейшей судьбе. Это сейчас Свобода Слова, а тогда даже за анекдот можно было угодить за решётку по статье «за распространение ложных слухов».

Многие члены Партии, и я тоже, учились в партшколах, многие гордились званием коммуниста. Я тридцать лет состоял в пяти партийных организациях по местам работы, и мог бы сказать, что не встретил ни одного коммуниста, если бы не Вячеслав Сорочинский. Вот таких людей надо бы в Генеральные секретари!

Полгода я почти ежедневно преодолевал пятикилометровую дистанцию от Ермака до ГРЭС, в солдатской форме без погон. Однажды Пузь догнал меня на служебном УАЗике, подвёз и сделал загадочное замечание: «– Ногами ты работаешь хорошо, но пора и начать головой работать». И ещё заверил, что мы срабатываемся и что, мол, кто с ним сработается, тем нравится делать дела.

Задумался я: На какие-такие «дела» намекает Пузь?

Помог коллега, Мухин: – Посмотри, говорит, чем Пузяка занимается: начальника ОРСа снял – Рогоцкого поставил, начальника промкомбината снял – поставил своего, приезжего, потом директора автобазы...

А заместителем у Пузя по идеологической части был жёлчный злопыхатель Задунайский, явный негодяй и скрытый антисоветчик. Было ему лет за пятьдесят. Однажды ребята, ИТР из коллектива строящейся ГРЭС, поехали отдыхать в Баян-Аул (Есть там среди степей такое очень привлекательное место). На скалистом участке перевернулась бортовая машина, побились они крепко. Вот и нашёл этот враг народа повод даже не для фельетона, а для переполненного злорадством памфлета с указанием фамилий и с придуманными диалогами героев этого опуса, опубликованного в городской газете под псевдонимом В. Ермаков.

Естественно, потерпевшие ИТР предельно оскорбились, потребовали раскрыть автора. Но газетчики не стали связываться с этой гнидой. А я сразу догадался, что кроме него никто в городе на такую пакость не способен, и предложил собрать людей, позвать его в качестве представителя горкома, да и заставить признаться в подлости.

Так и сделали. Он с собрания ушёл, а ему вдогонку прозвучали все нелестные эпитеты, какие только позволяла воспитанность этих молодых людей. Начальник строительства Колганов тоже не побоялся высказаться, очень, впрочем, рассудительно. Умный был – редкое качество для начальника.

Ну, а у нас с этим Задунайским конфронтация продолжилась. До сих пор вспоминаю его с гадливостью.

И вот такие персонажи руководили городами, республиками, страной! Вспоминаю «коммуниста Забейвороту», ненавистного нам сержанта, командира нашего отделения. Судите по одному поступку: у ехавшего с нами в соседнем купе мальчонки с трудом, но выпросил этот сержант значок «Отличник воинской службы», который мальчишка, видимо, тоже не на дороге нашёл. Вот такой у нас был командир. Вор, жулик, карьерист. пойманный нами на присваивании наших командировочных! Капитан Проничев, упомянутый здесь замполит, его делишки

скрыл, несмотря на наши просьбы, и коммунист Забейворота благополучно демобилизовался, попутно погостив у любовницы и, обокрав её на прощание; скромно удалился в своё Запорожье с её чемоданом, по поводу чего и поступила на имя комроты просьба «принять меры».

Примерно в эти годы был опубликован Кодекс Строителя Коммунизма – рекомендуемые к выполнению морально-нравственные нормы для человека будущего. Как радостно забилось моё ретивое! Наконец-то новое поколение расстанется со всей грязью, густо прилипшей к имени Человека! Но... судите сами, насколько я был глуп в свои двадцать лет.

Стал я подумывать, как бы мне развестись с этими делягами. Пришёл к Пузю. А он:

– Мы, говорит, тебя целый год учили, надеялись на твою благодарность. Так просто ни из горкома, ни из Партии не уходят! Мы тебя отпустим только по решению бюро горкома. А бюро – это я! Здесь, в городе, пора бы тебе понять, я хозяин! (Поверьте, я не сгущаю красок и ничего не придумываю: у меня для фантазий и времени нет. Дай бог, как говорится, хотя бы вспомнить. А вот такие диалоги не забываются.)

И дошло до меня, далёкого от политики, технаря, что партия повсюду расставляет удельных князьков с почти неограниченными полномочиями с целью полного подчинения всей страны фюрерам из ЦК.

Пишу я заявление на увольнение, кладу ему на подпись. Закон, говорю, никто не отменял.

А он: – Мы тебя назначаем на самостоятельную работу – секретарём горкома комсомола.

Ещё чего не хватало! – А почему, говорю, меня не спросили?

– Так, – говорит, – решило бюро. Дисциплина, мол, такая у нас, в Партии: с решением не спорят!

Ну. я, конечно, не согласен; как это – без меня!

Назначил он дату пленума. – При тебе, говорит, будем решать.

Решили. При мне. Меня не спросили. Голосовали единогласно.

– Ну вот, говорит Пузь, – при тебе решили.

Я бурно протестовал.

– Ладно, он говорит, найди сам кандидатуру.

А у меня друг. Рудольф Райзер. Он в школе работал трудовиком. Я ему говорю:

– Нет ли у тебя желания поработать секретарём горкома комсомола?

Рудольф справедливо обиделся: – За меня хочешь спрятаться?

Но всё-таки пошёл он к этому Задунайскому, второму секретарю горкома.

– Нет у меня, – сказал ему Рудольф, никакого желания менять работу. Не хочу штаны протирать.

Как взбесился этот моральный урод! – Тебе, – говорит, – сыну ссыльных немцев, только что вылезших из-под надзора, предлагают такую почётную должность, а ты ещё и выкобениваешься! Смотри, мол, при случае и припомню я тебе этот день!

Вот так я чуть не подставил своего друга, Рудольфа Францевича.

Подписал Пузь моё заявление: не по пути нам оказалось. Впоследствии отомстили ему казахи за кадровые перестановки, подловили на махинациях с автомобилями и «привлекли». Справились!

Устроился я токарем в ЕРМАКСПЕЦСТРОЙ.

Жизнь токаря-универсала хлопотна. Только настроишься, скажем, расточить втулку, прибегает механик:

– Что точишь? Бросай её! Там экскаватор стоит! Надо вот такой длины гайку.

Бросаю. Ищу заготовку. Убираю расточной резец. Загоняю в бабку сверло.

Заходит бригадир монтажников. Кладёт на станок эскиз:

– Начальник приказал к трём часам выточить две такие муфты!

И снова переналадка станка, то и дело забегает механик, нервничает. Я – тоже. Нет, конечно, бывают спокойные смены, даже и без заказов. Но тогда моя рабсила используется на других фронтах: трудовой ритм у строителей непоколебим. А станок мой стоял в П.Р.М. – передвижной ремонтной мастерской. Там всё необходимое: верстак, печка, дрова, сварочный аппарат...

А тут Никите Хрущёву пришла в голову идея: по всей стране начать трудовое обучение в школах. И началось «претворение в жизнь»! Потащили в школы барахло с предприятий; «шефы» занялись поиском учебно-трудового сырья: металла, тканей, древесины...

А ещё – преподавателей. Не выпускали ВУЗы таких специалистов. Потянулись в школы слесари, плотники, штукатуры, повара, швеи, крановщики. Освоили спецлексику: «дидактика», «опорный момент», «мелкая моторика»...

Переманили и меня во вторую школу. Слесарное дело преподавать. Потом черчение добавили. Потом – машиноведение, электротехнику. Потом упростили в вечернюю школу на черчение. Сорок пять часов в неделю! Ну, я холостой, справлялся. Да ещё классное руководство в десятом классе, где моя сестрёнка Оля училась. Этот выпускной класс мне стал, как семья.

Они звали меня – Олег. Директор мне замечания делал:

–Как вы допускаете, что они вас Олегом зовут?

– Ничего криминального, – говорю: им по восемнадцать, а мне – двадцать три. Да и дружнее так-то. (Директор тогда уже новый был: прежнего Пузь заменил на своего. Придрался Пузька, что слухи пошли, будто в него влюбилась десятиклассница.

Да и как в него было не влюбиться; он был душой коллектива, интеллигент. Ушинский его бы всем в пример ставил).

А новый директор собрал нас в учительской и так вот нагло заявил:

– Меня зовут Лев Сергеевич Томашевич. Я вас тут всех или разгону, или заставлю работать как следует!

Меня поразило, что наш дружный коллектив, так умело и бережно созданный директором Ситько, вдруг, да, именно вдруг! – раскололся на две части: на тех, кто возмутился таким хамством и тех, кто сходу стали угодничать:– конечно, мол, а разве у нас не опаздывают вот такие, как... И начали друг на друга пальцем показывать!

Так открыл я в людях эту, присущую толпе, черту: кого угодно, только не меня!

Леопард, по наблюдениям Даррела, загнав обезьян на дерево, даже не пытается лезть за ними: при его рычании они сами, пытаясь занять верхние ветви, спихивают вниз того, кто плохо держится. Его-то и надо было опытному хищнику, чтобы наестся, не трудясь. Автоматика, однако!

И я не нашёл в себе столько, как сейчас модно говорить, «толерантности», чтобы сотрудничать с ещё одним узурпатором, и уволился. А был уже 1965-й год. Эльвира тем временем пошла на преддипломную практику. Её подруга Катя по своей инициативе написала мне, что, мол, пора и честь знать и не оставлять невесту в столь затяжном ожидании, что в настоящее время они на практике в городе Братске, что живут они в общезжитии, и проч., и проч.

Тем временем Тамара, работая лаборантом на Ермаковской нефтебазе, сильно обгорела: от бунзеновской горелки загорелся халат. После длительного лечения её направили на курсы в Алма-Ата. Долгая разлука с сынишкой её, естественно, огорчала. Картинка: Тамара в сильном волнении бросает чемодан возле калитки и врывается во двор, где она видит Игоря, естественно,

с криком: – Игорёк! Тот, видя какую-то сумасшедшую тётю, плачет и бежит от неё в дом. И вот они, оба громко плача, врываются в дом, он, оглядываясь, она – протягивая к нему руки...

Не знаю, где и когда успел заметить Тамару местный парень, немец Бернгардт, в простонародьи Борис. (С именами в Казахстане бывают интересные метаморфозы: У моего коллеги по трудовому обучению Тауша Ойгена было ещё два имени: Евгений Эрнстович и казахское – Айкен.)

Влюбился Бернгардт. Поехал за ней в Уральск, куда направили её после курсов.

Прекрасный человек этот Бернгардт Гербертович, а в миру – Борис Григорьевич. Воспитывался у тётушки: мать рано умерла. Тяжела была доля немцев, высланных из Крыма, с земель, подаренных немцам Екатериной Великой. Приобщила тётушка племянника к бухгалтерскому делу. Нехилый был мальчик. В шестнадцать лет Иртыш переплывал. Боксом занимался, да и до сих пор каждое утро – физические нагрузки по полчаса, да такие, что не каждый молодой выдержит. (77 ему теперь)

Но главная его черта – неподкупность. Работая бухгалтером – ревизором, натерпелся он и угроз, и попыток подсунуть взятку; притаскивали ему на крыльцо дорогие сервизы...Года три он сумел всё это выдержать. Ушёл. Нельзя честному человеку на такие должности, где всё продаётся и все покупаются. Иногда в газетах или других СМИ промелькнёт статейка о коррупции, и мы, нормальные люди, зажигаемся гневом, обидой: да как же можно так предавать интересы Родины? Да сколько же тебе, негодяю, надо, чтобы не марал ты честь страны, нации, мундира?

Не возмущайтесь. Люди – производное от обезьян. Им присуща жадность. Они не научились пока преодолевать её. И зависть ещё долго будет их мучить. Клептоманией страдают значительные массы. Только малая часть их, несчастных, лишены свободы. Подавляющая часть чиновников знает наизусть,

сколько стоит звание Почётного гражданина, должность прокурора, справка об инвалидности от радиационной катастрофы... Отвлекусь от биографии. Это надо помнить.

Вспомните неподкупных, донине доживших следователей Тельмана Гдляна, Иванова и ещё их коллег, вскрывших механизм всесоюзной продажности. Они, эти люди, в отличие от сотен тысяч их продажных коллег, не побоялись показать народу малую часть наворованных богатств: бочки с золотом, ханские дворцы изумительной красоты с неземной роскошью, драгоценные подарки, антиквариат, сумасшедшей стоимости полотна художников. Они назвали по именам эту воровскую мафию, считавшую себя неуязвимой: секретари генеральные и рядовые, республиканские, городские и областные, заплатившие за эти должности ворованными деньгами, по полтора миллиона рублей отдавшие за Ордена Ленина, т.к. это было престижно. Уличили во взятках неподкупные следователи членов Центрального комитета Соломенцева, Лигачёва, Гришина «со товарищи»... Ну, кажется, началось?, – подумали народные массы. Да мало ли что покажется!

Собрал Михаил Горбачёв заседание. Думаете, какую повестку приняли общим голосованием? А вот: – что будем делать с этими следователями? Они стали уже национальными героями, их голой рукой не возьмёшь! А народ-то на площади повалил, лозунги несут: «Долой правительство воров!», «Верните народу украденное!» и даже: «Долой правительство людоедов!».

И посадили неугомонных Гдляна с Ивановым «за попытку развала Союза»!

Это я так, для освежения общественной памяти. Вернусь к теме.

Ушёл Бернгардт главным бухгалтером на Уральский завод «Металлист». Обзавелись они с Тamarой садоводческим участком, моторной лодкой. Полюбил их сын, Игорь, реку Урал! До сих пор, уже будучи дедом, при любой возможности ездит он на

её просторы, бродит по её мутной воде вдоль и поперёк. Это его стихия.

Оля поступила в Томский университет, окончила его и с дипломом энергетика работала крановщицей. Озорной её характер разыскал среди рабочих парня, Костарева Валеру. Спросил я Олю, чем ей понравился этот остяк. А она говорит: – Он такой смешной!

Родился у них сынишка, серьёзный, очень спокойный и добрейший человек. А Зелёный Змий и тут напакостил: оставил Валера Оле Андрюшку и удалился без вести. Переехала Оля в Уральск, обеспечивала город электроэнергией. На помощь дочкам туда же переехали и мои родители, похоронив обеих наших бабушек, Анастасию и Варвару, на ермаковском кладбище, первую на девяносто шестом году жизни, вторую – на восемьдесят пятом.

Здоровье Тамары сильно ухудшилось после ожога тела: нарушен обмен веществ. Умерла моя сестра на операционном столе. Сильно мы её все любили. Не нашёл Борис другого утешения, как через три, если не ошибаюсь, года сойтись с Олей. К этому времени Ольгу вовлекли в свою общину буддисты. Для неё это оказалось огромным полем деятельности. В 2016-м году, защитив кандидатскую диссертацию в области восточных религий, взялась за докторскую... Ну, это её дело.

Когда ссыльным немцам было разрешено вернуться в свои края, то оказалось, что в этих самых «своих краях» никто их не ждёт. Нет там немцев, как таковых. Потянулись в Германию, но далеко не все. Остался и Бернгардт; достаточно ему и того, чтобы съездить за рубеж, провести сестру, друзей, племянников...

Умер мой отец. Не ходил он к врачам, не ел таблеток. Просто однажды, подшивая под навесом документы, почувствовал боль в области сердца. Увезла его «скорая». Утром он стал проситься домой: работа, мол, стоит. Не отпустили его, а вечером он умер. Было ему восемьдесят два года.

Настала очередь мамы. Сердечное недомогание тоже. Лежат мои родители в твёрдой казахстанской земле. Степные травы заползают на их холмики, степные ветры, напоённые запахами пяти полыней, шевелят ветви кустов на уральском кладбище. Почти каждый год посещаю я эти три скромные могилы, приезжая в казахстанский ныне город Уральск, где живут родные мне Оля, Бернгардт, Игорь Олюнин с женой Олей и сыном Борисом. А их дочка Варя, так похожая на Тамару, что я вздрагивал при взгляде на неё, уехала учиться в Канаду.

Как это больно! Отдавать какой -то Канаде своих детей! Она ведь не вернётся в Казахстан; она уже сейчас подцепила английский акцент. У меня украли Варю!

1965-й год. И я опять на вокзале Павлодара. – Мне, – говорю, – до Братска.

– До какой станции? Братск большой: там есть Анзёби, есть Братск – 2, есть Гидростроитель...

А я откуда знаю?

– Давайте, – говорю, до этого... Анзёби хотя бы...

В те времена можно было на ходу открывать дверь в тамбуре. Ехал я, зачарованный проносимыми пейзажами: Густые леса, тайга, речушки чистые. Жарки в сумерках просто горят, как настоящие угольки среди трав. А воздух с паровозным дымком – это просто наркотик. Густой, прохладный, незнакомый воздух Сибири!

Приехал на станцию. Язык до Киева доведёт. Не прошло и часа, как нашёл парней, которые видели усольских практиканток. – Но они, – говорят, – уехали домой дней десять назад.

Что же мне делать? – Только ехать в Усолье. А там опять искать. Адреса её родителей у меня нет!

Сел я на перила у вокзала. И вдруг, поверите ли, идут мимо меня... Катя Сумётова и Эльвира!

–Как? Вы же уехали домой?

–А мы вернулись на экскурсию. На Братскую плотину посмотреть. Обидно: были рядом, а не видели! Теперь вот опять домой едем, билеты взяли.

Вот такая получилась встреча, встреча надолго и настоящего. Седьмого ноября 1965 года сыграли весёлую свадьбу. Человек двадцать студентов и родственники поздравляли нас с Эльвирой, а наутро поплыли гурьбой на обмёрзшем катере на Красный остров. Мороз был около 30 градусов, но всем было и тепло, и весело. Спрашивали знакомые Эльвиры потом друг друга, за кого, мол, она вышла замуж, какого принца ждала почти шесть лет? – Как?! За простого слесаря?!

Вернулся я на химкомбинат; взяли меня слесарем в цех выпарки каустика. Цех шумный, горячий, со щелочной аэрозолью в воздухе. С рабочими мы сдружились быстро. А вот с начальством – не получилось. Не нужен начальству непьющий, дисциплинированный, да ещё и грамотный рабочий. Ну, не станет он, как положено, уважать пьющего, нечестного и несправедливого начальника, мало заботящегося об исполнении своих служебных обязанностях.

Нет нужды ему заглядывать начальнику в глазки, подхихкивать и нашёптывать про неугодных...

Ушёл я от него начальником смены в цех ЧХК (четырёххлористого кремния). Цех называли «крематорием»: газовал он на большие расстояния хлористым водородом. Работа почти всю смену в противогазах, с передышками, постоянно какие-то неполадки, забивка линий... Вспотевшую кожу обжигает образовавшаяся соляная кислота. В общем, проблем хватает, а на проектную мощность выйти – остаётся только мечтать. Но, повторюсь, редкий случай! – Начальник цеха, Романов Александр Иннокентьевич, был человек и умный, и энергичный, и порядочный. А ещё – смелый.

Картинка: Планёрка у начальника в кабинете. Романову звонит крайне раздражённый главный диспетчер «Химпрома»

Русанов: – Требую наказать вашего начальника смены Петрова! Я ему приказал принять меры по устранению газовки хлором, а он меня, диспетчера, послал на...! Распустили персонал! Я на него рапорт напишу директору комбината!

– В чём дело? – обратился Александр Иннокентьевич к Петрову.

– Я ему, – отвечает Юра, пытался вдолбить, что у нас ремонт, что хлор на цех перекрыт, что нет у нас хлора, и газовок поэтому просто не может быть. А он не слушает даже, твердит, чтобы мы меры приняли.

Романов пояснил диспетчеру, что претензии к Петрову обоснованы, но к работе цеха – напрасны: хлор почти сутки перекрыт, и газовок не могло быть. Русанова такой ответ почему-то взбесил: не может же он не верить санитарной лаборатории! – Вы, говорит, – пытаетесь обмануть меня! Сговорились! – кричит.

А Романов: – Будешь писать рапорт на начальника смены, так напиши и на меня. Пошёл ты на...!

Проектировщики в схеме производства ЧХК наделали всяких лишних «наворотов» Стали мы это всё переделывать, исходя из не очень уж большого опыта работы, на свой риск. Дали месячный план, потом за качество взялись.

Собрался Романов в Братск, на повышение: там тоже надо было налаживать производство. По этому случаю устроили мы пикник на даче у энергетика Башкирцева Виталия. Владимира Васильевича Усова поставили начальником цеха. Подвыпивший Усов на радостях полез к Романову целоваться, да и откусил ему верхнюю губу!

Не захотел Усов признаться, что вот так, по пьянке, потерял рассудок. – Я, – говорит, – нарочно откусил, за прошлые обиды.!

Вот так испортился у нас дружеский прощальный пикник.

Меня назначили технологом цеха. Это были годы настоящей, творческой и напряжённой работы всех служб: механики, КИПовцы, химлаборатория, служба энергетика – все работали на будущее. Мы прямо в окна выбрасывали ставшее ненужным проектное оборудование; монтажники Гайяра (был такой славный начальник монтажного участка) были частыми «гостями» нашего цеха. Проектировщики, знавшие меньше нас, не спорили и почти не вмешивались.

Я окончил Иркутский Институт Патентоведения, увлёкся изобретениями, да напрасно: никому, кроме всяких там японцев, наши советские изобретения и до сих пор не нужны. Судите сами: устроился начальник в уютное кресло, не капает над ним, премии капают в карман...И вдруг! Изобрёл какой-то там умник какой-то заумный штамп, и вот его надо «внедрять»! Слово-то какое – в н е д р я т ь! Как гвоздь в ягодицу! Значит, умник получит тридцать рублей, а тебе надо сократить два человека, переставить оборудование, заказать эти дурацкие штампы, да ещё и отчитаться! А если, случись что...Ведь этот штамп – штука хитрая, в ней ничерта не смыслит товарищ начальник...

И так – по всей стране. Много у меня было хороших идей, но в Комитете, как я понял (Да и все уже давно поняли), задача другая: на каждую заявку дать хоть и нелепую, но отписку, чтобы и все, кто ещё не понял, поняли, что н е н у ж н ы начальникам лишние хлопоты!

Одно изобретение я всё же защитил авторским свидетельством, применил в цехе на узле ректификации. Но потребовались подписи начальника и механика. А для этого, что вполне естественно, я просто был обязан указать их соавторами.

Как-то бродил я в горах, и в это время заинтересовались моим устройством работники какого-то предприятия: просят подробно описать процесс деления потока. Обратились к начальнику, соавтору, значит. А он и говорит:

– А я откуда знаю? Это пусть Пеньков им объясняет, он придумывает...

А качество ЧХК с этих пор стало безупречным.

Висел мой портрет на Аллее Почёта «Химпрома», награждён я медалью «за доблестный труд», занесён в Книгу Почёта предприятия. И то сказать, большую мы осилили задачу: сделали из «крематория» надёжное производство, план давали иногда за полмесяца, а «зачачки» делали огромные. Научились прятать их прямо в складе. В красном уголке появились комнатные цветы,

Беседку возле цеха хмелем обвили. Бывали, конечно, и газовки, но не такие, как раньше.

Осталось у нас в штатном расписании меньше сотни персонала. Какой это был коллектив! Основной костяк его составляли работающие, преданные делу сельские жители, бросившие каторжный сельский быт, освоившие должностные обязанности и закалённые тяжёлыми условиями вредного производства.

Доступность этилового спирта доставляла немалых хлопот; однако я проводил совсем не напрасную разъяснительную работу, не считая алкоголиков людьми второго сорта. Я и до сих пор считаю, что алкоголизм – не вина, а беда заболевших людей. Конечно, я этим никого от алкоголизма не вылечил, но и никого за пьянство не уволил. Обошлось без этого. Просто, не выдержав испытания трезвостью, люди уходили сами. И мы их жалели. Как Ваню Сафронова. Он уволился, пошёл на завод горного оборудования, там работал обрубщиком, а это – исключительно тяжёлая работа, с тяжёлыми условиями труда, где невозможно защитить рабочего от вредного воздействия. Его «поймали» в нетрезвом виде, уволили. Он повесился на даче: слишком был совестливый, чувствительный, мягкого, почти нежного характера, не вынес упрёков, презрения, дурного отношения к нему. В нашей стране к заболевшим алкоголизмом людям относятся хуже, чем к сифилитикам.

Вылил я однажды найденный мной спирт, спрятанный под лестницей. Прихожу утром на работу, заходит в кабинет ночная смена. Рудольф Воробьёв решительно заявляет:

– Мы пришли тебя бить!

Я понимаю их: столько работы проведено с этим спиртом! Выпросить в соседнем цехе бутылку грязного спирта, пропустить его через противогазные банки (а это – затяжной процесс); при этом и свои обязанности не забывать. Драться, конечно, у них не получилось, а я напомнил мужикам, зачем мы ходим на работу.

Прибыла к нам однажды комплексная комиссия для проверки итогов соцсоревнования. Всё проверили... и не нашли никаких изъянов: трубопроводы покрашены, воздухообмен нормальный, графики соблюдены, санитарное состояние – ну, в общем, ни одного замечания не смогли записать! Начальник ГОСГОРТЕХНАДЗОРа Вешкурцев мне и говорит:

– Нам надо акт написать... Не можем же мы пустой акт сдавать. Подскажи что-нибудь! Я и подсказываю:

– Видишь, швеллер из стены выглядывает. Вдруг кто-нибудь зацепит, сапог порвёт...

Потом я стал начальником цеха. Начальники других цехов стали на меня поглядывать косо:

– Тебе, – говорят, – не стыдно с нами соревноваться? У тебя два вида сырья и один продукт! У тебя сто человек работает, а у нас столько разной продукции, столько народу! Конечно, ты всегда будешь занимать первое место!

А причём тут наш коллектив? Таковы условия соревнования, не я их придумал.

Подсоединили наш цех к девяносто пятому, сделали отделением этого цеха. Отобрали у нас все службы. Остался я начальником отделения, с моего согласия. Оклад оставили прежним. Поработал я полгода. А какая работа? У меня ещё столько было идей! А руки связаны. Хотелось попробовать провести процесс на псевдокипящем принципе; если облучить хлор

ультрафиолетом, то температура реакции снижается на триста градусов! Тогда реакторы можно было бы защищать от хлора хлористым кальцием. Если Вы не химик, скажу только, что кремний – это фантастика, а начинается она с четырёххлористого кремния. Это – как метан в органике, а у кремния свойства похожи на свойства углерода. На основе кремния возможна жизнь!

В общем, всё интересное для меня кончилось. Свои идеи записал я в тетрадь, отдал и чертежи главному инженеру производства. Не думаю, что он заглянул в них хоть раз. Написал я заявление на перевод в старшие аппаратчики, а через два года был уволен по состоянию здоровья: пневмония. Начальник КИ-Пи А Володя Мингазизов позвал меня в экспериментальный цех, но и туда меня не пустили: нельзя мне в хлорные цеха.

Директор третьего завода, Евстафий Максимович Ананьев, приказал в цехе ЧХК мыть полы водой. Он любил «порядок». Он плохо знал химию. Разъело соляной кислотой арматуру балок, рухнули перекрытия цеха, да и цех стал ненужным. Никуда не стали отправлять не только ЧХК, но и многие другие продукты, произведённые на «Химпроме». Ибо произнёс генсек Брежнев: – «Экономика должна быть экономной!»

Эльвира, как и я, тоже горела страстью к походам в горы. Мы с ней не раз ходили на Шумак разными маршрутами, на Олхинские скалы, на Соболиные озёра, на Уковский водопад, на Шубутуй... Потом ходили в походы с детьми...

Первым у нас родился Женя, в 1966 году, а в 1970-м – Яша. Назвал я его в честь своего школьного друга, Романова Якова. Третий сын, Данила, апрельский, с 1974 года. Постепенно улучшали мы жилищные условия, с комнаты в 12 квадратов до трёхкомнатной квартиры. Эльвира работала начальником лаборатории на производстве карбида кальция.

Уволившись, я съездил в Уральск, проведаль житьё-бытьё там. Зять звал меня туда, но у меня даже мысли такой не воз-

никло. Сибирь – это пожизненно. Здесь – Саяны, друзья, даже тайга кое-где сохранилась. Здесь крепко сдружились мы с Владимиром Щёлоковым. Удивительный это человек: всесторонне образованный технарь с обширными знаниями и прочной памятью, добродушный до крайности, с крепким здоровьем и абсолютно беззлобный. О нём и для его семейства я написал поэму под шуточным названием «Почти мистическая трагедия», хоть и шуточную, но строго подчинённую действительным событиям его биографии. Но, простите, это уже его биография. Он сейчас на реке Тунгуске, в селе Преображенке. Горжусь своими друзьями. Горжусь.

Пришёл я бригадиром наладчиков на спичечное производство ФСК «Байкал». Здесь работали слесари, которые с самых молодых лет обслуживали трофейное оборудование австрийской фирмы «Фойт». Но станки и автоматы уже были изношены; запчасти по немислимым ценам заказывались в Австрии, конечно же, очень редко. Такая роскошь оплачивалась золотом. Так что наша бригада состояла из умелых, сообразительных и любящих своё дело мужичков. А для изобретателя здесь было необозримое поле деятельности, так что я иногда выполнял в одиночку месячный план рационализаторской деятельности фанерно-спичечного комбината. Однако организация труда на семьдесят процентов отсутствовала. Не было даже механика цеха; мне приходилось составлять заявки, чертить заказы, а то и самому в мехцехе их выполнять на станке... Плохие отношения сложились у меня с секретарём парторганизации Горницким. Прислали его к нам из горкома, с командными замашками. Мешал он работать: придумает какое-нибудь заделье, отвлечёт от работы. То сверхурочно над бумагами сидеть требует, то в рабочее время беги к нему с какими-то отчётами... (Я там, в цехе, парторгом был: самоотводом от них так просто не отделаешься! Эти «миллионов плечи» ходят на собрания по принуждению, не

участвуют в решении вопросов, а голосуют всегда «за»). Я и говорю Горницкому:

– Вот ты – освобождённый секретарь. Скажи мне, от чего ты освобождён?

Замялся секретарь. Я подсказываю: – от полезной, говорю, деятельности. Вредишь только.

Встречает он меня вскоре, и сразу мне вопрос в лоб:

– От чего, – говорит, – я освобождён?.. Видно, долго его этот вопрос мучил.

Интересная, просто увлекательная была работа на «спичке». Научились мы делать свои запчасти, недорого и надёжно, изготовили штампы и кондукторы, из бросового металла цианированием добивались такого качества, что стояли наши детали дольше австрийских! И вдруг:

– Лучше надо работать, товарищ Пеньков! – так сказал мне начальник цеха Володя Омельченко.

А мы только что похоронили своего старшего сынишку, Женю. Был у них, десятиклассников, в тринадцатой школе бал «осенние листья». Кто-то его сильно оскорбил. Плакал он, когда подошла к нему классная руководительница Галина Мизандронцева. Ничего не сказал он ей, только спросил:

– Почему люди такие жестокие?!

Было ему шестнадцать. Был он хорошим сыном нам и наставником младшим братьям.

26 октября 1982 года, в субботу, он ушёл туда, далеко, где за лыжной базой густые заросли, и застрелился из самопала, заряженного спичками. Я полмесяца искал, расспрашивал жителей посёлков, прошёл железную дорогу от Биликтуя до Мальты, прочёсывал заснеженный лес...

Первого ноября нашёл его пенсионер с Привокзального; видимо, петли ставил на зайца. Иванов его фамилия. Пожизненно я у него в долгу. Его жена, видимо, не одобряла его поступок: когда я пришёл выразить благодарность этому великодушному

старик, она постаралась выпроводить меня как можно скорее. Многие на его месте не стали бы сообщать. У Некрасова – помните, что сделал «тятя», когда в сети притащило мертвеца? – Отправил его в «дальнее плавание». Связываться не захотел. «Да смотрите, не болтайте, а не то – поколочу!» Или: Ребята с нашей смены, переплыв Ангару, устроили табор к ночлегу. Пошли воды почерпнуть, а там к берегу утопленника прибило. В полукилометре от них, ближе к Олонкам, милицейскую форму на берегу заметили, пошли туда.

– Там утопленник, – говорят.

– А я причём? Я здесь отдыхаю. И вообще это не мой участок!

– А нам-то что делать?

Не знаю, он ли им посоветовал или сами так решили, но оттолкнули мужики несчастного подальше от берега: не торчать же ему тут; он и так «посинел и весь распух». Телефонов сотовых тогда не было. И всё-таки – ПОТЕРЯЛ СЯ кому-то близкий человек!

На алтайской бешеной горной реке Башкауз перед непроходимым местом многие годы лежит записка матери: «Кто найдёт кости моего сына...» Да, лежит записка. Многие годы. Да, это его безутешная мать.

Неизвестность каждый день убивает, сводит все мысли и стремления в одну до нетерпимости больную точку.

После похорон пошёл я разбираться. Милиция мне наводящие вопросы задаёт:

– Он у вас что, бандит?

– Он что, левша? Самопал в левой руке был.

Взрослый человек, а не знает: затравка-то у всех самопалов пропилена с левой стороны, так как же ты выстрелишь себе в висок правой рукой?

Следователь, некто Чудов, заявил мне:

– Мы посторонним материалов следствия не показываем! Повернулся я молча и ушёл. Нельзя мне в бешеном состоянии ничего. Эти Чудовы – мои пожизненные враги.

Вот и до сих пор не показывают мне, кто повинен в смерти моего сына. Да и моя вина есть: не успел я рассказать ему, что люди, а особенно подростки, могут ради забавы всласть поиздеваться над ближним, что это так, мелочи, что люди способны и на другие всякие подлости, что и не надо их винить: на этой стадии развития от них и нельзя требовать великодушия, сердечности, чуткости, альтруизма.

Этот следователь Чудов потом стал прокурором в Усолье. Долгой ему жизни! Пусть переживёт он и детей, и внуков своих.

Знакомые плотники сколотили гроб. Витя Матюшев остался после работы, нашли мы на свалке металл. Сварил Витя оградку и памятник моему сыну. На обивку в магазинах я не мог найти красной ткани: близился Красный Октябрь! Добрые люди подсказали, что на складе ФСК ткань есть. Но главный бухгалтер ФСК – не разрешила! Я этого чиновничьего выпада ни понять, ни простить ей не могу. Понимаю, что в своей злобности и она не виновата, но всё же... Она же мать!

Коля Тришневский, работавший начальником снабжения на химико-фармацевтическом комбинате, один из честнейших в городе людей, попустился принципами и «достал» эту тряпку. Обил я гроб, забрали Женю домой, а гроб оказался короток. Завтра – похороны. Пришёл слесарь из моей бригады Ваня Синюгин; Эльвиру с детьми отправил я к старикам. Ночью, в моей квартире на пятом этаже, распилили мы гроб поперёк, надставили его найденными у строящегося дома кусками досок, закрыли тканью. Управились к утру. Вот у меня какие друзья!

Это всё я повествую для того, чтобы вы оценили услуги нынешних похоронных бюро. Тогда, начиная от беготни (в полубморочном состоянии!) за документами и до рытья и обустройства могилы все процедуры никого, кроме убитых горем,

не касались. Теперь – красота! Плати деньги – и тебя и убьют, и увезут, и закопают. Хоть и недёшево, но быстро. И кафе наперебой приглашают поминки справить.

Поселилось в нашей семье горе. Вскоре умер тесть, Владимир Иванович Тумаков, потом – убитая горем тёща, мать Эльвиры, потом дядя, Павел Александрович Анисимов... Стали расти на кладбище холмики один за другим, а до Жени там у нас не было никого.

И с чего это начальнику спичечного цеха Володе Омельченко захотелось укорить меня в том, что я недостаточно хорошо работал? Это точно с подачи секретаря парткома. Начальнику ли не знать, что я и за бригадира, и за слесаря, и за механика, а механика-то не было годами. Заказы, перечни, чертежи... И ведь всё оборудование работало, и план давали, и к качеству минимум претензий. Магазин запчастей создали слесаря моей бригады!

И обиделся я и на начальника, и на главбуха за эту красную тряпку, и парторг Горницкий надоел хуже горькой редьки. Брежнев умер, а я отказал Горницкому в просьбе выступить на траурном митинге. О мёртвых, говорю, нельзя плохо отзываться.

Друг мой, Валерий Иванович Букштейн, с которым служили вместе, тоже ликвидатор, переманил меня в коррекционную школу: там нужен был учитель слесарного дела. Из раздевалки переоборудовал я помещение в слесарную мастерскую, да не сразу. Год ходил по классам с чемоданом заготовок и инструментов; благо, что сначала были младшие классы, и операций, и мусора было не так уж много. А спичечное производство развалилось, «Химпром» тоже приходил в упадок. Жулики московские сделали вид, что создаётся предприятие «Сибирский Силикон». Отдали мы свои ваучеры на его развитие, и «силикон» канул в неизвестность, оставив открытым вопрос: куда делись миллиарды! Но шефы нашей школы с «Химпрома», особенно

начальник производства Леонид Иванов, ныне Почётный Гражданин города, успели основательно пополнить мастерские материалами, да и кое-каким оборудованием.

Партия начала себя изживать. Партийная верхушка ввела во все парторганизации партинформаторов, т.е. стукачей. Как в «Сказке о рыбаке и рыбке», политбюро захотело стать владычицей земною и ввело в Конституцию СССР статью о подчинении партийным комитетам всех предприятий, учреждений, контор, артелей и проч., и проч.

Наконец, добрались и до искусства; объявили возмутительную гадость: постановление о партийности искусства! Ну, а что такое «Перестройка», все знают.

К этому времени и в нашей семье началась перестройка. Это в большинстве семей происходит: сначала любовь «до гроба», потом «люблю тебя я до поворота», а потом и этот самый поворот.

Эльвира (прямо при детях!) на всё более повышенных тонах, исподволь стала выискивать, и, конечно, находить во мне нетерпимые недостатки. Мелочи раздувались в скандалы. Я не мог ей отвечать таким же образом, а это уже было бы оскорблением для неё. Всё это настолько было похоже на неврастению, что я несколько раз в мирной беседе советовал ей обратиться к врачебной помощи. Но на этом мирная беседа каждый раз кончалась совсем не мирно.

И надо же было мне как раз в такое неподходящее время влюбиться! Людмила... Я пишу это, потому что это произошло, и никуда из моей жизни не исчезнет. Это было просто наваждение, заболевание какого-то маниакального свойства. Кто-то меня осудит, кто-то поймёт – мне всё равно, потому что не в этом цель моего рассказа. А вот пожалеть меня никому в голову не пришло! Мне каждый день надо было её видеть, а это непросто, хоть работали мы в соседних цехах. Мне каждый день надо было с ней разговаривать и, непременно, глядеть в её глаза! Любая

женщина скажет: – Что ты там увидишь, в её глазах? Глаза у всех устроены одинаково! А вот и нет. В её-то глазах увидел я ту самую Любовь, которая бывает раз в жизни. Видите, я не стесняюсь писать то, что «не вырубить топором» теперь, на подходе восьмого десятка. Да, я, не скрываясь, приходил к ней в здравпункт: мне непременно надо было её видеть. Да, люди приходили в здравпункт и уходили и, конечно, догадывались, что не ухудшение здоровья заставляло меня часами торчать здесь. Моя работа не страдала от моих отлучек из цеха, ибо там каждый знал своё дело. Чтобы дольше находиться вместе, придумали мы ходить вместе в столовую в обеденный перерыв. Надо ли говорить, что и с работы мы, с обоюдного согласия, ходили вместе. Тут злые языки не выдержали и намекнули моей жене и, конечно, её мужу, чтобы они убедились в наших очень хороших отношениях. Они убедились. Начались допросы, расстрелы гадкими выражениями, пытки непристойными домыслами. У нас же с Людой не было и шансов на дальнейшее сближение: в нашей семье двое несовершеннолетних, у них тоже две девочки. Как мог я отобрать у отца жену, детей? С Эльвирой я в этот момент мог и расстаться, были бы дети на своих ногах. Но дети – это было главным, а они ещё не повзрослели.

Первые, самые бурные страсти в обеих семьях утихли, но ревность усилила неприязнь жены ко мне. Вот это – предательство: обвинить в «измене» и отвернуться лишь по той причине, что мужу или жене понравился хороший человек! А я до сих пор благодарен судьбе за этот бесценный подарок, за это сумасшествие, которое яркой вспышкой ворвалось в мою жизнь:

*«...А много, много лет назад
Затем рождён был я,
Чтоб заглянуть в твои глаза,
Дыханье затая...»*

И Эльвира, и Толя, муж Людмилы, понапрасну пытались очернить нас: не оскверняли мы брачных постелей, никак наши чувства не касались их размеренной и монотонной жизни. Вот только ревность... но это их проблемы.

Сразу после свадьбы мы с Эльвирой очень серьёзно обещали и едва ли не поклялись держать души открытыми, ничего не скрывать друг от друга. Но можно ли сказать жене, что тебе каждый день хочется видеть вот эту женщину? Только одна из тысячи поймёт тебя и скажет: – Иди, смотри... Ходишь же ты на футбол, в кино, смотришь там, что тебе интересно!

Я не изменяю друзьям. И жене не изменял. И Людмила мне дорога до сих пор. Что ещё можно добавить, если она – самая яркая моя любовь, моя неспетая песня?

Разошлись мы с Эльвирой. Много светлых дней было прожито с ней вместе; за многое я ей благодарен: за троих прекрасных сыновей, за трудолюбие и безупречную заботу о детях, за сотни километров совместных путешествий, за многие годы чистых отношений, которыми просто любовались наши знакомые. Разошлись мы, когда Данилка окончил институт, уехал работать в Норильск буровым мастером, а Яша нашёл свою любовь, Наседкину Женю, в Иркутске. Развод – это неизбежность и благо, когда уже нет причин, заставляющих людей мозолить друг другу глаза без необходимости.

Я люблю многих хороших людей. Родные, друзья, хорошие, именно хорошие, знакомые, приятели – все они мне дороги; я делю людей только на хороших и плохих. Это вовсе не значит, что к «плохим» можно отнестись высокомерно. Просто у них не изжиты черты, оскорбляющие достоинство человека. Они живут среди нас, не пытаясь избавиться от жадности, злобы, зависти, злорадства, ненависти... Совесть им позволяет быть такими. Никто не виноват в том, что он сам собой представляет. Вот и Платон это уверенно утверждал. Правда, Аристотель воспринимал ответственность по-другому: Человек, полагал он,

имеет возможность выбрать правильный или неверный жизненный путь.

По моему определению, хороший человек – тот, кто сам себя обеспечивает и ещё другим помогает. Хороший человек благодарен людям за то, что они обеспечивают его жизнь. Хороший человек независим ни от начальства, ни от долгов, ни от наркотиков, ни от алкоголя, ни от полиции, ни от невыполненных обещаний Свободен! Он с удовольствием платит тем, кто возит его на трамвае, отапливает его жилище, обеспечивает питьевой водой... Он никому не должен. Свободен! Такому незачем становиться трусом, лжецом, скрягой, предателем... Он и не судит других, понимает, как им не повезло, не получилось стать порядочными согражданами. Наверное, и каждый, прочитавший такое длинное отступление, согласится со мной.

Хороших любят. А кто же не любит хороших-то? Нехорошим любви почти не достаётся. Пожалейте их: больно, когда тебя не любят.

Продолжая знакомиться с новыми людьми, мы ещё шире раздвигаем круг милых сердцу мужчин и женщин, молодых, пожилых, детей. И, наконец, мой вопрос: Что же в этом плохого? Где здесь повод для ревности? Какие чувства испытывает ревнующий? Злобу? Зависть? Досаду? Почему?

У человека главным чувством должна быть любовь. Живя в последний раз, как можно не любоваться этим прекрасным миром, планетой, где бушует жизнь, та самая, что и рождена любовью, где у тебя под ногами тот кусочек земли, на который ты опираешься уверенно, по-хозяйски, а над головой твоей – твой собственный клочок неба – Родина! И как можно не любить людей, без которых ты – ничто, мелкое, непременно пакистое и незащищенное животное!

Я написал стихи об этом. «Принеси любви присягу». Это о том, насколько любовь возвышает, украшает все проявления жизни. Если бы человек, отбросив всё звериное наследство ин-

стинктов, научился жить только умом и любовью, как прекрасен был бы этот мир!

И пролетело в коррекционной школе около восемнадцати лет. Два раза писал заявление на увольнение: тяжёлая доля у бесправного учителя, с мизерной зарплатой, со вседозволенностью учащихся. В первый раз, уволившись, я нашёл работу в должности грузчика в магазине «Снежинка», в простонародьи – «сугроб» Уж больно мне понравился график: неделя работы в две смены, две недели – выходные! Скольکو походов удалось осуществить!

С работой грузчика в пятьдесят лет справляться можно. Тяжело бывает, когда напарник не выйдет. Магазин большой, грузооборот изрядный. Машины полные приходят, мешки по 50 килограммов, а то и по 60 бывали. С машины перетаскиваешь на весы, с весов – в штабель, а если вес «не отходит», тогда снова на весы и опять в штабель. А машину задерживать нельзя – на штраф нарвёшься, так что грузчик отдохнёт потом. Если другая машина не стала под выгрузку.

Умерла эльвирина тётка, Ольга Александровна, Половина дома, принадлежавшая ей, осталась по дарственной нашему Данилке, студенту. В этой половине и поселился я. Поставил там клетки, нутрий развёл. В другой комнате – моя кровать.

Забрались воры через окно, но не успели нанести ущерба, что-то им помешало. Может, моя собака соседей встревожила.

Стекло я вставил. Вскоре кто-то разбил светильник на столбе против нашего дома. Ясно, подготовка. Изготовил я самопал, хорошо зарядил. Ставни закрыл на засовы. Самопал стал брать на работу. У нас, грузчиков, шкафы были надёжные.

Вскорости прихожу домой – ставни выломаны, стёкла выбиты, занавески со следами крови морозным ветерком поколыхивает. (Зимой рано темнеет, а грузчиков отпускают лишь когда магазин закроеся). След от соседа, что за стенкой, от Толи Кислицына, через заборчик из сетки Рабица. Толя, конечно,

«ничего не слышал». Захожу в дом. Клетки открыты, нутрий нет; утащили швейную машинку, надувную лодку... ну, это не главное.

Были они только что: при выбитом окне комнаты ещё не остыли. На напильнике, которым они забивали нутрий, кровь ещё не свернулась. Поймать бы по свежему следу! На втором участке возле трамвайной остановки был телефон-автомат. Долго набираю 02. Звонок идёт, а трубку не берут. Горюплюсь в милицию. Там трое. За дежурным столом капитан сидит. – Тебе чего? – спрашивает. Я говорю, что ограбили меня: ставни выломали, окна разбили...

– Это у тебя украли, а не ограбили.

Я не стал возражать. Некогда. Говорю: – Товарищ капитан, сейчас бы по свежему следу...

А он: – Ты, б..., мне не указывай, что мне делать, говори, что у тебя украли.

Ну, думаю, в общем-то он прав, но как с б...ю выяснить? И спрашиваю:

А почему я Вас называю «товарищ капитан» а Вы мне – б...? А кто из нас б...:?

– А кто ты такой? – спрашивает он с вызовом. Ну, все знают, что такое «вызов».

Чувствую, и меня начинает подёргивать. Отстоял две смены всё-таки.

– Да я вас кормлю! И неплохо, как водите, кормлю! (На его пузо показал). Если бы вы работали, как я...

– Заходи сюда!, – зарычал. Я почти забежал в его будку и стал лицом к лицу. Если бы он только, как говорится, «тронул», пригодился бы мой хорошо заряженный самопал за поясом брюк! В его-то брюхо я бы не промазал.

Те двое, что стояли рядом, вмешались в нашу беседу: – Ладно-ладно! Будешь заявление писать?

Пишу: украли восемь нутрий...

Капитан: – а кто тебе разрешил нутрий держать?!

Я вскочил :– А кто бы мне запретил?! И опять те двое успокоили атмосферу в дежурке. Написал я заявление и ещё попросил, чтобы всё-таки прошли по следу с собакой. К моему удивлению, они стали куда-то звонить, мы немного подождали и пришёл кинолог, привёл овчарку. Собака сделала умный вид, обнюхала снег, пописала, отметилась то-есть, и на этом представление окончилось.

Примерно через месяц нашёл меня в магазине незнакомец, достал стандартный лист бумаги.

– Это, – говорит, – отказ в возбуждении уголовного дела.

– Почему?

– Тут написано, что нутрии могли разбежаться и сами...

Я не дал ему докончить, перебил:

– Твоя правда, – говорю, –они, эти нутрии, твари ещё те! Заворачивают в одеяло швейную машинку, резиновую лодку, уютюг, потом разбивают окно, выламывают ставни и ещё следы заматают!

Незнакомец улыбнулся, не смущённо и не виновато, а как-то обречённо: – Ну... вот...

Повторение – мать учения: созрела мысль, что наша милиция нас не бережёт. И ещё: Если служащий в милиции, дослужившись до капитана, становится таким негодяем, какой же из него выйдет подонок, когда он станет, скажем, подполковником! И вот ещё что пришло в голову: Поскольку с ними бороться, например, грузчику, невозможно, ведь они вооружены и очень опасны, хорошим средством был бы гранатомёт. Моё счастье, что гранатомёт пришёл не в руки, а в голову.

А когда я однажды по несложному вопросу вошёл в открытую дверь кабинета начальника ГАИ Печкина, тот прогнал меня, как собаку, не дав даже рот открыть. Я был оскорблён даже не за себя, а за весь советский народ, который терпит этих пузатых тушканчиков. Надо было что-то предпринять! Не про-

щать же ему такое хамство при исполнении... Впрочем, о каком исполнении можно тут говорить?

И я стал опять на тропу террора: на втором участке сохранилось несколько деревянных уборных, пользующихся такой популярностью, что материала, необходимого для намеченного на следующую ночь теракта, в них было предостаточно. Набрать трёхлитровую банку, закрыть банку крышкой, поставить в «авоську», подойти к окну, а оно на первом этаже и решётка редкая. Потом до высокой скорости раскрутить «авоську» и метров с трёх швырнуть в окно! Прокрутил я мысленно в воображении картину мести несколько раз. Но пришла следующая ночь, и я уже спал почти спокойно: даже такие обиды успокаиваются; надо только время. Но откуда во мне эта жажда мести? Вбили же мы себе в голову, что справедливость должна торжествовать! Чехов выразился, кажется, так: «Говорят, что правда всегда восторжествует, но это неправда». От этого и терроризм существует, как единственное средство против грубой, не преодолимой другими способами, силы.

Потом, гораздо позже, в мою дурную голову пришла умная мысль: Обидчивость – это отрицательная черта. Ведь твои переживания никого, кроме тебя, не волнуют и даже не касаются. Выплюнь их из головы – и всё опять станет на свои, как говорится, места. Ведь что с него возьмёшь, с этого Печкина? Он такой. А, как мной упомянуто ранее, никто не виноват, что его таким мы же сами и сделали. Так за что же я этого разжиревшего на взятках борова стану ещё больше озлоблять против людей? Нелогично!

Пришла как-то в магазин завуч нашей школы, Баранова Марта Васильевна. Попросила вернуться в школу. Подумал я, да и решил бросить всю эту грязь: воровство, сквернословие, бесконечные просьбы «достать» без талонов. Ещё обижаются: мол, ты же здесь работаешь! Для себя, поди, всё можешь взять, так что тебе за труд помочь земляку...

Картинка: Настойчивый стук в железную дверь заднего подъезда. Открываю: Стоит бородатый трезвый мужик: – Я – цыган. Мне нужен ящик водки.

– Я – русский. У меня водки нет.

– Слушай, я тебе три бутылки отдам!

– Дорогой, мне не надо три бутылки. Принеси двадцать талонов, и продавец тебе отпустит. А я – грузчик.

Дальше – бурная реакция со звуком и изображением.

В коррекционной школе был прекрасный коллектив, нацеленный на то, чтобы эти особенные дети научились ориентироваться в окружающем мире. Встречаются ещё талантливые руководители, умеющие создать коллектив, как это сделала Клавдия Ильинична Полякова. Мы были взаимосвязаны: в слесарном деле нужны и математика, и русская техническая терминология. Правильно читать и писать дети учились почти на всех дисциплинах.

На свой риск водили мы детей в походы. Кое-кто не одобрял: опасно, мол, клещи, костёр, съедят чего-нибудь не то... Но дети на природе просто оживали. Ещё бы: всё можно, простор необъятный! И дети так привязывались к нам, жили мечтой: когда мы пойдём в поход. С учительницей швейного дела Светланой Кузнецовой мы возили детдомовских детей (при школе был ещё и детдом) на скалы Олхинского плато, на Ангарскую курью, и на реке Белой с ночёвками бывали не раз. Для них это было вроде освобождения из мест заключения. Надо ли говорить, как это положительно сказывалось на поведении, успеваемости детей. И лучшего места для бесед с детьми, как возле костра с палатками, трудно найти. Светлана была в школе проформгом. Она же и была зачинщицей и организатором вечеров, сценариев к юбилеям; с её «подачи» в школе появился хор, который под прекрасным руководством преподавателя музыки Шипицына Валерия Константиновича даже сумел заслужить звание Народного хора. Съёмки камерой, фото на природе... У нас со Светла-

ной есть диск, где её девятый класс танцует на уроке хореографии. Это стоит посмотреть!

Кстати, о Светлане. Она поначалу показалась мне слишком светливой: её постоянно, на каждой перемене, будто бы одновременно можно было услышать на всех этажах. У неё ежеминутно какие-то дела к разным людям и по разным причинам. И к ней у всех какие-то вопросы. Председатель профкома! Но случилось так, что в продолжительной, не ограниченной временем беседе я поближе узнал эту мать пятерых детей, часто обижаемой грубоватым супругом, потерявшей отца на войне, выросшей в семье отчима-лесника, связавшей детство с лесом, с его жизнью, с его красотой... Она, как и я, пережила смерть сына.

Думайте, как хотите, но мы с ней всё чаще стали встречаться на прогулках в лесу, который для нас обоих был одинаково притягателен. У нас было о чём поговорить. И я полюбил её. Не от гормонов. Не той, пылкой любовью, что сводила с ума двадцать лет назад, но и не рассудительной, которая бывает у стариков с богатым прошлым.

Вся школа тотчас догадалась, почему мы, пятидесятилетние, не скрываясь, любимся друг другом, почему я вдруг стал называть её «Светланушкой». Ученики подхватили это имя и заглаза тоже начали её Светланушкой величать.

«...Просто встретились два одиночества,
развели у дороги костёр...» – поётся в одной хорошей песне.

Мы были связаны в своих семьях супружескими, как не хотелось бы произносить, «узами», хоть эти самые «узы» были изрядно разъедены ржавчиной неприязни. Вот это и есть настоящая измена: вчера супруг лез на небо, чтобы звёзды доставать, а буквально через десять-пятнадцать лет «Не трогай мой стакан, пей вон из своего»!

В конце концов, когда Света попросила у супруга развод, он не особенно возражал. Сняла она квартиру в Привокзальном

районе. Объявили приватизацию квартир; я от своей доли отказался, и стали мы со Светланой проходить «испытательный срок». Мы подарили друг другу всю нерастраченную нами нежность. Наученные горькой отравой семейных раздоров, мы не стали ставить печати в паспорта. Я заявил, что один раз уже был женат, и что достаточно с меня этих «уз». – Мы с тобой свободны, – сказал я, и любовь наша продлится столько, сколько её можно будет так и называть. У нас не будет имущественных отношений. Я пролетарий, у меня ничего нет; я рассчитался с женой и детьми, и я никому ничего не должен.

И поднял я с дороги камешек-агатик, простой камешек, и сказал любимой:

– Храни его, а когда я тебе надоем, не устраивай мне скандалов, а верни мне этот камешек. И я просто уйду, и попрощаюсь с тобой старческим, но искренним, поцелуем.

И она его хранит. Это – залог её свободы. Сейчас мне семьдесят восемь лет. Думается мне, что не успею я получить этот агатик обратно, хотя и изредка бывают у нас размолвки: она чертовски ревнива!

Про ревность я уже много рассуждал, – но ничего из рассуждений не извлекается. Может быть, все женщины ревнивы? Вот и Эльвира, земля ей пухом, и Людмила, до сих пор не желающая слышать о Светлане – отвратительно ревнивы.

Заболел дядя Светланы, Бычков Михаил Дмитриевич. Подарил он ей квартиру с условием, чтобы она за ним, лежащим, ухаживала. Угасал потихоньку этот мужественный человек, рак его доконал.

Поменяла она его квартиру на двух-, потом на трёхкомнатную, а потом купили мы дом на улице Ленинградской. Обустраиваемся помаленьку, дети, внуки любят у нас бывать, теперь уж и правнуков четверо. Две пенсии нам вполне хватает: огород же у нас есть, овощей своих почти достаточно. Ещё и детям помогаем при случае. Нам, пережившим военные невзгоды,

научившимся обходиться, чем бог пошлёт, теперешняя роскошь кажется излишней: Люди садятся за стол уже сытыми, дети то и дело произносят: – «Я это не ем!»! Да как же не ешь? Это же еда! Значит, нечего тебе за столом делать!

Если одни размышляют так и сяк, где бы найти время на всё, что ещё не успелось, другие ищут, чем бы заняться. Не подумайте, что критикую. Нет, – удивляюсь. Оказалось, что стоит жить и во взрослом состоянии: интересно ведь.

И ещё: не подумайте, что в моей биографии нет тёмных и гадких пятен. Я уже рассказывал людям про свои проступки. В детстве мы собирали окурки, пели непристойные песни, крали еду...

Однажды пьяному мужчине затолкали в открытый рот верблюжий помёт. В десять лет мы, трое, бросили курить: любой взрослый, увидя пацана с куревом, догнал бы и надрал уши, и поэтому мы, разбогатев однажды на три пачки папирос «норд», ушли в степь и там, за кустами, выкурили по пачке, всякими способами: и паровозиком, и кольцами, и с задержкой дыхания... Не нести же папиросы домой... Отравились мы сильно. Еле добрались до постелей: ноги не держат, голова, особенно затылок, страшно болит, слюна, тошнота. Не верите? Попробуйте, и вы тоже бросите курить. Если живы останетесь.

И вот что характерно: когда набирается группа детей или подростков, стоит лишь одному придумать какую-либо пакость, остальные – соглашаются! И пакостят просто так, ради адреналина. Однажды шли мы из школы домой, в свой посёлок, по железной дороге. По пути сорвали на колхозном поле по кочану капусты, обгрызли до кочерыжек, и шестиклассник Ликинов (имя я забыл) предложил кинуть кочерыжку в светящееся в темноте окно небольшого домика, что был ближе всех к насыпи. Никто из нас не возразил! Стали тянуть жребий на палке: первый берёт палку за конец, второй обхватывает её кистью вплотную с первым, так же – третий и т. д. Кто ухватится за второй

конец палки, тот, ко всеобщему облегчению, и делает это гнусное дело. А кидать пришлось мне. И я кинул. И попал. Да не в стекло, а в раму, которая от старости еле держалась. Мы, все пятеро, убежали. Потом я узнал: там дед с бабушкой жили.

Был бы я верующим, простил бы меня какой-нибудь из богов; поставил бы я свечку или рису в чашку насыпал. А это окошко вечным укором сидит на моей совести: почему я не воспротивился тогда? Я же не вижу никакой причины. Просто жребий пал на меня. Но, если бы кидал кто-то другой, я бы тоже не удержал бы его, а просто убежал бы со всеми вместе и так же мучился бы совестью. Пожизненно. А ведь мы уже были старшеклассниками!

Таких примеров мы и сейчас можем привести десятками. Вот заливают подростки водой Вечный Огонь Славы. Думаете ли вы, что это некая оппозиция, или что это политическая акция, или русофобы прокрались на родную землю? Нет, это поиски приключений на свою, не могу иначе сказать, задницу. В старые времена хорошая порка признавалась полезной даже самими наказуемыми: это своего рода отпущение грехов, восстановление душевного баланса воздаянием за содеянное. После восстановления статуса-кво обалдуя более не мучает совесть, потому что муки принимает задница его.

В первый раз в жизни приехал я на Байкал, в Лиственничное, в 1966-м году. Байкал! С благоговением подхожу к берегу. Волнуюсь; мысли перегоняют друг друга... В голове крутится песня «Славное море, священный Байкал».

Мог ли я не подойти к парню, стоящему с удочкой на деревянном помосте спиной ко мне? Видно, что местный: кроме удочки, с собой – ничего.

Подошёл, поздоровался. Парень молчит. Я подошёл ещё на шаг и снова поприветствовал его. Он молчит.

– А почему, – говорю, – ты не здороваешься? Он буркнул: – Много вас тут околачивается!

Я стал ему объяснять, какие чувства меня охватывают при виде Байкала, мечта, мол, моя сбылась.

Парня прорвало: – А ты вон туда посмотри! И туда! Сколько вы кострищ понажгли! А вон там и лес запалили, а огонь до вершины за полчаса дошёл! Багульник повывломали! Мусору натаскали, смотри – отсюда видно! (А в 1966-м году тогдашний Байкал был, не в пример нынешнему, чище!)

Хотел я ему доказать, что вот я-то ничего плохого не успел сделать.

И доконал он меня тем, как выпускной класс, с учителем, а, может, и не с одним, утащили у бабушки двенадцать уток, и съели их, и ещё написали записку, что, мол, утки были слишком жирные. Вот так: «слишком жирные». И уехали выпускники, не покаялись. Хотя бы письмом повинились, хотя бы деньги старушке отослали! Возможность-то почти всегда есть!

Теперь, когда я вижу на Байкале эту массу «отдыхающих», я хорошо понимаю местных жителей, для которых, и единственно для которых, Байкал и был священным. Для приезжих он лишь экзотика, возможность развлечься одним из десятков вариантов.

Лет через пять, по пути на свадьбу сестры Ольги в Томск, завязался у меня на вокзале разговор с молодой красавицей. Как говорят, кровь с молоком, в красной кофточке, ухоженная и воспитанная, судя по манерам. Я расспрашивал о её краях, о её Клюквенной, стоит ли туристу побывать там и т. д. Зовут её Клара, она – из Красноярска. Сказал, что живу рядом с Байкалом. – Были, – говорит, мы у вас на Байкале. Всем классом ездили. Тут я сориентировался по рассказу, по годам, да и спросил: – А что, Клара, правда, что у той бабушки утки были слишком жирные?

Её так и затрясло. – Это не мы!.. Это мальчишки! – Клара стала красней своей кофточки. – А вы откуда знаете?!

– Про вас, – говорю, весь байкальский берег нехорошо говорит. А вот теперь ещё будут знать, что такие выродки только в Красноярске водятся. Я в «Комсомолку» напишу.

Недолго мы с ней беседовали, объявили её поезд. Да и о чём после этого говорить... Я пылал «благородным гневом»! А потом... В «Комсомолку», как же... А не лучше ли мне написать, как я сам когда-то выбил окно двум мирным старикам? Чем я-то лучше? И нечего на других пальцем показывать. Грустно мне стало. Мне ли их судить...

Этого уже не поправишь. А ведь я мог бы тогда прийти к старикам, повиниться, помочь их беде, так нет же! Спрятался трусливо; боялся, что те же пацаны расскажут.

Да, сейчас мне всё понятно: и как надо, и что нельзя. А ведь это доходит не сразу. Не ищу ли я этим оправдания? И кто теперь примет моё раскаяние? Ну, пишу, как есть. Сколько нас, таких не прощённых, не оправданных! Как трудно сохранить её, эту самую честь. Зато «грехи молодости» навсегда вписали в мою совесть правило: сначала подумай, потом делай.

Вот ещё картинка:

Остановился трамвай между остановками «Либкнехта» и «Усольмаш». Стоим минут пять. Вагоновожатая возится в кабине, что-то дёргает, рычагами двигает... Спрашиваем: – в чём дело, сколько же нам тут торчать? Недовольство проявляем. Нервы же у всех.

– Да вон, говорит, мешают, – и показывает на лобовое стекло.

А за стеклом улыбающаяся физиономия парня лет семнадцати. Залез на фаркоп и ещё руками размахивает! Ну, тут не только я, но и другие пассажиры захотели проучить наглецов и потребовали открыть переднюю дверь. Выбегаю я первым и – в челюсть этому пареньку. А он:

- Не надо! – кричит. Мы просто просили её дверь нам открыть! Всё равно же трамвай стоит, а нам надо на Привокзальный.

А он так похож на моего Данилку! А я его ударил, оскорбил! Стыд какой! Мне, мужику, почти пятьдесят, а подросток умнее оказался, драку предотвратил! А мне и сейчас стыдно. До сих пор. Мой отец поступил бы по-другому. Вышел бы и спросил их: – Вы зачем мешаете работать водителю?

А я теперь и провокаторов опасуюсь. Среди людей, оказывается, и такие попадаются. Знала ведь та вожатая, зачем дверь открывает!

«Береги честь смолоду» – это хорошо сказано, но как раз не для детей. Им – надо всё перепробовать, преодолеть все запреты, пока ещё не сформировалась устойчивая совесть. А о какой «чести» ему делать внушение, когда у него ещё и совесть не закристаллизовалась? И если подростки сбиваются в стадо – жди беды: самый невоспитанный возьмёт верх, потому, что остальные приучены слушаться. И они будут послушны его «авторитету»!

Теперь я на пенсии. В когорте тунеядцев. А как же иначе назвать? Какая тебе пенсия, когда на тебе ещё, хоть и потихоньку, но пахать можно! Ещё и от повышения пенсий не отказываются, сидя на шее у трудового народа. Льготы требуют... Правда, польза от пенсионеров всё же есть: детям помощники, внукам-правнукам няньки, а зачастую ещё и кормильцы: редкий пенсионер в одиночку использует свои финансы. Ещё и воров-жуликов своей советской наивностью подкармливает.

Думал я, что с выходом на пенсию буду по горам топать, или с удочкой на бережку дремать.

Нет, не сбылось: времени круглый год не хватает. По горам ещё мало-мало ходим, обычно вдвоём с Виктором Григорьевым. На друзей мне везёт. Виктор – идеальный компаньон на тропе: страстный любитель путешествий, выдержанный, внима-

тельный к обстановке, выносливый, заботливый, быстрый и аккуратный в хлопотах, настойчивый...ну, я же сказал – идеальный! И, в отличие от меня, с удивительной памятью.

А вот на рыбалку времени не остаётся. Да и какая это рыбалка? Что не отравили, то сетями дочерпывают. Теперь ещё научились током высокого напряжения истреблять всю фауну, от карася и до мормыша, включая, конечно, и молодь. По всей стране! Вот – умышленное убийство.

Унесём мы с собой в могилы и память о тех годах, когда реки ещё не заросли травой, хламом и грязным налётом на дне и берегах. Мелеют реки, и Байкал мелеет, потому что вырубаются и выжигаются тысячи гектаров. Не верьте, что где-то производится очистка сточных вод: эшелоны моющих средств, поступающие в населённые пункты, растворяясь в стоках, целиком попадают в водоёмы России. Их-то песочек не фильтрует, и не отстаиваются растворы, а только концентрация растёт.

Простите за отступление, но и это тоже моя биография.

Произошла «перестройка». Социализм не получился, да и не мог он долго существовать: чтобы было государство, нужен непременно государь. Мы пережили Сталина, Хрущёва, Брежнева и ещё несколько старичков во главе СССР. Ельцин догадался переименовать РСФСР в Россию, пока она ещё представляла собой единую территорию, а его обвиняют в том, что он не внял результатам референдума, когда спросили «советский» народ: Хотите ли вы сохранить СССР? И все идиоты проголосовали «за»! Разве не видели, что нет уже ни КПСС, ни СССР? И что вернуть отколовшиеся республики (а они, именно как республики, имели право выхода из Союза), можно только преступным военным способом? «Хотите ли вы сохранить...» Это равносильно вопросу: «Хотите ли вы быть богатыми и счастливыми» А как? Эти республики до сих пор ненавидят «Союз нерушимый»! Есть у нас повод радоваться: Россия! И Герб в тему, и Флаг приличный. Вот только Гимн – позор нам на весь

мир. Во-первых, с чего это Россия вдруг стала «священной»? Это же не Ватикан! Или это от обилия священников, которым предоставлены прекрасные условия для накопления жира и долларов? Во-вторых, не держава, а федерация: расстреляна семья самодержца, да и сам он отказался им быть. Простите, но я так и не выучил наизусть эту пародию на Гимн Советского Союза, дважды перелицованную и неаккуратно заштопанную. Перечисление географических подробностей под заунывный, бесконечно повторяющийся рисунок мелодии нагоняет скуку и досаду за упущенную возможность применить таланты наших, российских, многое могущих поэтов и композиторов, поражённых творческой импотенцией. «Россия – любимая наша страна»? Вот это и должен доказывать Гимн! Да не «храняемая Богом» она, а оберегаемая нашей ревностной готовностью сломать шею любому врагу.

...КПСС предлагали судить за преступления перед народом, что-то вроде Нюрнбергского процесса устроить. Но...как? Все же свои! Передумали. И забыли! И опять «коммунисты» ораторствуют о «достойной жизни», «обеспечении растущих потребностей»... Думай: разве можно удовлетворить растущие потребности?! Минимальные – это можно, да. А коммунизма не бывает. Для отдельных групп это уже было, у них что-то похожее осуществилось, да и то только по части потребления. И это им понравилось. – Раньше жили лучше!, – кричат.

Я свой партбилет сдал в 1989 году. Пришёл в сектор учёта горкома и положил на стол. Она мне:

– Так нельзя! Надо вам идти к Цыганкову на беседу!

– Не нужен мне Цыганков, – говорю. Он мне ещё на Химпроме надоел.

Тридцать лет я не мог сказать такой дерзкой фразы! А теперь почувствовал, что КПСС стала рассыпаться. Свободен!

А парторг школы потребовала меня на партсобрание тоном, присущим властным чиновникам. Присланной за мной

учительнице я сказал, что я уже не состою в «рядах». что мне некогда: готовлюсь к уроку. Тогда пришла завуч, Марта Васильевна Баранова: – Пожалуйста, мол, Олег Павлович, объясните коллегам хотя бы свой поступок.

Уважаю Марту Васильевну. Очень уважаю. Пришёл я. «Слушается персональное дело коммуниста Пенькова». Я говорю парторгу, что я уже не коммунист, что порвал я с тёмным прошлым. Она юмора не оценила. Выступающие, как положено, начали меня обличать, но как-то неуверенно. Я коллегам посоветовал не стесняться в выражениях: мне-то всё равно, а протокол должен быть правильным.

В нём и написали чёрным по белому, что не сам я ушёл, а исключён я за непонимание политики Партии.

– Крысы бегут с тонущего корабля первыми! – сказала мне Зинаида Назаровна.

Я ответил: – Разве вашему «кораблю» что-нибудь грозит? Он и в огне не горит и в г... не тонет.

А когда все вышли, директор выразила восхищение моим «поступком»: – Если бы я была такая смелая, я бы тоже положила свой билет, – шепнула она. Впрочем, осмелел я ещё и потому, что дети мои выросли, в институты поступили, из школы меня бы всё равно не выгнали. Да и некогда стало партократам мелочами заниматься: самим свет в конце тоннеля светил от встречного поезда.

Вот в профсоюзе я бы остался. Но само понятие профсоюзов в СССР подверглось извращению настолько, что народ в массе своей поныне не понимает колоссального значения сплочённости трудового класса. Они поймут это непременно, но потом, после изрядных потрясений.

Есть штатные, если позволительно их так отличить, поэты, что кормятся от своих трудов, как артисты, певцы, юмористы-пересмешники, вот теперь ещё шоумены... Им порой и не хочется петь, плясать, пианизмом заниматься... Но – надо! Бизнес!

И вот поёт бедолага одно и то же по несколько раз в день, «тягает голяшку» баянист одно и то же на каком-нибудь детском празднике, а поэту позарез надо «к такому-то числу» непременно выдать на такую-то тему хоть что-нибудь, чтобы складно было, а то не пропустят, не напечатают!

Стихи – настолько привлекательная форма речи, что пишут почти все, «пока не повзрослеют и не поумнеют», как выразился один наш земляк. Немногие остаются верными красивой строке, да и из них немногие не продаются, не выпускают ширпотреб, просто любят стихи, и не только свои.

Думал я прожить лет тридцать, да вот задержался: интересно! Если не надо быть взрослым на все сто процентов, а ещё помнить, что счастливым быть не обязательно и даже вредно, что живём мы в последний раз. И – любить. Тогда не пожалейшь, что «детство ушло», что взрослеешь, стареешь...

Когда-то, сбившись с тропы, наткнулся я на останки человека. Скелет лежит на большой высоте в районе Оспинского перевала, скорее всего, больше сотни лет. И я позавидовал ему: полный покой, альпийские цветочки, горные пейзажи на обе стороны... Что может быть красивее, долговечнее и чище гор? И скелет вида не портит, к размышлениям располагает. Есть и у меня такая возможность, пока хожу в горы. Не по душе мне эти церемонии с трупами. Крематорий – это правильно, а языческие обряды пора бы прекращать. Да ещё хочется обойтись без сиделок, памперсов, пролежней и... вы понимаете, о чём речь. «Мой дядя самых честных правил...»

Зачем задета здесь такая тема? Но у каждой биографии есть две основные даты. Одну я назвал, а вторую готовлюсь только предугадать. А пока мне 78 лет... Время – это почти и есть наша жизнь. «Миг между прошлым и будущим»? Но ведь миг – это тоже время, сравнительно большое время, и половина мига – в прошлом, а половина – в будущем...

5 июня 2018 года

ПОЧТИ МИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

*Издание второе,
дополненное в силу обстоятельств
и исправленное в меру поумнения автора*

*г.Зальцбург
1970-1900 г. г.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ужасно трагическая, а поэтому губительная
Для лиц впечатлительных и слабонервных

Согласно с буквой этикета
Я не хочу, чтоб кое-кто
Опрichь друзей мой труд читал:
На то Аллах мне скромность дал,
Да зря связался с дураком:

Чёрт, от Всевышнего тайком,
Дал мне еще одну повадку –
Нахально резать правду-матку
Тупым и ржавым тесаком.

Кто на чужбине не бывал,
Кто пребываньем не наказан
В краях, с которыми не связан
Ни вереницей долгих лет,
Ни счастьем краткого мгновенья –
Лишь тот воспримет без волненья
Сей драматический сюжет.
В прекрасной солнечной Сибири
Чиста вода и воздух свеж,
И жизнь прекрасна там промеж
Горно-таежно-водной шири.

Но во сто раз она чудесней,
Когда с громкоголосной песней,
Похожей на звериный рёв,
Глуша симфонию мотора,
Для восприятия простора
По клюкву едет Щелоков.

Мой друг рожден был без рубашки,
Но под счастливою звездой:
Спокойный нравом, молодой,
С прекрасной рыцарской душой
И не привыкший с детства к фляжке
(а уж особенно – к пустой), –

Он в жизни не давал промашки.
Кривить душою не умел,

Раз в пятилетку был «под газом»
И невооружённым глазом
На жизнь ни разу не глядел.

Хоть был он церковью крещён,
Имел десятка два имён
И прозвищ всяческих немало:
Пимошник, Пекарь, Пимокат...
Другой едва ли был бы рад,
Но друга это не смущало.
Наоборот, он был польщён!
...А был он Вовой наречён.
Он редкой памятью блистал
И мог часами и без меры
Из жизни приводить приметы.
Однако болтуном не стал:

Вблизи своей подруги Нины,
Его прекрасной половины,
Робел и сразу умолкал,
Заметив тень неодобренья
В её божественных очах
И – да простит его аллах! –
Чтоб сгладить тягость положенья,
Он издавал рычащий звук,
И дети вздрагивали вдруг
От этих мощных децибел!
Один лишь Сеец так умел.

Его, как я проговорился,
Не обошёл потомством бог.
Ночами Вова, как уж мог,

Усердно господу молился,
Чтоб тот детей ему послал,

Господь, молитве вняв, нанял
Проньру Аиста. И птица,
Горя желаньем отличиться,
Два рейса сделала скорей,
Доставив пару дочерей

Хоть и не сразу, но подряд.
Мой друг был несказанно рад,
И по причине веской оной
Назвал их Таней и Алёной.

А Аист, отягчённый грузом,
Уже опять несёт под пузом
Через моря, через леса,
Боясь попутать адреса,

Кряхтя, пыхтя, ругаясь бесом,
Едва справляясь с тяжким весом,
На это раз уже сынишку.
Ему бы сделать передышку,
– Ан нет. И Аист занемог.
Вестимо – надсадил пупок.

Проникнув в суть сего момента,
Они в порядке комплимента
Назвали сына Спартаком.
И о событии таком

Едва узнавши, вся округа
Забив в карман бутылку туго
И с тостами наперевес,
Неслась на праздничный процесс.
И пир был там такой горой!
– Аж вспоминается порой.

Ничто не вечно под луной!
Всё в мире временно и тленно.
Не потому ли чередой
За днями счастья непременно

Дни тяжких бед идут гурьбой,
Как бы в насмешку над тобой?

То был обыкновенный день.
Стряхнули утреннюю лень,
Проделав физ– иль химзарядку,
По заведённому порядку,
Гоним житейской суетой,
Был занят делом сонм людской.

Вон там настроились бежать
Ловцы увёртливых трамваев.
Собаки вывели хозяев
На свежий воздух погулять,
У диетической столовой
Уж пьют бичи на брудершвайн...
И, коль не трогать разных тайн,
Жизнь шла обычно и не ново.

В тот день семейство Мукосея,
Проворных кроликов резвее,

Неслось с детвой средь зеленой
До латифундии своей.

Заботой мукосейских рук
произрастали там чеслук,
редис, привитый на полыни,
моркофель там и помидыни,
и вообще – такие виды –
куда садам Семирамиды!
Под руководством Пимокатки
Все, как один, шерстили грядки.

Слова, чтоб описать беду,
Найду ли я, иль не найду?
Нашёл: резвясь в своём саду,
Они напали на грядку,
Где, яду черного полна,
Росла злодейка-белена.

Беда с женой случилась сразу:
Её прецизионный разум
Шайтан хвостом свои затмил.
Наутро след её простыл.

Дщерей забрав, покинув Вовку,
В далёкий город Пистерёвку
Она умчалась курсом вест,
Изобразив прощальный жесть.
И кедры ей, полны печали,
Прощально лапами качали...

И клён, что под балконом рос,
Усыпанный рососою слёз,

Стоял поникший и кургузый...
Скажите мне, какие музы
Изобразить смогли б печаль,
С какою Сей, вздыхая, вдаль
Глядел вослед своей подруге?

Сердца его друзей в округе,
Едва проведали они,
Что тяжкие настали дни,
С такой невиданной напасти
Едва на лопались на части.

И молвил он, сверкнув очами:
– Спартак, поедem к нашей маме!
И, озираясь грустным взглядом,
Отец и сын стояли рядом
Средь разорённого гнезда,
В котором больше никогда
Не быть веселью и потехам,
Не грянут Сейцы дружным смехом.
Как после Страшного Суда,

Тут стал хаос неимоверный:
Клочки, обрывки, запах серный,
Следы и пятна от кислот...
Теперь Видманов там живёт.
Хочу заметить, что Видманов
Нашёл себе заделье в том,
Что хочет извести живьём
Осиротевших тараканов.

Позвольте мне продолжить речь:
Глаголом чтоб сердца не сжечь,

Сгущать я не намерен красок.
Уставший от дорожных трясок,
Худой, небритый, но живой
И жизнерадостный, как прежде,
Он сплёл венец своей надежде:
Предстал перед своей женой!

Кто не познал печаль разлуки,
То не познает радость встреч.
Возможно ль лучшее изречь?

Высокорадостные звуки
Под чуждым небом пронеслись
И пыльную встряхнули высь!

Синоптиков объединенье,
Засекши оное явление,
Тотчас ударили в перо
И, описав весьма хитро
Суть атмосферных пертурбаций,
Стряхнули пачку диссертаций.

И долго на пистиряков
Из тёмно-серых облаков
Летела пыль. Да что там пыль!
– Всё полетело оверкиль.

Абориген, что рядом жил,
Их всех вниманьем окружил:
Глядел сквозь щель через забор
И каждый день ходил в дозор,
Дивясь посредством оной дыри

На иммигрантов из Сибири.

Как описать мне их жилище,
Где обрели они уют?
Аллах да облегчит мой труд!
А впрочем, дам немного пищи
Воображенью твоему:
Представь посильные уму
Убогость, мрак и теснотищу;
Затем всё это множь на тыщу,
Задача наша решена.

В его владенья входит двор,
Запихнутый в глухой забор.
В углу двора – венец культуры,
И образец архитектуры,
Свидетель очень древних лет –
Общественный винтерклезет.

А пахнет он отменно худо –
Хоть выноси святых оттуда.
Но надпись на его двери
Гласит: НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО!
И два замка на толстых рымах
Висят снаружи и снутри.
(Воспеть клезет – и неудобно,
Но обстоятельства велят).

А за воротами лежат
Дороги. Каждая способна
Вести Сеятельных особ
По разным видам назначенья,
В обеспечении стесненья

Не знали Мукосеи чтоб.
Их гложут тяжкие заботы.
Наш Сей, согнутый от работы,
Засуковывает рукава,
Таскает воду и дрова,

В то время, как его супруга,
Изнемогая от недуга,
Так на работе и горит:
Днём отдыхает, ночью бдит,
Поскольку трудится на Химе
В квадратно суточном режиме.
Нет сил продолжить мой рассказ
Ввиду душевного раскола!
Да и к тому же валидола
Уже кончается запас.
Я съел последнюю таблетку,
Чтоб эпилог запечатлеть:

Ничто не вечно под луной.
Не зря вертится шар земной.
Что это значит?
Это значит:
СИБИРЬ
ПО МУКОСЕЯМ
ПЛАЧЕТ!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ,
рассчитанная
на читателя воспитанного,
доброжелательного и умного.

Друзья! Познавши музы власть,

Избегнуть трудно писчей страсти.
И вот, читатель первой части,
Изволь читать вторую часть.

Скорбя над сеевой судьбой,
Мы прервались на том с тобой,
Что под луной ничто не вечно.
Банально несколько, конечно.

Но согласишься, что некрасиво
Критиковать стиха покррой,
Коль даже главный мой герой
Его приемлет терпеливо.

Подправить можешь, подтесать,
Коли к тому зудятся руки.
Ну, а коли помрёшь от скуки –
И то не зря я сел писать!

Пора однако, сбавить пыл:
Пока настроиться пытался,
Обильно что-то разболтался
И чуть про скромность не забыл.

Готов за то сгореть в аду.
Там ведь, известно, с этим строго!
Но потерпи. Ещё немного –
И я к сюжету перейду.

Перенесёмся в Пистерёвку,

Занюханный и жалкий град,
Поскольку кто из нас на рад
Хотя бы там увидеть Вовку!

Веществ сохранности закон
Найти нам Сея позволяет
Всё в том же ракурсе, в каком
Он в первой части прозябает.

Сочувственная дрожь руки
Да не испортит мне строки!
Законом также говорится,
Что и энергия хранится,
Подобно веществу к тому ж.
А Сеец – энергичный муж!

Его энергия кипела
(позор избитой фразе сей!)
Но в общем, ясно: Мукосей
Конечно, не сидел без дела.
Работу ладил и семью,
Чихал на моды, мысля здраво,
Давал налево и направо
Аборигенам интервью.

К веселью тяги не избыв,
Не чужд был тонких развлечений.
А необычностью суждений
Пугал здоровый коллектив.

Как было свойственно ему,
Средь пистерёвцев разной масти
Он разжигал такие страсти,

Что жутко было самому.

Узнать им было всем охота
Про все сибирские дела.
Беседа оживлённо шла!
Вопросы сыпались без счёта,
Ответы – тоже без числа.

– Велик там снег? – вопрос резонный,
Да и ответ готов уже:

– Я на завод ходил с балкона,
А жил на третьем этаже.

– А как там ЛЭП? – хохол ершистый
Вопрос с ехидцей задаёт.

– А снег у нас настолько чистый
– На землю сроду не прольёт.

– А это правда, что в Сибири
Медведи ходят меж домов?

– Запрошлым летом в Детском Мире
Гонял амака пацанов,

Да малыши не оплошали:
Домой медведя увлекли,
С ружья убили, шкуру сняли,
А вот разделать не смогли...

Пропала зря такая туша!
Медведь-то шибко был хорош.
Отец пришёл, надрал им уши,
А толку – мясо не спасёшь.

– Да от чего оно пропало?

– Мороз-то был под пятьдесят,
А с мёрзлой туши толку мало:
У нас его парным едят.

– Но ты ж сказал, что было лето!
– Про лето я и говорю.
Там ведь оно не то, что это,
А только по календарю.

Ты посмотрел бы наше лето,
Неверующий ты Фома!
Недаром даже в песнях пето:
Там десять месяцев зима.

Бывает, всё теплом согрето,
Но – трах – мороз! – И кончен зной.
До туалета выйдешь летом,
А возвращаешься зимой.

Пережевав такие мысли,
У хлопцев челюсти отвисли.
И даже тот, что был неглуп,
Ударил челюстью о пуп.

– Да, климат субконтинентальный!
– учёный молвит пистерняк...
И о земле – Сибири дальней
Все мыслят долго так и сяк.

Но нарушает он их грёзы

(тут Сею только потрафи!):
– А уж зимой у нас морозы!
В сравнение с ними ваши –фи!

Физиономия любая
Застынет в эту морозень:
Из дому выйдешь, улыбаясь –
С улыбкой ходишь целый день.
Регулировщик вот, примерно,
Стоит, указывает путь.
Чуть прозевал, замёрзнет, стерва,
Не может руку повернуть!

Стоит колонна, треплет нервы
И всех гаишников клянёт.
И тут шофёр, который первый,
Бывало, выйдет, повернёт.
Тут, как он смолоду привык,
Сей издаёт могучий рык.

Оставим нашего героя,
Дадим позубоскалить всласть.
Теперь на тамошнюю власть
Науськаю своё перо я.

Они – особая порода,
И вот их общие черты:

1. Они выходят из народа
2. Они с народом лишь на «ты».
3. Растят живот и подбородок.
4. Боятся вновь войти в народ.
5. Не против коньяков и водок.
6. Карают строго тех, кто пьёт.

7. Кричат «я ничего не знаю»
(Иль это им внушил Сократ?)
8. Дверь кабинета закрывают,
Желая перейти на мат.
9. Работой брезгают любую.
10. Всегда ужасно устают.
(Отлынить от труда – порою
И в самом деле тяжкий труд).
11. Нахальство придаёт им вес.
12. Они без липы жить не могут.
13. Когда их соберётся много,
Похоже на дубовый лес.

Но – стоп про общие черты!
Вернёмся к нашему герою:
Идёт начальство заводское –
Есть от чего разинуть рты!
Сей, сей преемник Эпикура,
Глядит, как важная фигура

Плывёт, на два шага отстав
От собственного живота.
Едва протиснув в дверь живот,
Вплывет в кабинет. И вот,

Серьёзный свыше всяких мер,
Своей прогулкой утомлённый,
Сидит, слегка одушевлённый,
Вписавши брюхо в интерьер.
Хохочет Сей до хрипоты:
Не может он без зубоскальства
Глядеть, как местное начальство
Таскает гордо животы.

А хлопцы? Хлопцев дрожь забила:
– Да разве сроду это было,
Чтоб при начальстве ТАК ВЕСТИ!
– Тебя ж заставят двор мести!
– Тебя оставят без квартиры!
– Заставят убирать сортиры!
– Тебя сотрёт он в порошок!
А с мастером случился шок.

Покорность власти в нас от века.
Ах, в родословной человека
Существовавший есть изъян
– Произошёл от обезьян!

Начальство, смехом поражён,
Готовится к ответным мерам,
Коли ему таким манером
Дают понять, что он... смешон!

Он, дважды тщательно примерясь,
Напёр на Сея животом:
– Да это же крамола, ересь,
Свободомыслия симптом!..
И, закатив глаза привычно,
Как только мог, орал он зычно.
С лица земли вот-вот сотрёт!
В восторге хлопцы: – Во орёт!

Но, ставя точку в сём вопросе,
Сей дружелюбно произносить

Со скромной миной: – Не солгу,
Я тоже кое-что могу.
И, грудь наполнив полной мерой
Той накалённой атмосферой,
Власодыбительно взревел!
... Нет, так Начальство не умел.

Униженный и оскорблённый
И удивлённо-восхищённый,
Склонив главу и вздёрнув таз,

Он долго Сейцу руку тряс.
С того момента в Пистерёвке
Прониклись уваженьем к Вовке.

Пытаясь с ними жить в ладу,
Наш Сей, попавши в их среду,
Воспринимает анекдоты,
Заученные наизусть.
И на него нисходит грусть,
И сводит скулы от зевоты.

Часами так жуют мочало.
Едва слышавши начало.
Один уж ржёт, другой не ждёт,
Когда закончат анекдот,
Не дрогнув мышцами лица
Хранит серьёзность до конца.

Потехе глупость не помеха –
И третий, дрыгаясь от смеха,

Концовки в толк не может взять
И просит дальше рассказать.

Свидетель диких нравов Веста,
Наш Сеец не находит места,
Где отдохнуть бы мог душой.
Ему не мил был край чужой,
Где по написанным канонам
За дружбу платят самогоном,
Где люди сиры, серы, сыры;
Здесь кресло и портфель – кумиры.
Здесь побрякушки чтут, мундиры,
И что в мундирах – тоже чтут,
Хотя всегда находят тут
Смесь сала, тупости и крика.
Ах, это всё казалось дико
Его возвышенной душе!

А власть имущие уже,
Принудив бросить ремесла,
Хотят устроить Сея в кресло.
Но кресло – прямо скажем, трон!
Уже вручил ему патрон
Ключ от квартиры превосходной...
Но грянул приступ очерёдный
Охоты к перемене мест.
Они покинули насест.
И Мукосеев биомасса,
Вместясь в купе второго класса
И пяля зенки вдаль и вширь,
Поют: «Сибирь моя, Сибирь!»

А хор детей многоголос!

Контральто, басом и сопрано
Спартак, Алёна и Татьяна
Преодолевают стук колёс.
И у супругов сердце скачет:
Сибирь по Мукосеям плачет!
Вот промелькнул седой Урал.
Европа – Азия. Граница.
Так мир страницу за страницей
Вновь перед ними открывал.
И... нет во всём огромном мире
Страны, прекраснее Сибири!

А я б хотел сказать иначе.
Конечно, страны есть богаче,
И плодородней – тоже есть,
Красивей и теплей – не счесть!
Страны ж, её прекрасней нет.
И это – правильный ответ.

С детьми и кроткою женой
Вернулся Сеец в край родной!
Но – слово прозе. Бросим лиру:
Утратил право на квартиру.

Она пошла в чужой доход.
Теперь Видманов там живёт.
Вышеуказанный Видманов
Изводит сейских тараканов,
На хлорофосе разорясь.
И, неудачей разъярясь
В простом, казалось бы, вопросе,
На древних насекомых бросил
Такой богатый арсенал,

Какого Бутлеров не знал.

(Соображенья, видно, нет:
Принёс бы парочку котлет,
Что под эгидой общепита
Едим из общего корыта.
Подбросив на ночь их под стол,
Он вмиг бы фауна извёл!)
После атак бывают миги,
Когда страницы Красной Книги
Уже мерещатся вдали...
Но всё же где-нибудь в щели
(О, всем знакомый образ фиги!)
Всегда найдётся индивид,
Что с честью восстановит вид.

Предвидеть можно наперёд:
Видманов так и не поймёт,
В чём закавыка неудачи.
А дело в том, что ту задачу,
Весьма учёна и пылка,
Решала химик Ц.Л.К.,
Вы прецедента не нашли б,
Чтоб так травили их упорно!
Притом – влияя благотворно
На тараканий генотип.
Они достигли совершенства,
И в том залог их благоденства.

На чём мы прервались с тобой?
– Что Сейцы занялись мечтами
Свой ограничить мир стенами
И крышею над головой,

Что нет у них берлоги прежней.
Чем мир огромней и безбрежней,
Тем хуже для семьи.
Оспоришь ли слова мои?

Но места много под луною.
С детьми и любящей женою.
Их добрый Крёстный приютил.
Старик любезный сколотил
Отель пещерного фасона,
Назвав его не без резона
Пещерою Счастливых Грёз.
И под влияньем мощных доз
Весёлых стариковых шуток
Они в течение многих суток
Счастливы были, бед не ждя.
Но – лишь до первого дождя!

Однажды, средь ненастной ночи,
Когда смежили Сейца очи,
Послал коварный бог Агды
Потоки дождевой воды;
И эта бурная стихия
Под храпы сейские лихие
Внезапно в Грёзы ворвалась
С ужасным шумом. Началась
Тут кутерьма в Счастливых Грёзах!

Среди отеля в странных позах
Кружили стул и табурет;
Два чемодана тет-а-тет
Из-под кровати выплывали;
Шипела печка: в поддувале

Вода лизала колосник.
Мелькнул от куртки воротник...

Затем, неведомо откуда,
Несётся, брякая, посуда,
Являя Сейцам грозный вид.
Всё это булькает, звенит,
И всхлипывает, и грохочет.
Сей ещё раз проснуться хочет!

Но, осознав, что видит явь,
Он до стола добрался вплавь
И вмиг на этих стапелях
Построил плот о двух рулях;
Для стройки стройматериала
С избытком всюду проплывало.

Вооружась веслом-доской
(недаром старый волк морской!)
Со знанием дела Мукосей
Спасает женщин и детей,
А после, оседлав стремнины,
Отель покинули мужчины.

Ах, если б Сей, семьи оплот,
Да не попал служить во флот,
Не миновать бы им беды.
Вот ведь какой он, бог Агды!

Лишь только утро наступило,
Лучи восставшего ярила
Сверкнули залпами огня,
Как будто землю проверяли:

«Посмотрим, что там вытворяли
Они в отсутствие меня?»

И в изумлении глубоком
Светило созерцает оком
Имущество, что выносилось,
Движимое водою, в дверь.
А недвижимым став, теперь
Оно среди двора сушилось.

Средь скарба, свежи и бодры,
Трудились Сейцы, как бобры,
Питая твёрдые надежды,
Что солнце высушит одежды.

Но – что дополнит мой рассказ?
– Проведав угол сада росный,
Уж хлопотал меж ними Крёстный,
Напитан юмором до глаз,
Причём мурлыкал между дел
«Ревела буря, дождь шумел».

Все, соблюдая очерёдность,
клянут зловредного Агды,
который с помощью воды
пещеру Грёзы ввёл в негодность.

У старика свои с ним счёты:
Ведь он во времена работы,
Для государственной нужды
Ища таёжные дороги,

Знавал печальные итоги
Проделок злобного Агды.

Он был дорожный изыскатель.
Он реалист был и мечтатель,
Известный деятель тайги;
Движению его ноги
Подвластны были все рельефы!

И подчинённые, и шефы
Его носили на руках
И обожали до невроза.
Нет, о подобных стариках
Повествовать бессильна проза!

Он просек сделал километры,
Терпя морозы, голод, ветры,
Одoleвал хребты, пороги...
И всё искал в тайге дороги.

Но бог Агды его подвёл:
Дорог в тайге он не нашёл.
Его безмерно любим все мы,
Но он герой другой поэмы.

Куда ж теперь деваться Сеям?
Пока о них мы сожалеем,
Минуты Сеец не терял.
Лишь миновал последний шквал
Его упорных невезений,

Он начал приступ учреждений,
житейской бурей гоним.

И, доказав жене, что им
Уроки жизни не забыты,
Сумел семейства габариты
Вписать в общественный жилфонд,
Произведя большой ремонт.

Скажу без зависти и жлобства:
У Сеев были все удобства,
Подполье, дровяной сарай...
Ну, чем, казалось бы, не рай!

Не рай. И есть на то причина.
И вот она, тоска-кручина:
Винтерклозет! Винтерклозет...
Ах, он уж ранее воспет.

На это крохотное зданье
Не обратили б мы вниманья,
Но он торчал, как перст судьбы,
Притом вдали от их избы.

Житейский шторм ревет и стонет,
Срывает с места их и гонит.
Чу! – Сеи с чадами уже
Живут на первом этаже
Аж в четырёхэтажном доме.

Трудясь с женою на Химпроме
И, наконец, посредством чад
Украшив школу и детсад,
Они попали в штиль житейский,
Создав спокойный, мукосейский,
Уютный, вроде бы, мирок.
Но, вновь ступивши на порог,
Усмешкой скалится Фортуна:
То был всего лишь Глаз Тайфуна!

С судьбой тягаться бесполезно.
Им указывает перст железный:
Немедленно ему – на БАМ
(Тот стройобъект известен вам?),
Ей – в Бург, который Екатерин...
Ах, там её и след потерял.

И вновь всеобщая печаль
В сердцах друзей его теснится.
А Сеец твёрдою десницей
Взял курс на энту магистраль.

Многострадальный город мой!
Велик ущерб, тобой терпимый.
Ты видишь, Сей, судьбой гонимый,
Обнялся с северной тайгой,

Вот, миновав пейзажи БАМа,
На север прямо и упрямо
Он держит путь к Угрюм-реке.
Судьба! Теперь ты в кулаке!

Судьба! Держи себя смиренно!
Узнай десницы Сея власть!
Судьба судьбе судила пасть?
– Всё в мире временно и тленно.

Как много дел на этом свете!
А Сеец, будучи умел,
Содеял много добрых дел.
Но лучшее, что сделал – дети.

И как-то, мысля глубоко,
Об этом факте, мы легко
Сошлись во мненьях даже с Ниной,
Его свирепой половиной.

Итак, у Сейца много дел.
Как говорится, первым туром,
Он поработал дыробуром,
Да так на том поднаторел,
Что люди тамошние бают,
Мол, сквозняки теперь гуляют
По телу матушки-земли.

Да вовремя перевели
Его на пост энергомана.
Он за работу взялся рьяно,
С энергиею зрелых лет.

Включился в сеть: – Да будет свет! –
– И вот он, свет. И труд недолог.
Утоп в энергии посёлок.

И, руку мастера хваля,
Лопочут резво дизеля.

Сияет сеево чело!
Преобразилось всё село.
С тех пор посёлок, что был тут,
Преображенкою зовут.

И лесопилка запилила
Диск пильный песню завопил,
И драгоценного опиала
На хату Вовка накопил.
Вот, утоптав ночей площадку,
Прилежно Сеец сделал кладку,
И вмиг, от крыши до полов,
Дом засыпной к зиме готов!

Всё – под руками: бочки-печки,
Рябцы – за хатой. Рыба – в речке.
Медведи ходят через двор,
А речка прёт через забор.
А нрав такой у этой речки –
Доходит аж до бочки-печки!

И есть особая примета:
У дома – два винтерклозета,
Чтобы удобно было всем:
Отдельно – «Ж», отдельно – «М».

Общенья жаждет Мукосей!
Он обретает там друзей,
Которые в огонь и в воду

И, невзирая на погоду,
В мороз ли, ливень иль потоп
Разыщут, пообщаться чтоб.

Они, скажу вам наперёд,
Преудивительный народ!
Быть может, это вероломство,
Но, если мне поможет Сей,
Я опишу его друзей.
Ну, как же можно без знакомства!

Вот, для наглядного примеру,
Каким быть должен человек,
Из Мукосеевых коллег
Возьмём Булгакова Валеру.
Приятен внешностью и правом,
Безбожно скромн и смышлён,
На радость людям он рождён,
Скажу вам это с полным правом.
Рыбак с особенным секретом,
Знаток подлёдных рыбных ям,
Наживку ловит по щелям,
А в основном, рыбачит летом.

Открывши путь на реку Могу,
На – пару с Сейцем, в той реке
Они цепляли шук помногу
Скитаясь днями вдалеке.
Ах, это щучье Эльдорадо
Теперь скудеет с каждым днём,
Поскольку порыбачить в нём
Теперь всё поселенье радо,

И, может быть, наступит час,
Когда слезу сгоняя с глаз,
Воскликнет Сей, вчесавшись в темя:
– Да, были щуки в наше время!

Друзьям известно: Мукосей
Ловить не любит карасей,
Но щук-то ловит с малолетства
И изобрёл такие средства,
Что даже из меня исторг
Вполне неистовый восторг!
Тут Тициану дать бы волю,
Но справился б и Пикассо;
Сей по картофельному полю
Щук ловит... С помощью лассо!
И ваш слуга тому свидетель,
Хоть и не верил я в успех.
Приврать слегка – не смертный грех,
Но верить – это добродетель!

Зачем отвлёкся я на щук?
– Предусмотрительная мера:
Чтобы Валера, Сеев друг,
Смушенья не изведав мук
И чтоб простил меня Валера.
Мне эта личность дорога:
Он бог, хранитель очага.

Его стеснительность щадя,
Я ваше отвлеку вниманье,
Путь своего повествованья
На Димочку переведа.

Его степенные манеры
И глаз небесных ясный взгляд
Кого угодно укротят.
Для подражания примеры
Своим друзьям он подаёт:
Табак не курит, в меру пьёт,
В речах учтив, сноровист в деле.
Но если он стремится к цели,
Наметив к ней желанный путь, –
Нет средства, чтоб его свернуть!

В кулак железный волей сжатый,
Прёт Красножёнов на таран,
И чувств клокочущий вулкан,
Сокрыт в груди его власатой!

Осанку, стать, красивый жест
Он принял с генами в задаток.
Но есть у Димы недостаток:
Душную рыбу он не есть.

На БАМ романтикой гоним,
(Полезно для самооценки)
Ван Гог присутствием своим
Отметился в Преображенке.

Не одноухий тот, чудной,
Что счёл призваньем рисованье,
Стул рисовал Ван Гог другой,
А этот ГОГ – Роговский Ваня
Он не рисует ничего.
Да вы же знаете его!

Крутой кипучестью кипя,
Угрюм –реку Роговский Ваня
Избрал для поиска призванья,
Лишенья всякие терпя,
Высокий, статный, крепкий, бравый
Он Сейцу был рукою правой.
Снискал он славу и почёт,
Когда, сроднясь с Угрюм-рекою
Худой, но крепкою рукою
Поставил всё на хозрасчёт.

К делам хозяйственным влеком
Он сразу влез в заботы эти:
Он крутит дизель, чинит сети,
Как будто вырос кержаком!
Скудна на Севере природа.
И, прежде чем с ружья пальнуть,
Смекал, как бы не перегнуть,
Не допустить перерасхода.

Сказать по правде, наш Ван Гог
Изрядно фауны сберёг!
(Раз, пацифизмом осиян,
Братался с рябчиками Ван,
А после сцены той хороший
Их Лёша Лушин укокошил)

Не с жадности и не со зла:
Ведь Лёша – он конкретность любит.
А Валентин их пулей лупит,
Всегда из нижнего ствола.

А что же Ван? Роговский Ваня
Нашёл-таки своё призванье:
В Усолье, в средней полосе –
Специалист по колбасе.

Хочу отметить Валентина.
Солидный, деловой мужчина,
В страстях воздержан и неглуп,
И не заносчив, и не груб.

Охотник резвый и фартовый,
Всегда в тайгу идти готовый,
Топтатель просек и болот,
С природой в дружбе он живёт.

Но самый что ни есть завзятый
Охотник – Витя Чичеватый,
Он держит марку много лет!
Больших секретов, в общем, нет:
Сначала он находит след,
Затем зовёт свою дворнягу,
Понягу ставит на корягу
(Имеет опыт человек!)
Собаку тычет носом в снег,
Под зад подталкивая нежно.
И вот они тайгою снежной
Бредут, распутывая след.
(Тут сложности и вовсе нет).

Когда ж, глаза под ноги вперя,
Чичевский настигает зверя,

Тому другой дороги несть,
Как лишь на дерево залезть.
Когда же пёс придёт, залает,
Тогда уж Витя и стреляет,
Стреляет с хитростью притом:
Разносит голову пыжом.
А если зверь изрядно мелок,
Навроде колонков и белок,
Так он берёт их на измор –
Настолько на ногу он скор.
От Чичеватого, бывало,
Собака Муха отставала!
Вернёмся к Сейцу. Мой герой,
Борясь со стужей и жарой,
И с местной власти беспределом
Был постоянно занят делом.
А голова полна затей,
Но прежде – мысли про детей!
Есть смысл взглянуть на этих чад:
Сынишка – просто сущий клад!
Дочь старшая, сиречь Татьяна,
К театру страстью обуяна:
Видать, её созвездье – Лира,
Поскольку все театры мира
(Такой волнующий момент!)
Готовят ей ангажемент.

Алёна – та, хоть лет ей мало,
Надежды Сея оправдала:
Шьёт, вяжет, варит, печку топит
И для балета силы копит.
Прекрасной дочерью своей
Гордится Вовка Мукосей!

... Меж брёвнами шныряя ловко,
По речке Моге мчится Вовка
И песню громкую оря,
Перекрывает рёв «Вихря».
Доложено уже, что Сей
Ловить не любит карасей.
Чем подвергаться этой скуке,
Он предпочтенье отдал щуке.

А вместе с тренером-отцом
Алёна, радость Мукосея,
Отлично спиннингом владея,
Себя являет молодцом!
Как только землю побеля,
Зима дохнёт в окошко Сея,
Отец и дочь, в трудах потея,
Из щук слагают штабеля.

На берегу реки Тунгуски
Дома построены по-русски.
Вполне красивые дома,
Плоды старанья и ума.
Наличники ласкают взоры:
У каждого – свои узоры,
Строенья эти создают
Их обитателям уют.
Тут вовсе нету кирпича:
Смекалку люди проявляют,
Причём изрядно удивляют,
Изобретая свой очаг.

Тут, знаешь, надо потрудиться,
Чтобы трудом своим гордиться,
Не замерзаючи зимой,
А тут морозы – боже мой,
Как жутко зимы холодны там,
В краю давным-давно обжитым,
Где каждый день – суровый бой,
Где наводнение каждый год
Всех-всех на крыши загоняет;
И каждый год наш Сей взрывает
В заторах дыбом вставший лёд.

Сибирь славна сибиряками,
Где их настырности порог?
На самодельном «Таракане»
Сей ездит там, где нет дорог.
У Вовки есть чему дивиться:
На крыше гаража – теплица
Из тальникового прута.
Хотя конструкция проста,
Приходят люди потолпиться.

И правда, есть что посмотреть:
Огурчик успеваешь зреть!..
Туда забраться – труд огромный,
И, чтобы не смешить людей,
Издадил Вовка кран подъёмный
Всего-то лишь из двух жердей.
Я от него не слышал жалоб:
Всему, чем жив, он сам творец.
При этом помнить не мешало б
Что он, допреж всего отец!

Он не один такой, конечно,
Таких, как он, в Сибири – тьма:
Живут они, чтоб стать навечно
Примером чести и ума.

Они живут, мои герои,
Мои любимые друзья!
Но буду ль с ними жить и я?
– Не буду. Я того не стою,
Они бессмертны. Смертен я,
И, будучи в аду поджарен,
Последний передам привет
Всем тем, чьей дружбой был одарен –
Живым, и тем, кого уж нет.
Но, перед тем, как мне сгореть,
Взликую, счастьем удивлённый,
Что довелось мне лицезреть
Весьма достойные персоны!

Вот это сказано не нами:
Россия – славная страна.
Дорогами и дураками
Издравле славилась она.
И по прошествии веков
Она, как встарь, горда собою, –
дорог в Росси больше втрое
И вдвое больше дураков.

Хоть есть предел всему, но всё же
Резервы наши велики:
Дороги будут подороже
И подурнее – дураки.
О, Боже, грех тобой содеян!

Моя Россия – тихий ад,
Где культом бедности взлелеян
Плодится пролетариат!
На то ль придуман образ рая,
Где нет понятия «Капитал»,
Чтобы народ наш, вымирая,
О «Светлом будущем» мечтал?

На то ли, отче благочинный,
Ты израсходовал века,
Чтоб из приличного детины
Такого сделать дурака?
Нет, не ропщу. Ищу защиту.
Поддался просто на искус.
Мою смиренную молитву
Ты б намотал себе на ус;
Ведь мы ж тебя боготворим,
Ведь ты же – как там... вседержитель!
(Кто верит в бога – не судите,
Кто судит – будет сам судим.)

И повторяюсь. И – многократно:
Мне нет нужды судьбу корить;
Стократ хочу благодарить
Её за тех, о ком приятно
И вспоминать, и говорить.

Я с ними, равный среди равных
И, их согласьем заручён,
Не искажал фамилий славных,
Не перепутывал имён.
Друзья! Узнаете ль себя вы?
Не станете ль меня корить?

Писать я начал для забавы,
Да вот... ну, что тут говорить!

Набравшись силы и отваги
Запечатляю день и час,
Когда сидел с листом бумаги
Пред светлой памятью о вас.

Оглавление	стр
«Я НАПИСАЛ ХОРОШИЕ СТИХИ».....	4
К Ч И Т А Т Е Л Ю.....	14
ПРИНЕСИ ЛЮБВИ ПРИСЯГУ.....	15
ЧТО СВЯТО МНЕ.....	16
МЫ СНОВА УЙДЁМ.....	17
Что толкает поэта к бумаге,.....	19
Я написал хорошие стихи,.....	20
РОДНОЙ ЯЗЫК.....	21
«Когда любовь приходит,..».....	22
Как страшен женский гнев!.....	23
Ах, муки творчества! –.....	23
нам слышится вокруг.....	23
СЕ-ЛЯ-ВИ.....	24
ВЕНИК.....	25

Любовь с хорошей песней схожа –	26
Создал Бог человека,	26
БЫЛ БЫ Я ПОЭТОМ	27
ГЛАГОЛ	29
ПОРТРЕТ	30
А. С. ПУШКИНУ	31
ПУХ	32
К ПОЭТАМ	33
ХВАЛА ПОВАРУ	36
Читать стихи – это искусство!	36
ПИШИ, ПОЭТ	37
Помните правила, балуясь строчками!	38
ПОМЯНЕМ, ЗИН!	39
Если б был я скульптором –	40
ЕСЕНИНУ	41
ДА БУДЕТ БОГ!	43
О МЕМУАРАХ	45
ВЕНЕРИНЫ БАШМАЧКИ	46
СОЧУВСТВИЕ	47
ЗАПИСКА В ПРЕЗИДИУМ	48
Я НЕ ХОЧУ	49
ЧИТАЙ!	51
НЕ ВСЯКОМУ ДАНО	52

«Ё»-МОЁ!	53
КРОШКИ.....	55
Прикоснёшься, увидишь, услышишь,	56
СПАСИБО, ДОКТОР!	57
ПУЗЫРИ.....	58
БЫЛ БЫ Я ХУДОЖНИКОМ	59
Таких вас много:	60
ПОСТИЖЕНИЕ	61
Были юные годы	63
УТРАТА	64
Добрый дяденька водитель!.....	65
ПРОЩАЙ, КАМЧАТКА!	67
КОМЕТА	69
ЕМУ НЕ НАДО ГОР	70
ТАЙГА.....	71
ВЕСНА В СИБИРИ	72
ПОТЕРЯЛАСЬ ПЕСНЯ.....	73
КОРЕШОК	74
НА ПРИРОДУ!	75
БЕРЁЗА.....	78
МЫ НЕ ЗАБЫЛИ.....	79
БЫЛ БЫ Я АРТИСТОМ	83
КУКУШКА.....	84

ГОША	85
РЕЦЕПТ	87
А ПОМНИШЬ?	88
НОЧЁВКА	89
«ИДОЛ»	91
«ЧАРУЮЩИЙ»	92
ЧУКЧА	94
КИТОЙ	95
ДАБАН-ЖОЛГА	97
ПРИМЕТЫ	99
ПОЛЯК	101
КРОШКА ХЛЕБА	103
ЗЕЛЁНЫЙ ЛУЧ	104
«ЯПОШКИ»	105
РАСКРАСКИ	108
– А надо ли это –	109
ДЕЛО ПРИВЫЧНОЕ	110
МЫ – ДЕТИ ПОБЕДЫ!	111
Был тайной скрыт ваш подвиг молчаливый,	112
ЧЕЛЯБИНСК-40	113
НАС БЫЛО МНОГО	117
У МЕМОРИАЛА	118
ХРАНИТЕ ПАМЯТЬ	119

МУЗЕЙ СЛАВЫ	121
А ПРИЧИНА – ОДНА.....	123
ТОЛПА	124
КОГДА-НИБУДЬ	126
НЕ ЖАЛУЙСЯ.....	128
ПЛОХОЙ СОВЕТ	129
МНЕ НЕ ДАНО.....	130
НИКОТИН – ЗДОРОВЬЮ ВРАГ, А КТО КУРИТ –	136
РАЗНИЦА ЕСТЬ.....	139
ЧИК-ЧИРИК	140
ЯЩЕРКА	141
ЛЁГКОГО ПОДЪЁМА!	142
ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ	143
Я – РЕБЁНОК.....	146
НЕ ИСКРИ!	147
ПОДВИНЬСЯ, БРУНО!	148
НУЛЬ	150
А ЧТО ЕСТЬ ГЛУПОСТЬ?.....	153
ЖАЛКО КУЗИЮ	155
ПОДАРИЛ ТЕБЕ ИМЯ	158
СОЛЁНЫЙ РОДНИК.....	158
СТОИТ УСОЛЬЕ ВОЗЛЕ РОДНИКА	160
СТАТУЭТКА	162

Городок ты наш, клочок родной земли!	163
ДУЭТ	166
ЖЕНЩИНЕ «ХИМПРОМА»	167
ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ	169
И СТАНОВИЛИСЬ У ДОСКИ.....	170
ГИМН ПРОФЕССИИ.....	171
УСОЛЬСКОМУ ТРАМВАЮ	172
ГОД СОБАКИ.....	173
ПОЗДРАВЛЯЕМ!	174
ПОЙДЁМ, СНЕГУРОЧКА!	175
УСОЛЬЕ – ГОРОД СПОРТА	177
ОГНИ	180
УСОЛЬЕ – ПАРИЖ.....	181
САНТЕХНИК-САН.....	183
Синеву с небес слизнули,	184
СВИРИСТЕЛИ.....	185
УЛЫБКА	186
МАХНИ ЕМУ РУКОЙ.....	187
«МУ».....	189
ВЕСНА В УСОЛЬЕ	190
ВАЛЬС ВЕСНЫ.....	191
КЛЕЩ	192
БУРУНДУК.....	193

ТРОПА	194
ОСЕНЬ	196
ЗИМОВЕЙКА	197
ПОМНИМ, СКОРБИМ	199
МЫ ЭТО ПРОХОДИЛИ	201
У него, у хирурга, инструментов немало;	202
УРОК НЕ ВПРОК	203
КОШМАР	204
Несли эшелоны на запад;	205
ОСЕННИЙ ДЕНЬ	207
ХАТА С КРАЮ.....	208
ЗАВИДУЮ ЕМУ	209
ОСЕННЕЕ	211
ЗАДАНИЕ НА ДОМ.....	212
АННЕ GERMAN.....	213
ШЕДЕВР.....	215
Колокол церковный.....	216
ПРИНЦЕССА.....	217
НАД ЧИСТЫМ ЛИСТОМ.....	219
ЛОПУХ	224
А НАМ ОН СВЯТ	227
ПЕСНИ РАЗНЫХ ЛЕТ	230
МОЙ ГОРОД.....	232

ИГРАЮТ	235
ПРОМЕТЕЙ	237
ГИМН РОССИИ	238
НАПУТСТВИЕ	239
ЗАМУЖНЯЯ	241
С ПРАЗДНИКОМ!.....	243
ЧТОБЫ МОЛОДЫ БЫЛИ ВСЕГДА	244
ПРОВОДЫ ГОДА.....	245
МЫ КУПАЕМСЯ В ЗОЛОТЕ.....	246
НЕ СМОЛКЛА ГИТАРА ТВОЯ.....	247
ГИМН ГОРОДУ УСОЛЬЮ-СИБИРСКОМУ	249
ДЕРЕВНЯ ЛЁШИНО	250
БЕЖИТ ИЗ БАЙКАЛА РЕКА	251
ДЕВЯТЬ ВЕТРОВ.....	252
ДУША БАЯНИСТА	253
ПЕСНЯ КОМАНДЫ.....	254
ГИМН ВЕТЕРАНОВ-ПЕДАГОГОВ	255
КОМАРИКИ	256
ОДА ЧАЮ	257
МЫ ПОЁМ!	258
ПЕСНЯ РЕКИ	260
СОБОЛИНЫЕ ОЗЁРА.....	261
КУРЬЯ	265

Я МОЛЧА ТЕБЯ ПОЗОВУ	266
ПОДАРИЮ ПЕСНЮ?.....	268
ЛАСКОВОЕ ЧУДО МОЁ	269
ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ	270
Вот ты говоришь, жениться,.....	272
ДЕТСКИЙ САДИК.....	273
МАРШ «МОРСКИХ ДЬЯВОЛОВ»	274
ПАРОДИИ. ШУТКИ.....	276
ВЛАДИМИРУ САЗОНОВУ:.....	278
ВИКТОРИИ САВИНОЙ:.....	279
ЛИДИИ ВОЛЫНЕЦ	281
У человека нашли изъян:	284
А я очи вознесю	285
Манит пытливость, гонит вширь ли, ввысь ли –	285
Омар Хайям изведаль жизнь вполне:	286
Аллах акбар! – кричат,	286
Однажды сон я видел вещей:	286
Безбожность не сойдёт мне даром;	287
–Не верю я в незаменимость твою!.....	287
Доложили царю Александру,	287
Говорят: – Слава Богу!.....	288
Напрасно поэтов так превознесли –.....	288
Скромность уважала мудрецов семья:.....	288

Говорил я коту золотые слова:	289
Поэтов не ругай, не подвергай сатире:	289
Чтобы сердца тревожить чьи-то,	289
Зелёный Змий! Лицом к лицу мы стали!	290
Поэт подружку посещал,	290
Теперь такую взяли моду:	291
Большую чурку взял я на дрова!	291
На входе в ГУМ подставился я сдуру,	291
Глядите в «небеса» без страха:	292
РАЗМЫШЛЕНИЯ	292
А строки всё же – не игрушки,	293
О СЕБЕ И НЕ ТОЛЬКО	294
ПОЧТИ МИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ	391

Олег Пеньков

Не ходи
без тропы

поэтический сборник

